
МИРЫ
УРСУЛЫ
ЛЕГУИН
РЕЗЕЦ
НЕБЕСНЫЙ

Резец небесный
Урсула Ле Гуин

Аннотация
Урсуле Ле Гуин. Резец небесный
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

Аннотация

Небольшая сюрреалистическая фантазия с философским уклоном известной американской писательницы.

Урсуле Ле Гуин
Резец небесный

1

Конфуций и ты — вы оба с ним сновидение, да и я, утверждающий это сейчас, сам себе снюсь. В том-то и заключается весь парадокс. Завтра, может статься, появится величайший из мудрецов, способный его объяснить; но, быть может, до наступления этого самого завтра успеют смениться тысячи и тысячи поколений.

«Чжуан-цзы», II

Влекомая подводными токами, в беспокойной пучине колыхалась изрядно потрепанная штормами гигантская медуза, брошенная судьбой на милость всемогущей стихии. Ее то пронизывали бледные лучи света, то поглощала непроглядная тьма. В извечном своем стремлении из никуда в никуда зыбкий живой купол дрейфовал без руля и ветрил, вяло помавая радужными полами призрачного пеньюара; жизнь едва теплилась в хрупкой обитательнице глубин

— как бы бессильным откликом на еженощные гравитационные призывы далекой Луны к

отзывчивой акватории. Этот эфемерный сгусток почти иллюзорного бытия, беспредельно уязвимый, насмерть стоял в поединке с безбрежным и беспощадным океаном, коему так бездумно вверил изменчивую свою судьбу и незавидную будущность.

Но вот проступили очертания земной тверди, взметнулись к небу голые закопченные скалы, исхлестанные и морскими волнами, и атомными ударами, — ужасающее зрелище предательски радиоактивной суши, отторгающей отныне все живое. И сразу же течение, упрямо подталкивая к берегу, перестало быть верным союзником; предательски разомкнув свои уютные объятия, волны выдавливали, гнали медузу вместе с пеной на гулкий прибой, где сами же и разбивались вдребезги…

Как уцелеть на раскаленном радиоактивном песке существу, сотканному из одних лишь морских флюидов, как спастись ему под палящими лучами неумолимого солнца? А как сможет сохраниться сознание, стряхнувшее поутру после столь вожделенного и вместе с тем внезапного пробуждения липкую паутину дремоты?

Наполовину обгоревшие веки не в силах были защитить глаза от беспощадного света, опаляв-

шего, казалось, самый мозг. Повернуть голову удалось тоже далеко не сразу — ее сдавило, точно в тисках, бетонное крошево с торчащими из него арматурными стержнями. Лишь расшатав их помаленьку, сумел он высвободиться и перевести дух. Оказалось, что сидит он на единственном незаваленном клочке пыльной бетонной ступеньки; под рукой порскнул крохотными парашютиками одуванчик, пробившийся сквозь трещину в марше и невесть как уцелевший. Отдышавшись, он неловко поднялся и тут же ощутил, что ноги стали ужасающе ватными — лучевая болезнь неумолимо начинала брать свое. Но до двери рукой подать, а там рядом — к счастью, это его этаж — родная комнатушка, добрая половина которой занята пневмокроватью. Он смог сделать эти два столь необходимых теперь шага и, с великим трудом приоткрыв дверь, едва перебрался через внезапно как бы возросший порог. Дальше тянулся бесконечный линолеум коридора, в самом конце которого — в глазах снова все плыло — терялась мужская уборная. Пытаясь держаться стены, цепляясь за нее неверными пальцами, он двинулся в путь, но далеко пройти не успел — поднявшись внезапно на дыбы, пол жестоко хлобыстнул по лицу…

— Полегче-полегче! Теперь заноси…

Перед глазами бумажным фонариком маячило знакомое бледное лицо, окаймленное жидкой седой бахромой, — над ним низко склонялся лифтер.

— Это радиация, — прохрипел лежащий, но Мэнни, судя по ответу: «Тихо-тихо, паря, теперь все будет в ажуре!» — ни черта не разобрал.

Под лопатками оказались родные вмятины пневмоматраца, перед глазами были знакомые трещины в потолке. Плюс как будто несколько новых.

— Ты что, набрался в стельку?

— Не-а…

— Намарафетился?

— Больно мне…

— Видать, успел все же что-то принять?

— Не сумел подобрать… — выдавил он, имея в виду скорее ключ от той двери, через которую врывались ночные видения и которую он уже давно и тщетно пытался запереть.

— Сейчас подгребет лекаришка с пятнадца… эта… — Голос Мэнни снова едва доносился сквозь неумолчный грохот прибоя.

Отчаянно пытаясь выплыть, едва не захлебнувшись горькой морской пеной, забился он в

конвульсиях. И сразу же наткнулся на незнакомца, сидящего на краешке матраца со шприцем на излете.

— Должно помочь, — заметил тот негромко. — Верное средство. По-моему, он уже приходит в себя. Что, болезный ты наш, нутро-то горит? Ну не переживай! Могло быть гораздо хуже. Неужто и вправду все это он принял зараз? — Врач зашуршал пластиковой фольгой аптечных конвертиков. — Гремучая смесь — барбитураты с декседрином. Ты что, прямиком на тот свет собирался?

Дышать было тяжело по-прежнему, но сама боль уже отступала, оставляя за собой лишь чудовищную слабость.

— Все препараты помечены датами одной недели, — задумчиво протянул эскулап, прыщавый юнец с конским хвостиком и скверными зубами. — Из этого следует, что не все они сняты с твоей фармакарты. Придется доложить о факте заимствования, ты уж извини. Не хотелось бы, да никуда не денешься — присягу давал. Но ты не дрейфь, за эти препараты еще никого не сажали. Просто попадешь полиции на заметку и отправят на проверку в медцентр или в окружную клинику. А оттуда — либо в меддепартамент, либо

на ДНД — добровольную наркологическую диспансеризацию. Я по твоему удостоверению уже заполнил необходимую форму, осталось только внести данные, как давно ты это зелье глотаешь в количествах сверх установленного.

— С месяц-другой…

Медик поскреб пером по бумаге на коленях.

— А с чьей фармакарты снимал?

— Друзья помогали.

— Нужны имена. — И после краткой паузы: — Хотя бы одно. Это пустая формальность, ни для кого никаких неприятностей. Уверяю, твоему дружку грозит лишь полицейский выговор да надзор за использованием фармакарты в течение года. Семечки… Одно имя.

— Не могу. Мне же помочь хотели.

— Видишь ли, если не назвать имен, это уже трактуется как сопротивление властям. Ты можешь оказаться за решеткой или угодить на ПНЛ — принудительное лечение. В весьма и весьма закрытом учреждении. Тогда ведь все равно выяснится, по чьей карте ты получал препараты, так что искренне советую не тратить даром свое и мое время. Ну давай же, не тяни резину!

Закрыв глаза от нестерпимого света ладонями:

— Не могу. Никак не могу… Обещал.

— Впиши мою карточку, — вмешался лифтер. — Мэнни Аренс, номер 247-602-6023.

Перо в руках медика отчаянно заскрипело.

— Никогда… ни разу с твоей карты не брал…

— Ну так разыграем их малость. Проверять ведь никто не станет. Фармакарты вечно в обороте, концов никому не найти. Когда моя кончается, сам занимаю у других, и наоборот. А полицейских замечаний у меня скопился вагон и маленькая тележка, стенки оклеивать можно. И ничего. Как понимаю, в ЗОБ-контроле note 1 о них и не слыхивали. Зато ты выскочишь из воды сухим. Не бери в голову, паря!

— Не мо-гу… — прохрипел он, пытаясь высказать несогласие с рискованной затеей приятеля, беспокойство за него, а также полное свое бессилие удержать Мэнни от идиотской лжи.

— Часа через два-три тебе заметно полегчает, — заметил эскулап. — Но сегодня лучше бы из дому не выходить. Все одно через центр не пробиться — машинисты подземки снова затеяли бучу, и национальная гвардия наводит в старом городе порядок. В новостях сообщают, что там невесть

---

note notes: Note1

ЗОБ — здравоохранение, образование, благосостояние (в оригинале HEW — Health, Education, Welfare; как глагол имеет также значения «рубить, выполнять неприятную работу»)

что творится — просто ад кромешный. Отлежись лучше. А мне пора на службу, провались она пропадом, отсюда десять минут пешком — лечебный комплекс в центре квартала Макадам. — Матрац вздрогнул и заметно просел. — Представляешь, двести шестьдесят младенцев, загибающихся от квашиоркора, и все на моей шее. Все как один — отпрыски важных шишек. А что я в силах сделать для них, черт меня подери? На мои отчаянные запросы обеспечить детей усиленным белковым рационом из любых инстанций всегда приходят одни лишь витиеватые извинения. Родители готовы за все заплатить, постоянно суют деньги. Но ведь купить-то негде! Гори оно все синим пламенем! Пичкаю детей инъекциями витамина С и делаю вид, что сражаюсь с обыкновенной цингой…

Хлопнула дверь. Матрац снова хрюкнул и вспучился — под весом Мэнни, занявшего место эскулапа. Едва уловимый запах, сладостный, как от свежестриженой лужайки, и голос из мрака за плотно закрытыми веками — далекий, как сквозь туманную кисею:

— Ну не кайф ли быть живым, а, Джорджи?

2

Небесные Врата — это отсутствие
чего бы то ни было...
«Чжуан-цзы», XXIII

Живописный вид на Маунт-Худ отнюдь не открывался из окон кабинета доктора Уильяма Хабера, как ожидалось поначалу, когда посетитель входил в вестибюль, а затем оказывался в стремительно возносящемся лифте. Из окон вполне по-деловому обставленного офиса на шестьдесят третьем этаже небоскреба в восточном Вильяметте вообще не открывалось никаких примечательных видов. Зато одна из глухих стен блистала огромной пластиковой фотофреской, изображавшей тот же Маунт-Худ во всей красе, и взор хозяина кабинета, ведущего селекторные переговоры с секретаршей, отдыхал сейчас именно на ней.

— А что там, у этого Орра? Напомни-ка, Пенни. Симптомы истерической проказы, кажется?

Секретарша располагалась в трех шагах, сразу за стенкой, но использование офисного селектора вкупе с солидным дипломом в рамке на стене

внушало, пациентам чуть ли не благоговейный трепет. Впрочем, устройство это производило впечатление и на самого владельца — как элегантным дизайном, так и ценой. Да и, в конце-то концов, негоже солидному психотерапевту собственноручно распахивать дверь и драть горло криком: «Следующий!»

— Нет, доктор Хабер. Такие симптомы у мистера Грина, которому назначено на завтра, в десять. Сегодня же у нас протеже доктора Вальтера из университетского медцентра. Случай ДНД.

— Злоупотребление препаратами, точно! У меня ведь на столе лежит его досье. О'кей, как появится, пропусти сразу же.

Еще не договорив, Хабер услышал стон тормозящего на этаже лифта, тяжкий пневматический выдох его дверей, затем нетвердые шаги по коридору. После, видимо, некоторых колебаний гостя скрипнула дверь приемной. Если прислушиваться, доктор мог различить и множество других звуков: хлопанье дверьми, стрекот пишущих машинок, голоса, журчанье воды в бачке унитаза — и на их этаже, и на соседних. Но штука заключалась как раз в обратном — научить свой слух вовремя вырубаться и не замечать всей этой деловой какофонии. Устанавливать в сознании

нечто вроде глухой корабельной переборки.

Сейчас, пока Пенни улаживала с посетителем обычные для начала визита формальности, доктор продолжал глазеть на фреску, дивясь, кому же это и когда удалось сделать подобную фотографию. Пронзительно синее небо над девственно-чистым снежным покровом, укутывающим Маунт-Худ от подножия до самой макушки. Может, в семидесятые или даже шестидесятые? Ведь парниковый эффект не свалился людям на голову вдруг, изменения в атмосфере накапливались исподволь, и Хабер — год рождения 1962-й — еще отчетливо помнил голубизну небосвода своего раннего детства. Теперь снежных шапок и ледников на склонах уже на Земле не увидишь — их сбросили все горные пики, включая знаменитый Эверест и даже огнедышащий Эребус в Антарктике. Но, может статься, снимок сделан не столь уж давно, попросту чуток смухлевали

— небо подсинили, склон выбелили. И нет проблем!

— Добрый день, мистер Орр! — Просияв гостеприимной улыбкой, Хабер поднялся навстречу гостю, но руки не подал — слишком многие пациенты в последнее время стали остерегаться лишних физических контактов, приходили

просто в ужас и напрочь замыкались при виде дружелюбно протянутой пятерни.

Посетитель слегка смешался, неловко отдернув руку, потеребил цепочку на шее и неуверенно произнес:

— До… добрый день, доктор!

Его шею украшала, как отметил Хабер, незатейливое ожерельице из посеребренной нержавейки. Да и сам посетитель, одетый вполне ординарно, являл собою типичный образчик офисного клерка. Прическа стандартной длины, до плеч, аккуратная бородка. Невысокий сероглазый блондин лет тридцати, подросткового сложения, малость истощенный, но с виду здоровый и вполне привлекательный — доктор уже набрасывал себе начерно портрет визитера. Воспитанный, толерантный, безвольный, подавленный, закомплексованный. Первые десять секунд знакомства с пациентом, любил повторять доктор Хабер и про себя, мысленно, и коллегам вслух, наиболее важны для создания доверительной атмосферы в будущем.

— Присаживайтесь, мистер Орр! Да-да, именно сюда! Не угодно ли закурить? С темным фильтром весьма крепкие, с белым — послабее. — Гость не курил. — Тогда, не теряя времени даром,

попробуем разобраться в непростой вашей ситуации. ЗОБ-контроль заинтересовался, по какой причине заимствовали вы стимуляторы и снотворное с чужой фармакарты. Почему не хватило установленных вам персонально лимитов? Не так ли? И вас послали к парням с холма, а те в свою очередь, прописав добровольную наркологическую диспансеризацию, переадресовали ко мне. Пока все верно?

К собственным сердечным интонациям, призванным пробудить в собеседнике живой отклик, усыпить настороженность, доктор был весьма чуток — не хватить бы лишку! Пока, похоже, срабатывало не очень: часто мигая, гость сидел как деревянный, руки приклеены к коленям, и, как бы сглатывая в горле ком, изредка кивал — классическая иллюстрация состояния затаенной тревоги.

— Чудненько, пока что ничего из ряда вон выходящего. Вот если бы вы складывали пилюли в кучку с целью перепродажи на черном рынке или для покушения на чью-либо жизнь, тогда дело табак. Но так как вы их попросту использовали для личных нужд, то весь ваш приговор — всего лишь несколько сеансов в моем кабинете! А это не столь уж и страшно. Естественно,

и меня заинтересует, на кой ляд потребовалась вам эта чертова уйма снадобий — но только затем, чтобы точнее определить стиль нашего с вами общения, вернуть вас к нормальной полноценной жизни в пределах вашей собственной фармакарты, а может статься, и вовсе без химической зависимости. Очень надеюсь на это. Согласно сему документу, — Хабер перевел взгляд на распахнутый скоросшиватель, пересланный из медцентра, — вы в течение нескольких недель принимаете барбитураты, затем на несколько дней переключаетесь на декстроамфетамины, а затем — возвращаетесь назад к снотворному. Как это началось, что вас побудило? Бессонница?

— Нет, сплю как сурок.

— Тогда, видимо, неприятные сны?

Пациент растерянно зыркнул на доктора — в глазах светился чуть ли не животный страх. Случай, похоже, не из сложных — все у больного как на ладони.

— Вроде того, — отозвался тот хрипло.

— Угадать было не так уж сложно, мистер Орр. Никакой мистики — всех своих сновидцев медцентр обычно и сбагривает мне. — Хабер заулыбался: — Я ведь специалист по сновидениям. В самом буквальном смысле. То бишь онейро-

лог. Сон и сновидения — хлеб мой насущный. О'кей, можем еще немножко поиграть в шарады. Полагаю, от скверных сновидений вы пытались избавиться с помощью фенобарбитуратов, и сперва это срабатывало. Затем наступило привыкание, вы оказались в некоторой химической зависимости, а эффект воздействия пилюль стал снижаться, пока и вовсе не сошел на нет. Точно та же история с декседрином. Тогда вы и стали их перемежать. Все верно?

Пациент одеревенело кивнул.

— А почему же декседриновый период у вас всегда оказывался короче?

— Эта гадость делала меня таким… неуравновешенным.

— Естественно, иначе и быть не могло. А этот ваш последний коктейль из обоих препаратов — вообще нечто особое! Хотя сам по себе он и не смертелен, но вы играли в опасные игры со своим здоровьем, мистер Орр. — Сделав для вящего эффекта паузу, Хабер веско добавил: — Вы могли лишить себя способности засыпать вообще!

Снова в ответ кивок.

— Могли бы вы обойтись без воды или пищи, мистер Орр? Никогда не пробовали перестать дышать, наконец?

Уловив в голосе доктора сдержанный сарказм, пациент выдавил некое подобие улыбки, весьма далекое от оригинала жалкое подобие.

— Вы ведь прекрасно знаете, что никому на свете еще не удавалось обойтись без сна. Равно как и без пищи, воды или воздуха. Но известно ли вам, что собственно сна еще недостаточно, что человеческий организм испытывает насущную потребность именно в сновидениях? Если систематически их подавлять, ваше сознание начнет чудить, откалывать самые неожиданные коленца. Вы станете без какой-либо видимой причины раздражаться, обвинять окружающих во всех смертных грехах, утратите способность к нормальному сосредоточению — не правда ли, мистер Орр, вам знакомы эти симптомы? И дело тут уже не в одной только декседриновой зависимости — вы начинаете грезить среди бела дня, становитесь крайне рассеянным, утрачиваете чувство ответственности, приобретая взамен склонность к параноидальным фантазиям. В конце концов вы все равно уснете и увидите сон, не суть важно какой! Ни одно лекарство на свете не убережет от сновидений, кроме разве что цианистого калия и ему подобных.

К примеру, хронический алкоголизм может

привести к рассеянному склерозу, а это верная смерть. И причина ее — гибель клеток спинного мозга от нехватки именно сновидений. Отнюдь не от недосыпания! Именно от дефицита весьма специфического состояния организма, наступающего в момент сновидения, в стадии так называемых быстрых снов, или попросту сон-фазе. Но вы у нас не алкоголик, а также не вполне еще покойник. Отсюда вывод: все ваши попытки самоуничтожения пока возымели лишь частичный эффект. Тем не менее вы: а) в скверной физической форме и б) уткнулись в глухую стену. Вы в тупике. Весь вопрос, как теперь из него выбираться? Ваша фобия перед неприятными сновидениями, как я понимаю, коренится в их содержании. Не поведаете ли что-нибудь из своих кошмаров?

Орр колебался, одолевал нерешительность.

Хабер приоткрыл было рот и тут же осекся. Ему постоянно доводилось убеждаться, что для пациента настоятельно необходимо самому выговориться перед внимательным слушателем, и спешка здесь неуместна. Именно в этой стадии и должен больной делать первый самостоятельный шаг навстречу исцелению. Лучше уж немного молчания, чем риск наглухо захлопнуть калитку.

Этот разговор, в конце концов, весь носит чисто предварительный характер — своего рода прелиминарии, унаследованные от первопроходцев психоанализа, смысл которых — помочь врачу решить, какой тактики придерживаться в дальнейшем, какой метод терапии избрать, чтобы верней помочь пациенту.

— Думаю, что кошмары преследуют меня не больше, чем остальных, — почти прошептал наконец Орр, опустив очи долу. — Ничего необычного. Просто я… просто я боюсь снов.

— Дурных снов.

— Любых снов.

— Понимаю. Не могли бы вы припомнить, мистер Орр, когда и как это началось? А также уточнить, чего именно вы страшитесь во сне, чего стремитесь избежать?

Так как пациент, не отводя взгляда от собственных кистей — короткопалых, в рыжеватых волосках, все еще намертво приклеенных к коленям, — сразу не ответил, Хабер решил подбросить в огонь дровишек, немного подсуфлировать.

— Не иррациональность ли это, столь типичная для сновидений? Разнузданность? Жестокость? Может, безнравственность ваших поступков во сне, иногда даже свальный грех? Что именно

причиняет вам такие неудобства, мистер Орр, что так страшит?

— Нечто вроде… Но не совсем. Моя беда в другом. Здесь нечто совершенно особенное. Понимаете, доктор, я во сне… я…

Так вот в чем загвоздка, вот где вся закавыка, соображал Хабер, не отрывая взгляда от одеревеневших рук визитера. Несчастный, исстрадавшийся ублюдок! Его мучит комплекс вины по поводу грязных, сальных и влажных снов. Подростковое недержание мочи, тайная сладость поллюций, суровый родительский диктат…

— …Боюсь, вы не поверите мне…

А коротышка-пациент, похоже, болен серьезнее, чем показалось на первый взгляд.

— Специалисту, занятому сновидениями всерьез, не свойственно зацикливаться на их правдоподобии или соответствии жизненным обстоятельствам, мистер Орр. Я редко использую в своей практике категории веры, неверия. Они здесь редко приложимы, а подчас и вовсе неуместны. Давайте забудем ваше «не поверите» и продолжим. Я, признаться, весьма заинтригован.

Не прозвучала ли последняя сентенция слишком покровительственно, свысока? Глянув на

гостя, чтобы проверить впечатление, Хабер впервые встретился с ним взглядом по-настоящему. Впечатление получилось изрядным. Необыкновенные, потрясающие глаза, отметил врач и сам себе подивился — эстетические категории в его работе тоже не в великой чести. Но эти бездонные, такие ясные серо-голубые глаза буквально завораживали. Доктор даже на миг забылся, утонув в их непостижимости, но лишь на миг — наметанный взгляд профессионала обнаружил во взгляде следы невысказанной муки.

— Ладно, я скажу вам, — продолжил Орр несколько принужденным тоном. — Я вижу сны, которые как бы… как бы воздействуют… на… на окружающий мир. Изменяют реальность.

— Не вы один, мистер Орр, все мы сталкиваемся с чем-то подобным.

Орр не сводил с доктора округлившихся светлых глаз. Прямо душа нараспашку.

— Впечатления от сновидений, наступающих непосредственно перед пробуждением, — тут же дополнил Хабер, — обусловлены особым эмоционально-психическим состоянием и могут сказаться на…

Договорить не удалось — Орр поспешно его перебил:

— Нет-нет, я имел в виду нечто совсем иное! — И после краткой заминки:

— Я что-то вижу во сне, что-то совершенно новое, а проснувшись, обнаруживаю, что оно стало реальностью.

— Почему вы решили, что в такое трудно поверить, мистер Орр? Я говорю с вами совершенно серьезно, без околичностей — чем дальше продвигаешься в нашей науке, тем меньше остается невероятного. И даже невозможного. Провидческие или вещие…

— Ни вещие сны, ни ясновидение здесь ни при чем, док. Я ничего не предвижу. Ничего не знаю заранее. Я попросту изменяю окружающую действительность. — Пальцы пациента судорожно сцепились.

Неудивительно, что мудрецы из медцентра перепасовали его сюда — все орешки, что им не по зубам, перепадают Хаберу.

— Не затруднит ли вас привести какой-либо конкретный пример? И лучше всего припомнить самый первый подобный сон. Сколько лет вам тогда стукнуло?

Пациент задумался и наконец, после некоторых колебаний, ответил:

— Примерно шестнадцать, по-моему. — Каза-

лось, он рывком преодолел некое внутреннее сопротивление и как бы сдался на милость доктора; тревога по-прежнему читалась в глазах, но панцирь самозащиты был уже сброшен. — Но тогда я еще не был вполне уверен в том, на что жалуюсь…

— Расскажите о первом случае, когда были уверены.

— Это когда мне уже минуло семнадцать… Жил я тогда с родителями, и у нас гостила, вернее, загостилась моя тетка по материнской линии. После развода она потеряла работу и сидела на минимальном пособии. И, по-моему, была малость не в себе. Мы жили в обычной трехкомнатной малогабаритке, и она практически никуда из нее не выходила. Достала этим мать мою, а свою сестру, буквально до печенок. Ни с кем не считалась — тетка Этель, я хочу сказать. Свинячила в ванной — у нас тогда еще была собственная ванна. Обожала меня дразнить — в самом дурном смысле слова. Входила в мою комнату в распахнутой пижаме и всякие такие штуки. Тетке, кстати, еще и тридцати не было. А это, понятное дело, причиняет известные неудобства. Я был тогда девственник, ну и… вы понимаете. Известно ведь, подросток. Хозяйство торчком, и на все клюешь,

как пескарь. Я страшно переживал, буквально возненавидел самого себя. Она ведь была все-таки моей родной теткой…

Орр посмотрел на доктора, чтобы проверить произведенное впечатление, — и убедился, что доктор в искренности его исповеди вроде бы не сомневается, во всяком случае не выражает явно своего отношения.

С чем только не доводилось сталкиваться Хаберу в медицинской практике. И он давно пришел к выводу, что вседозволенность конца двадцатого столетия сексуальных фобий и комплексов породила ничуть не меньше, чем некогда строгий пуризм века девятнадцатого. Похоже, Орр всерьез опасается, что доктора удивит его нежелание делить постель с собственной тетушкой. Хабер постарался придать своему лицу выражение пытливой заинтересованности, и пациент продолжил:

— Ну вот, тогда и начались тревожные сны, и во всех фигурировала тетка Этель. В самых разных обличьях, порой совершенно неузнаваемая, ну как это и бывает порой во сне. Как-то, например, предстала в виде белой кошки, но я почему-то все равно знал, кто она на самом деле. В конце концов, как-то раз, после посещения киношки, где

тетка всячески прижималась и терлась об меня действительно как кошка, когда по возвращении домой мне не без труда удалось ее спровадить восвояси, я и увидел тот самый сон. Очень яркий и отчетливый. Мог бы пересказать его, когда проснулся, до мельчайших подробностей. Мне снилось, что тетка Этель погибла в автокатастрофе где-то под Лос-Анджелесом, а нас о несчастье оповестили телеграммой. Мать, стоя над плитой, кропила варево в кастрюле слезами, я от души сопереживал ей, соображая, чем бы утешить, и не в состоянии был абсолютно ничего придумать… Вот и все, пожалуй, если вкратце. Проснувшись поутру, выскочил из комнаты — диван в гостиной пуст. Тетки и дух простыл, никаких следов, хоть шаром покати. Родители и я, больше в квартире никого… И не то чтобы она просто вышла куда-то или внезапно уехала, никому не сказавшись. Она *никогда* у нас и не гостила. Не стоило спрашивать родителей, не было в том нужды — я и сам это *помнил* прекрасно. Я знал, что тетка Этель погибла в автокатастрофе полтора месяца назад по пути домой после встречи с адвокатом. По поводу предстоящего развода. Скорбное известие мы получили по телеграфу сразу же после трагедии. И весь мой сон оказывался как бы простым

отображением произошедшего. Только ничего такого ведь не было — до того, как я увидел свой сон. Понимаете, я ведь *одновременно помнил* также и то, что она жила у нас, спала на диване в гостиной, свинячила в ванной, флиртовала со мной — вплоть до прошлой ночи.

— Но ведь ничего в квартире на это не указывало? Доказательств никаких не осталось?

— Абсолютно никаких! Ни следа. Тетки как не бывало. И никто, кроме меня, не помнил о ее житье-бытье в нашей квартире. А я, стало быть, просто что-то перепутал. Вот так вот.

Погрузившись в задумчивость, Хабер кивнул и рассеянно потеребил бородку. То, что поначалу казалось случаем легкой наркотической зависимости, на поверку оборачивалось серьезным помрачением рассудка. Доктору еще не доводилось сталкиваться со столь стройной системой галлюцинаций, изложенной к тому же вполне связно и внятно. Судя по всему, Орр не обычный шизофреник, напротив — на вид вполне разумный человек, умеющий соблюдать приличия, а его не слишком очевидные шизоидные заскоки носят, по-видимому, нерегулярный характер. Правда, для полноты диагноза в больном явно недоставало того нескрываемого внутреннего апломба,

что присущ всем подобным больным, — что-то у Хабера тут пока не вполне складывалось.

— А почему вы так уверены, что родители изменения реальности не заметили?

— Но они ведь не видели моего сна. Хочу сказать, что именно он и изменил всю реальность. То есть создал иную, с иным прошлым и с памятью об этом ином прошлом. А прожив это новое прошлое, иметь воспоминания о каком-то другом родители никак не могли. А я мог, я помнил оба, так как был там… в самый момент… в момент изменения. Только так я и мог объяснить себе все. Звучит дико, понимаю, но нужно же было найти хоть какое-то объяснение, иначе выходило, что я попросту сбрендил.

Нет, решил Хабер, этот паренек определенно не кисейная барышня, не размазня.

— Не мне судить об этом, мистер Орр. Я имею дело с фактами. И все выверты сознания для меня те же факты, можете поверить. Когда *рассматриваешь* чей-либо сон записанным черным по белому в виде ЭЭГ, то есть электроэнцефалограммы, что мне приходилось делать тысячи и тысячи раз, о его содержании уже не можешь говорить как о чем-то нереальном. Сновидения существуют, они представляют собой нормальный событийный

ряд, они оставляют за собой видимый след. Ладно, поехали дальше. Полагаю, вам приходилось видеть и другие сны с тем же самым эффектом?

— Приходилось. Но не слишком часто. Только в стрессовом состоянии, когда разволнуешься. А вот сейчас, в последнее время, они как бы… стали случаться чаще. И меня это начинает беспокоить.

Хабер подался вперед:

— Почему?

Орр ошарашенно захлопал длинными ресницами:

— Почему… что?

— Почему вас это беспокоит? — уточнил вопрос доктор.

— Потому что я отнюдь не желаю менять порядок вещей! — воскликнул пациент, как бы объясняя нечто самоочевидное. — Кто я такой, чтобы решать, чему и как быть? Не мое это дело, к тому же я даже не в состоянии проконтролировать что-либо — за меня все решает во сне мое подсознание. Я пробовал заниматься самовнушением, проштудировал несколько, фолиантов, но толку от этого как от козла молока. Сновидения — штука непоследовательная, личностная, иррациональная, они вне морали, наконец, как

вы сами изволили утверждать только что. Они поднимаются из самых темных глубин нашего подсознания, ну, какая-то часть, во всяком случае. Я ведь вовсе не желал смерти бедняжке Этель. Просто хотел убрать ее из своей жизни, отодвинуть со своего пути. Ну а мой сон взял да нашел более радикальное решение. Сновидения всегда выбирают что попроще и поэффективней. Таким образом я и убил свою тетку. С помощью автомобильной аварии, случившейся за тысячу миль и шесть недель назад. И всецело несу за это моральную ответственность.

Хабер снова ухватился за бороду.

— Ага, — задумчиво протянул он, — тогда-то и налегли вы на лекарства, подавляющие сновидения. Чтобы в дальнейшем избежать чувства вины?

— Да. Снотворное как бы размывало мои сновидения, делало их совершенно туманными. Кроме отдельных, очень уж интенсивных, которые все-таки… — Орр поискал подходящее слово, — …прорывались.

— Понятно. Хорошо. Но давайте все же разберем ситуацию подробнее. Вы не женаты, работаете чертежником на гидроэнергоцентрали Бонвиль-Уматилья. Как вам ваша работа?

— Прекрасно, вполне устраивает.

— А как обстоят дела в интимной сфере?

— Разок испробовал, что такое законный брак. Стаж — два года. Прошлым летом развелся.

— По чьей инициативе развод — вашей или жены?

— Думаю, по обоюдной. Жена не хотела иметь детей. А без этого к чему брак?

— Ну а с тех пор?..

— Встречался, несколько раз, то с одной, то с другой девицей из нашей конторы. Да и вовсе не такой уж я… жеребец, что ли, понимаете?

— Вполне. А как вообще обстоит у вас с коммуникабельностью? Нашли вы свою экологическую нишу в эмоциональной среде, с людьми сходитесь без затруднений?

— По-моему, да.

— Таким образом, станем считать, что все в вашей жизни внешне обстоит благополучно. Верно? Ну и ладно. Тогда скажите мне вот что: вы хотите, вы *действительно* хотите освободиться от химической зависимости?

— Разумеется.

— Отлично! Значит, резюмируя вкратце, вы пользовались лекарствами, чтобы подавить сновидения. Но опасность для вас представляют

далеко не все сны — только наиболее яркие и отчетливые. Тетка снилась вам в виде белой кошки, но наутро кошкой не стала, верно ведь? То есть какая-то часть ваших снов вполне приемлема, не так ли? — Хабер дождался утвердительного кивка собеседника. — Тогда предлагаю поразмыслить вот о чем. Как вы отнесетесь к предложению исследовать весь этот феномен в целом и, возможно, научить вас видеть лишь безопасные сны, сны без страхов?

Позвольте объяснить подробнее. Предмет вашего сна складывается из эмоциональных пиков в подсознании, и вас страшит именно невозможность контроля над способностью отдельных сновидений влиять на реальную действительность. В онейрологии принято рассматривать сны как весьма изысканный и метафорически многозначный язык, на котором ваше подсознание пытается сообщить сознанию нечто как раз о реальности, вашей личностной реальности, пытается подать сигнал, воспринять который рассудком вы еще не готовы, то есть не в состоянии истолковать рационально. Но мы ведь можем воспринять метафору и буквально как метафору — на этой стадии исследования вовсе нет нужды переводить ее в рассудочные термины. И упира-

емся мы тогда прямо в суть вашей проблемы: вы боитесь своих снов и одновременно нуждаетесь в них. Вы пытались подавить сны лекарствами, но это не сработало.

Что ж, давайте попробуем нечто совершенно обратное. Клин клином вышибают. Давайте нарочно дадим вам поспать. Спокойно поспать и увидеть сон, яркий и отчетливый, с заранее известным содержанием, прямо здесь и сейчас. Под моим присмотром, под строгим медицинским надзором. Таким образом вы как бы сохраните контроль над тем, что, казалось бы, проконтролировать невозможно.

— Как же я смогу увидеть *действенный* сон по заказу? — удивился Орр не без тревоги в голосе.

— Сможете, сможете. Во Дворце Грез доктора Хабера. Доводилось ли вам раньше подвергаться гипнозу?

— Только у стоматолога.

— Отлично. Великолепно. Мой метод прост: я погружаю вас в гипнотический транс, затем приказываю заснуть и увидеть сон *определенного* содержания. Вы наденете на себя трансшлем — для вящей уверенности, что заснете под гипнозом по-настоящему, а не сомнамбулически. На протяжении всего эксперимента я буду вас

наблюдать, снимать всяческие параметры и приглядывать за энцефалограммой. Потом разбужу вас, и мы обсудим результаты. Если все пройдет без сучка без задоринки, то, полагаю, все ваши страхи развеются, как утренний туман.

— Боюсь, ничего не выйдет. Один такой сон приходится у меня на несколько десятков ночей, а то и на сотню, — упирался Орр. И его довод звучал как будто резонно.

— Неважно, развлекайтесь себе сном любого типа, какой получится, зато все его содержание и эффект воздействия будут полностью зафиксированы. Я занимаюсь этим скоро уже десятилетие и уверен, что все будет в полном порядке — если, конечно, наденете трансшлем. Не приходилось еще? — Орр отрицательно помотал головой. — Но хотя бы догадываетесь, что это за штука такая?

— Вырабатывает сигнал для… для попутной мозговой стимуляции, кажется.

— Если грубо, то так оно и есть. Русские пользуются психическими трансшлемами более полусотни лет, израильтяне, как следует усовершенствовав, тоже уже порядком, наконец-то и мы спохватились и наладили выпуск собственных — для профессиональных нужд, вроде умиротворения разбушевавшихся психов, и даже для

домашнего использования в качестве генератора альфа-ритмов, замены снотворному.

Скажем, года два назад я занимался одним весьма трудным случаем ПНЛ в Линтоне — женщиной в глубочайшей депрессии. Как все жертвы подобного синдрома, спала она крайне мало и практически не погружалась в сон-фазу, не видела снов. Вернее, как только та наступала, больная тут же просыпалась и подскакивала как оглашенная. Порочный круг: чем глубже депрессия, тем слабее сон, слабее сон — сильнее депрессия. Разорвать бы его. Но как? Ни одно из известных нам лекарств сон-фазу не усиливает. ЭМС

— электронная мозговая стимуляция? Тогда придется имплантировать электроды, и глубоко — в участки мозга, ответственные за сон. Но всегда ведь предпочтительнее обойтись без хирургии. И я надумал воспользоваться трансшлемом.

Что произойдет, если смодулировать специальный низкочастотный сигнал, нацеленный на определенный участок мозга? Это был новый подход, и, прежде чем удалось создать портативный электронный комплект для такого рода исследований, пришлось несколько месяцев корпеть над громоздким стационарным оборудованием. За

это время я успел перепробовать воздействие на мозг пациента записей ритмов здорового мозга из самых различных стадий сна. Толку было не слишком много. Сигналы эти то находили слабый отклик в больном мозгу, то нет — последнее куда чаще. Требовалось нечто обобщающее, усредненный сигнал, выработанный по результатам анализа сотен контрольных записей.

Тогда, занимаясь параллельно и другими пациентами, я надумал выделять полезные состояния и монтировать записи — когда мозг подопечного четко вырабатывал искомый здоровый сигнал, я его фиксировал, наращивал, усиливал и продлевал. В результате, воспроизводя полученную запись, я получил возможность лечить больной мозг его же собственными нормальными ритмами. Нечто вроде положительной обратной связи. Поднакопив опыта, я несколько усложнил аппаратуру — взгляните, что вышло из простой комбинации ЭЭГ плюс трансшлем. — Хабер указал на электронную чащу за спиной Орра. Добрая доля всей этой машинерии, дабы не шокировать наиболее пугливых посетителей, таилась за пластиковыми панелями, но и на виду оставалось предостаточно — на добрую четверть небольшого кабинета. — Это и есть мой Храм Грез, мой «сон

из машины», — добавил доктор с горделивой улыбкой, — или Аугментор, если выражаться по-научному. Его функция — погрузить вас в сон со сновидениями, легкими и поверхностными или же глубокими и яркими, какие только пожелаем. Да, кстати сказать, та депрессивная дамочка из Линтона выздоровела полностью и выписалась еще прошлым летом. — Хабер кивнул на аппаратуру. — Ну как, рискнем, попробуем?

— Прямо сейчас?

— А чего еще ждать?

— Как-то не совсем обычно это — отправиться на боковую среди бела дня… — смутился Орр, а Хабер тем временем, вытянув из набитого доверху ящика бланк, уже заполнял наспех форму «Добровольное согласие на гипноз в соответствии с требованиями ЗОБ-контроля».

Приняв протянутую доктором авторучку, Орр послушно, хотя и несколько принужденно, подмахнул листок.

— Ну вот, все в полном порядке. Теперь уточним следующее, Джордж. Ваш дантист пользовался гипнозаписью или же манипулировал голосом и жестами?

— Записью. У меня тройка по шкале внушаемости.

— Ага, в точности посередке! Так-так, значит, чтобы внушить вам сон с конкретным содержанием, безусловно, следует достичь глубокого погружения в транс. Поскольку мы намерены добиться у вас, мистер Орр, не сомнамбулического состояния, а подлинных сновидений, воспользуемся моим Аугментором — как раз то что надо. А чтобы не дать промашки при входе в транс и не потерять драгоценного времени, предлагаю применить стимуляцию блуждающего нерва и сонной артерии, вагус-каротидную индукцию. Вам доводилось уже сталкиваться с подобным?

Орр отрицательно помотал головой. Он явно был малость обескуражен ворохом новых для себя сведений, но не возражал, безгранично, почти по-детски доверяя себя опыту врача. Хабер обнаружил в себе нечто вроде ростков жалости, чуть ли не зародыш отцовских чувств к этому хрупкому и податливому существу. Влиять на него оказалось столь легко и просто, что даже неинтересно — никакого сопротивления.

— Я практически постоянно пользуюсь этим приемом, и с превосходными результатами. Быстро, безопасно и надежно — думаю, лучшего способа для погружения в транс просто не существует, никаких тебе неприятных сюрпризов, ни

для гипнотизера, ни для пациента…

Но Орр мог раньше слышать и какие-нибудь жуткие россказни о замученных подопытных, погибших в результате врачебной небрежности при применении подобного метода. И хотя сомнения были здесь совершенно неуместны, Хаберу следовало позаботиться о погашении возможного предубеждения у пациента, чтобы тот полностью расслабился. Поэтому доктор не счел за лишнее углубиться в детали; бегло и непринужденно пройдясь по полувековой истории применения данного приема в сеансах гипноза, он, чтобы отвлечь внимание собеседника от скользкой темы, переключился затем на совершенно другое — снова вернулся к снам и сновидениям.

— Видите ли, Джордж, пропасть, через которую нам с вами предстоит перекинуть мостик, — это зазор между выходом из гипнотического транса и погружением в сон-фазу. У этой бездны весьма простое наименование — сон. Обычный медленный сон, предшествующий сон-фазе, — сон без сновидений. Существуют, грубо говоря, четыре ментальные стадии, на которых следует остановиться чуть подробнее: бодрствование, транс, медленный сон и быстрый, или сон-фаза. Если обратиться к сути ментальных процессов, можно

утверждать, что последние три имеют нечто общее — и сон, и сновидения, и гипноз активизируют работу подсознания, подкорки. Все они взывают к безусловным человеческим рефлексам за порогом мышления, когда бодрствование — процесс сознательный, то есть вторичный. Всмотритесь же теперь в эти энцефалограммы повнимательнее. — Хабер зашуршал распечатками.

— Вот медленный сон, вот гипнотический транс, вот бодрствование. Видите, они имеют здесь немало общего. А вот график сон-фазы — уже совсем иначе, разница очевидна. И вы не можете перескочить из транса в сон-фазу напрямую

— обязательно через стадию медленного сна.

У здорового человека сон-фаза наступает четыре-пять раз за ночь, с интервалом в час-другой, и всякий раз примерно на четверть часа. В остальное время вы пребываете в той или иной стадии медленного сна. И в ней можно увидеть сны, но обычно весьма бессвязные и неотчетливые; деятельность мозга в таком состоянии напоминает двигатель на холостом ходу, происходит нечто вроде тихого брожения потаенных мыслей и сокровенных мечтаний. Вслед за этим начина-

ется яркое, эмоциональное и запоминающееся сновидение сон-фазы. Гипноз в сочетании с Аугментором дадут нам гарантию его получения, гарантию прыжка через нейропсихологическую пропасть и временной сдвиг из медленного сна прямо в необходимую нам сон-фазу.

Пересядьте, пожалуйста, вот на эту кушетку… Пионерами подобного рода исследований были Димент, Эзеринский, Бергер, Освальд, Хартманн и многие-многие другие, но кушетка — обязательный атрибут кабинета любого из названных — заведена еще отцом-основателем психоанализа, самим Зигмундом Фрейдом. Правда, он бы в гробу перевернулся, узнав, как мы ее нынче используем. У него-то пациенты никогда *не спали*… Теперь откиньтесь на подушку в изголовье и расслабьтесь. Да-да, именно так. Вам предстоит провести здесь какое-то время, поэтому располагайтесь как дома, устраивайтесь поудобнее. — Хабер выдержал паузу. — Вы говорили, мистер Орр, что вам доводилось заниматься самовнушением? Прекрасно! Вспомните теперь, с чего вы обычно начинали свой сеанс. С глубокого размеренного дыхания, не так ли? Вдох на счете «десять», дыхание задерживаем до пяти. Превосходно! Вас не затруднит сконцентрировать

взгляд на потолке прямо над головой? Отлично!

Как только пациент повиновался и запрокинул голову, сидящий рядом Хабер, не мешкая, нагнулся и подсунул под его затылок левую ладонь, легонько прижав пальцами нервные узлы за ушами; правой рукой одновременно надавил на точки прямо под мягкой и светлой бородкой — в области блуждающего нерва и сонной артерии. Бледная кожа под пальцами удивила девичьей шелковистостью; пациент еще успел слегка дернуться как бы в знак протеста, но его ясный взгляд уже утратил осмысленное выражение, и веки вскоре смежились.

— Вы отключаетесь, вы закрываете глаза и отключаетесь, расслабьтесь, не думайте ни о чем, вас охватывает блаженная истома, и вы погружаетесь в транс, вы засыпаете… — Бормоча этот затверженный текст, Хабер не сумел подавить в себе острый спазм от наслаждения собственным искусством, своей абсолютной властью над пациентом.

Безвольно свесив правую руку с кушетки, Орр уже отключился полностью. Не снимая рук с нервных узлов пациента и не прерывая своих заклинаний, Хабер опустился перед ним на колени.

— Вы погрузились в транс, еще не уснули, но уже находитесь в глубоком гипнотическом трансе и не выйдете из него, пока я не прикажу вам. Вы все глубже и глубже погружаетесь в него, но голос мой слышите хорошо и неукоснительно следуете всем моим наставлениям. Отныне, как только я прикоснусь к вашему горлу, как сделал только что, вы тут же погрузитесь в транс. — Хабер повторил последнюю инструкцию несколько раз. — Как только я прикажу открыть глаза, вы подчинитесь и увидите хрустальный шар, витающий прямо перед вашим носом. Я хочу, чтобы вы сосредоточили на нем все свое внимание, и это тоже поможет углубиться в транс. А сейчас откройте глаза, да, прекрасно, именно так, теперь сообщите, когда появится хрустальный шар.

Пушистые ресницы медленно разлепились, и Орр отсутствующим светлым взором уставился куда-то сквозь Хабера.

— Вижу, — почти прошептал загипнотизированный.

— Хорошо. Не сводите с него взгляда, дышите размеренно, очень скоро вы окажетесь в настоящем глубоком трансе…

Хабер глянул на настенные часы — все дело заняло лишь несколько минут. Отлично, тратить

лишнее время на промежуточных стадиях он не любил, его интересовала прежде всего конечная остановка. Хабер поднялся и, пока пациент любовался воображаемой хрустальной диковиной, аккуратно надел на него трансшлем и занялся регулировкой электродов. При этом он продолжал мягко повторять формулы внушения и контрольные вопросы, ответы на них свидетельствовали, что прочная связь с пациентом по-прежнему существует. Как только доктору удалось подогнать шлем, он щелкнул клавишей на пульте энцефалографа и некоторое время следил за его показаниями.

Восемь из множества электродов шлема обслуживали ЭЭГ, восемь самописцев внутри аппарата вели постоянную запись электрических сигналов мозга. На экране, за которым наблюдал Хабер, импульсы отображались воочию, в виде белых зигзагов на темно-сером фоне. Доктор мог выделить любой из них, увеличить, усилить, совместить с другим как только заблагорассудится. Этим зрелищем он искренне наслаждался и никогда от него не уставал — смотрел, как другие ежевечерний боевик. Хит Первого Канала.

Хабер не обнаруживал пока на экране ожидаемых зигзагов — сигмообразных, свойственных

шизоидным больным определенных типов. И вообще ничего необычного пока как будто не просматривалось, за исключением некоторой избыточной пестроты наблюдаемых ритмов. Мозг обычного человека продуцирует на экран относительно несложную периодическую кривую — перед Хабером предстали сейчас ритмы отнюдь не простака. Сложные, запутанные линии на экране практически не повторялись. Разумеется, компьютер внутри Аугментора чуть погодя справится с анализом и систематизирует кривые, но пока Хаберу не удавалось на глазок выделить никаких исключительных факторов, кроме разве что самой усложненности пульсаций.

Отдав пациенту команду отвлечься от хрустального шара и закрыть глаза, Хабер практически сразу же сумел распознать мощный двенадцатицикловый альфа-ритм. Он еще немного поиграл на клавиатуре, налаживая компьютер на запись и проверяя глубину гипноза, а затем сказал:

— Теперь, Джон... — И тут же, мысленно чертыхнувшись, поправился: — Теперь, Джордж, ты заснешь ненадолго, ты будешь сладко спать и видеть сон, но заснешь только лишь после того, как я громко произнесу пароль — «Антверпен». Услыхав слово «Антверпен», ты заснешь

по-настоящему и будешь крепко спать, пока не услышишь свое имя произнесенным три раза кряду. Заснув, ты должен видеть сон, приятный сон. Ясный и радостный. Не дурной сон, а как раз наоборот — сладостный и прекрасный, как детство, и видеть его ты должен очень отчетливо. Так, чтобы ничего не позабыть, когда проснешься. Ты увидишь во сне… — Хабер замешкался на миг — полагаясь на вдохновение, он обычно ничего не планировал заранее. — …Увидишь во сне коня. Статного гнедого жеребца, гарцующего по полю. Скачущего по кругу. Возможно, ты сделаешь попытку оседлать его, возможно, просто будешь любоваться издали. Но увидишь во сне коня обязательно. Этот сон с конем будет весьма отчетливым и… — Доктор порылся в памяти: какое там слово использовал пациент? — И действенным. Кроме сна с конем никаких иных быть не должно; как только я трижды произнесу твое имя, ты проснешься отдохнувшим и бодрым. Сейчас же я погружаю тебя в сон произнесением парольного слова… Антверпен!

Пляска линий на экране немедленно стала изменять свой характер — ритм пульсаций замедлился, а пики резко подросли. Вскоре обозначились и длинные штрихи сна второго уровня,

и намеки на растянутый, глубокий дельта-ритм четвертого — экран энцефалографа словно налился некоей невидимой морозной тяжестью. Дыхание пациента еще больше замедлилось, лицо приобрело абсолютно отсутствующее выражение.

Аугментор предоставит Хаберу полную запись всех стадий, сейчас же встроенный в него компьютер занят анализом арабесок медленных снов пациента и готовится к расшифровке орнамента подступающей сон-фазы, выделив и записав которую сможет подпитывать спящий мозг ею же, этой записью, усиливая тем самым ментальные ритмы собственно сновидения. Похоже, решающий момент уже приближался — видимо, на пациенте сказывался долгий период подавления снов, и сон-фаза наступала на этот раз несколько раньше, чем ожидалось, даже раньше, чем явственно и полностью установился второй уровень. Плавно колышущиеся линии исполосовали весь экран, снова бешено затрепыхались, задергались мелкой дрожью, переходящей в стремительную джигу, не подчиненную никакому единому ритму. Сейчас демонстрировал возросшую активность варолиев мост, а ритмы гиппокампа приобрели пятисекундную перио-

дичность, так называемый тэта-ритм, до сих пор у подопытного ясно не проявлявшийся. Хабер глянул на спящего: его пальцы слегка подрагивали, глаза под сомкнутыми веками бегали, как бы что-то высматривая, губы приоткрылись на глубоком вдохе — несомненно, Орр видел сон.

Хабер зафиксировал время — пять часов шесть минут.

В пять одиннадцать он нажал черную клавишу и выключил Аугментор. В пять двенадцать, наблюдая на экране возобновление рисунка медленного сна, Хабер склонился над пациентом и трижды отчетливо произнес его имя.

Орр вздохнул, вяло развел руками, открыл глаза — и проснулся. Освободив его от трансшлема двумя отработанными движениями, Хабер мягко и сердечно поинтересовался:

— Как вы себя чувствуете, мистер Орр? Все в порядке?

— Хорошо, спасибо.

— Сон вы видели — пока это все, что могу вам доложить. Вы запомнили его? Можете пересказать?

— Конь, — сипловато отозвался Орр, до конца еще не проснувшись, и опустил ноги на пол. — Сон про коня. Вот про этого. — Он же-

стом указал на огромную украшавшую глухую стену врачебного кабинета фотофреску — это было изображение известного рысака по кличке Темени-Холл note 2, беззаботно резвящегося на сочно-зеленой лужайке.

— А что именно вам снилось про него? — довольным тоном спросил Хабер. Он вовсе не рассчитывал на успех с первого же сеанса.

— Это было… Я брел по этому полю, а конь сперва гарцевал в отдалении. Затем он поскакал ко мне, и казалось, что приближается он отнюдь не с добрыми намерениями. Но я почему-то совсем не испугался этой атаки. Наверное, рассчитывал поймать жеребца за уздечку или увернуться в последний момент. Во всяком случае был уверен, что ничто серьезное мне не угрожает — конь-то ненастоящий, с картинки из вашего кабинета. Нечто вроде игрушки из папье-маше… Мистер Хабер, а вас… вас в этой картине… ничего не удивляет? Ничто не кажется необычным?

— Ну, некоторые находят ее слишком энергичной для крохотного офиса, какой-то чересчур бодряческой. Секс-символ в натуральную величину — и прямо напротив кушетки для гипноза! —

---

note notes: Note2
штаб-квартира Демократической партии

Доктор шаловливо улыбнулся.

— А что здесь у вас висело с час тому назад? Я хочу сказать, не висела ли там другая картинка, когда я к вам пришел, например фотография горы Маунт-Худ — до того, как я увидел сон про эту лошадь?

…О Господи он прав он совершенно прав здесь же висел Маунт-Худ…

…Какой такой Маунт-Худ здесь никогда не было никакого Маунт-Худа здесь всегда висел конь висел конь висел конь…

…здесь был Маунт-Худ…

…Конь здесь всегда был конь здесь всегда…

Доктор, не мигая, пялился на Джорджа Орра, не сводил с него взгляда несколько бесконечно долгих секунд — пытаясь постичь непостижимое, собрать воедино клочки мыслей и найтись, дать пристойный ответ… и скрыть, скрыть, скрыть свое ошеломление. Он врач, он должен внушать почтение и трепет, он знает ответы на все вопросы…

— Стало быть, вам кажется, Джордж, что прежде здесь находилось изображение горы Маунт-Худ?

— Именно так, — заявил тот печально, но непреклонно. — Маунт-Худ. Весь в снегу. На фоне синего неба.

— Гм-гм… — скептически хмыкнул Хабер, лихорадочно взвешивая, оценивая невозможное — или немыслимое? Сосущий холодок под ложечкой уже отпускал его.

— Вы со мной не согласны?

Взгляд пациента… в этих неопределенного цвета бездонных глазах читалось искреннее разочарование и слабеющий свет надежды — определенно, взгляд не вполне нормального человека.

— Боюсь, не согласен. Это знаменитый Темени-Холл, трехкратный чемпион восемьдесят девятого года. Сами скачки я тогда прозевал, хотя обожаю их и весьма стыжусь, что человечество, решая свои продовольственные проблемы, под корень изводит братьев наших меньших. Конечно, лошадь в офисе — в некотором роде анахронизм, но эта картинка мне нравится. Она передает силу, бьющую через край энергию — полную самореализацию в исконном ее биологическом смысле. Своего рода идеал, к которому стремится в работе каждый психиатр, некий вдохновляющий символ. Выбирая тему для внушения в нашем с вами сеансе, я случайно взглянул на картину и… — Хабер снова недоверчиво покосился на стену — естественно, там была

лошадь, а не что-либо иное. — Но если недостаточно моих заверений, давайте спросим мисс Кроуч, она работает у меня уже полных два года.

— Мисс Кроуч ответит, что здесь всегда была именно эта картинка, — ответил Орр тихо и горестно. — Всегда лошадь, только лошадь и ничего кроме лошади. Что бы там мне ни приснилось. Я еще надеялся, что вы, подобно мне, сохраните воспоминания о предыдущей реальности, раз сами программировали мой сон. Ничего из этого не вышло, по-видимому.

Взгляд пациента вместо острого разочарования снова выражал прежнее тихое отчаяние, безнадежную мольбу о помощи, адресованную никому и в никуда.

Джордж Орр явно был нездоров и нуждался в лечении.

— Вам придется посетить меня снова, Джордж, и завтра же, если возможно.

— Но я работаю…

— Отпроситесь на часок пораньше и приходите к четырем. Вы ведь на ДНД. Стесняться тут нечего, смело скажите своему шефу правду. Не менее восьмидесяти двух процентов населения раньше или позже проходит через ДНД, не говоря уже о тридцати одном проценте, попадающем

на ПНЛ. Подходите к четырем, и мы продолжим. И не сомневаюсь, что добьемся определенного результата. Вот вам пока временная карточка — это поможет вам удержать сны в размытом состоянии без полного их подавления. Вы можете использовать ее раз в три дня в любом аптечном автомате. Если увидите отчетливый сон или же вас встревожит что-либо иное, звоните тотчас же, днем или ночью, неважно. Но, думаю, что не придется, если станете аккуратно принимать прописанное мною средство. А если мы с вами еще как следует поработаем, нужда в каких бы то ни было лекарствах и вовсе отпадет. Все ваши проблемы рассеются, как туман, и вы вздохнете свободно и счастливо. Договорились?

Орр принял из рук доктора рецептную IBM-карту.

— Было бы здорово, — сказал он с неуверенной улыбкой, опуская ее в карман. Затем выдавил нечто вроде смешка. — А знаете, я заметил еще кое-что относительно этого коня на стене…

Хабер застыл, глядя на пациента с высоты своего роста сверху вниз.

— Чем-то он неуловимо напоминает вас, — договорил Орр.

Хабер обернулся к фреске. Точно. Здоровенный,

пышущий неукротимой силой, гривастый гнедой, несущийся в отчаянном галопе…

— Может, и конь, что приснился, напоминал вам меня? — спросил Хабер, не педалируя, но все же чуточку сварливо.

— Разумеется, — ответил пациент.

Когда Орр ушел, Хабер присел и с тяжелым смутным чувством уставился на фотографию Темени-Холла. Здоровущий жеребец действительно слишком велик для крохотного кабинета. И Хаберу вдруг почему-то мучительно захотелось иметь вместо него нормальное окно с видом на горы.

3

Тот, кому помогает само Небо, зовется Сыном Неба. Такому нельзя научиться — книжная премудрость здесь ни при чем. Не созидают такое и упорным трудом. Такому не требуют обоснований и доказательств. Кто в познании сумеет остановиться на непознаваемом, тот и достиг совершенства. А кто не пожелает этого сделать, того ждет незавидная участь — брызнуть стружкой из-под резца небес.

«Чжуан-цзы», XXIII

Джордж Орр покинул контору ровно в полчетвертого и пешком направился к ближайшей станции метро — машины у него сроду не было. Правда, подкопив, он сумел бы обзавестись подержанным паровым «фольксвагеном», но к чему он, спрашивается? Центр города, где живет Орр, для проезда закрыт, а ездить на пикники ему просто некуда. И водительские права, полученные еще в начале восьмидесятых, так ни разу и не понадобились. Поэтому домой с работы, из

Ванкувера, он возвращался именно подземкой.

Поезда курсировали битком набитые — час пик; сдавленный со всех сторон служивым людом, Джордж смело мог игнорировать поручни и свисающие ременные петли; порою, когда давление окружающих его потных тел (t) превозмогало силу тяготения (T), мог даже оторвать ноги от пола и как бы воспарить. Вот и сейчас точно та же история — сосед Орра по давке, не в состоянии опустить руку с газетой, изловчился читать спортивную колонку чуть ли не под потолком вагона. Заголовок «Мощный прорыв границы Афганистана» и под ним литерами помельче «Прямая угроза интервенции» мозолил глаза Орру первые шесть остановок. Затем газета вместе с ее владельцем устремились к выходу, а их место тут же заступила парочка томатов на зеленой пластиковой тарелке, под которой обнаружилась пожилая леди в зеленой пластиковой же накидке. Дама прочно обосновалась на левой ноге Орра и не двигалась с места в течение трех следующих остановок.

Когда поезд остановился на станции «Восточный Бродвей», к выходу пробился и Джордж. Выйдя из метро и маленько переведя дух, он четыре квартала продирался сквозь бесконечные

толпы клерков, завершивших свой трудовой день. Вконец измученный, Орр добрался до нужного ему здания в восточном Вильяметте — мрачной глыбы стекла и бетона, взметнувшейся из каменных джунглей строений помельче — в точности так, как тянется из подлеска к свету и воздуху живое дерево. Крайне мало чистого воздуха и дневного света достигало мостовых, где, как в бане, царили духота и вечная морось. Дождик в Портленде в заводе исстари, но постоянная жара — семьдесят по Фаренгейту note 3, это второго-то марта! — началась в результате загрязнения атмосферы не так уж давно и жителям была еще как бы в диковинку.

История борьбы с промышленными и городскими миазмами восходила к середине двадцатого века, но и теперь ей не видать ни конца ни краю — работы по очистке атмосферы, загаженной избытками углекислоты и прочих индустриальных прелестей, дадут ощутимые результаты разве что через несколько столетий. И то лишь при условии, что будут вестись упорно и непрерывно. Когда из-за парникового эффекта подтаяли полярные шапки и заметно поднялся уровень

---

note notes: Note3
примерно 22 градуса по Цельсию

мирового океана, одной из первых серьезных его жертв стал мегаполис Нью-Йорк, а все атлантическое побережье Штатов оказалось под реальной угрозой затопления. Зато как бы в знак компенсации за потери в Атлантике воды залива Сан-Франциско схоронили под собой сотни квадратных миль городских свалок, копивших отбросы еще с 1848 года. Что же до Портленда, то, благодаря береговой гряде и удалению от побережья на восемьдесят миль, затопление ему не грозило — разве что от хлябей небесных.

Климат в западном Орегоне и раньше отличался сыростью; теперь же дождь изливался на головы орегонцев без конца, и скоро жители Портленда привыкли сравнивать себя с рыбами, обреченными на жизнь в котелке с медленно закипающей ухой.

К востоку от Каскадных гор, в местах, где еще три десятилетия назад царила бесплодная пустыня, как грибы после дождя стали возникать новые города: Уматилья, Джон-Дей, Френч-Глен и прочие — и хотя летом там по-прежнему свирепствовал зной, зато осадки выпадали в разумных пределах, всего 45 дюймов в год (при полных 114 в Портленде!). Это позволило переселенцам заняться земледелием, и пустыня вскоре вовсю

зазеленела. Новые города разрастались быстро — население Френч-Глена, к примеру, уже достигло без малого семи миллионов, тогда как Портленд без каких бы то ни было видов на будущее застрял на трех, а за счет беженцев на новые территории начал даже несколько терять в жителях. Все в Портленде оставалось по старинке и как бы покрылось патиной безнадежности. Никаких улучшений. Недоедание, столпотворение, мусор и вонь на всех улицах стали обыденным явлением, нормой жизни. В старых кварталах свирепствовали цинга, тиф и гепатит, а в новых — насилие, бандитизм. В первых властвовали крысы, в последних жизнью людей распоряжалась всесильная мафия. Джордж Орр в этом гадюшнике оставался лишь потому, что, проведя здесь всю свою жизнь, иной не мыслил и не верил, что где-то может быть по-другому. А также по инерции и из-за вялости своего характера.

Мисс Кроуч, безразлично улыбнувшись, жестом позволила пройти прямо к доктору. Прежде Орру казалось, что приемная психиатра, как кроличья нора, обязательно должна иметь минимум два выхода. У Хабера же был лишь один, но он как бы удваивался за счет того, что не столь уж часто принимаемые пациенты друг с другом никогда не

сталкивались. В медцентре Орру рассказали, что доктор Хабер, посвятивший себя в основном научным исследованиям, практикует совсем немного. Это, впрочем, создавало Хаберу репутацию преуспевающего медика, что подтверждалось и его сердечными, радушными манерами. Но сегодня, находясь в более уравновешенном состоянии духа, Орр оказался повнимательнее к мелочам и приметил кое-что для себя новое. Кабинет Хабера не блистал хромом, не изобиловал кожаной мебелью — нет, этих обычных признаков преуспеяния не было и в помине, отсутствовал и лабораторный кавардак, характерный для ученого-фанатика. Обитые дешевым винилом стулья и кушетка, стол, фанерованный замызганным пластиком под дерево, — нигде никаких натуральных материалов.

Рослый, пышногривый и темно-рыжий (точь-в-точь конь гнедой) хозяин кабинета, сияя ослепительной улыбкой, поднялся навстречу и протрубил:

— Добрый, добрый день, мистер Орр!

Его сердечность казалась вполне искренней, но все же несколько преувеличенной, точно объявление о скидке, выставленное напоказ в витрине,

— результат профессиональной выучки, когда каждая интонация оттачивается и доводится до автоматизма. Орр ощутил в этом явственное желание понравиться, произвести впечатление. Похоже, мелькнула мысль, Хабер как бы не до конца уверен в реальном существовании своих пациентов и своей помощью им хочет что-то доказать сам себе. Это громогласное радушие приветствия словно предполагало, что ответить-то на него, может статься, будет вовсе некому.

Орру захотелось вдруг произнести в ответ доктору тоже что-нибудь дружелюбное, завязать с ним эдакую непринужденную беседу, но голова была пуста, как сухая тыква.

— Здравствуйте! Похоже, Афганистан уже на самой грани войны, вот-вот начнется, — пробормотал он первое, что пришло на ум.

— Гм, может быть, но так пишут в газетах еще с прошлого августа, — усомнился Хабер.

Как и следовало ожидать, в мировой политике доктор оказался куда более сведущ. Орр же, и прежде не очень ею интересуясь, за последние сумасшедшие недели вообще выпал из курса событий.

— Не думаю, чтобы это серьезно задело Альянс, — охотно развивал тему Хабер. — Разве

что на иранской стороне выступит еще и Пакистан. Но тогда Индия окажет вполне значимую, а отнюдь не символическую, как до сих пор, помощь Израгипту. — Таким нелепым сокращением окрестили журналисты новую форму союза Египта с Израилем. — Полагаю, речь Гапта, произнесенная на днях в Дели, доказывает это со всей очевидностью.

— Все равно начнется, — сказал Орр, уже осознав всю печальную неуместность затронутой темы. — Война, я имею ввиду.

— Вас это всерьез беспокоит?

— А вас разве нет?

— Пока как-то не очень. — Доктор расплылся в своей широченной улыбке, точно некий добрый медвежий божок. И все же за ширмой веселости угадывалась толика его вчерашней настороженности.

— Ну а меня беспокоит, — сказал Орр, но Хабер вроде как пропустил его слова мимо ушей. Орра это даже слегка задело — задаешь вопрос, так уж не открещивайся, — но досаду он проглотил и смолчал. Врачу виднее, как и что.

Орр вообще частенько ловил себя на сомнительном убеждении, что все вокруг лучше его знают, что делать, — может, оттого, что в соб-

ственных поступках подобной уверенности зачастую отнюдь не испытывал.

— Спалось нормально? — любезно справился Хабер, присев под реющим по ветру хвостом Темени-Холла.

— Спасибо, хорошо.

— Как насчет еще одного путешествия в Царство Грез имени Хабера? — В глазах доктора будто затаились буравчики.

— Вроде бы для того я сюда и пришел.

Орр видел, как доктор поднялся и обогнул стол, успел заметить, как широченная ладонь потянулась к его горлу — затем наступило ничто…

— …Джордж! Джордж…

«Мое имя», — спохватился Орр. А кто позвал? Голос вроде бы незнакомый. Сухой мир, иссушающий легкие воздух, а в ушах — тягостный звон, эхо чужого возгласа. Яркий дневной свет и никаких пространственных координат. И возврата нет. Орр проснулся.

Смутно знакомые стены вокруг, смутно знакомый массивный мужчина в свободной рыжеватой хламиде, с каштановой бородкой, белозубой улыбкой и непроницаемым взглядом темных глаз.

— Судя по показаниям энцефалографа, сон был

краткий, но весьма оживленный, — ударил по ушам низкий голос. — Давайте-ка его сразу же и обсудим. Чем раньше припомнишь, тем полнее картинка.

Орр уселся, преодолев острый приступ головокружения. Сидел он на кушетке — как он на ней оказался?

— Дав… давайте, — прочистив кашлем горло, выдавил он. — Сделать это недолго. Снова конь. Вы что, опять внушали мне лошадиный сон?

Не ответив, Хабер неопределенно покачал головой — ждал продолжения, — и Джордж не стал его зря томить.

— Ну, дело было в конюшне. И в то же время здесь, в этой вот комнате. Солома, ясли, в углу вилы и так далее. И конь. Он…

Безмолвное внимание доктора экивоков не допускало.

— …Он и наложил эту чудовищную кучу. Коричневую и смрадную. Груду навоза, чем-то смахивающую на Маунт-Худ, с характерным выступом на северном склоне и так далее. Это было нечто вроде оскорбления, как бы вызов мне, и тогда я сказал сам себе: «Но это всего лишь картинка, шутовское изображение горы». Сразу же затем, по-моему, и проснулся.

Орр поднял взгляд на фотофреску за спиной доктора Хабера — на ней снова красовался Маунт-Худ, только на сей раз запечатленный в приглушенных, как бы акварельных тонах: небо сероватое, сам склон нежно-коричневого, почти рыжего цвета, с вкраплениями белых пятнышек возле вершины, передний план подернут дымкой размытой листвы деревьев, выступающих снизу, из-за кадра.

Хабер оборачиваться не стал, он не сводил с пациента внимательного взгляда агатово-черных глаз. Когда Орр, не выдержав игры в гляделки, потупился первым, доктор рассмеялся — коротко, но весьма экзальтированно:

— Похоже, Джордж, тележка наша сдвинулась-таки с места!

— И куда же нас теперь вывезет?

Орр чувствовал себя совершенно по-дурацки, сидя с полным разбродом в мыслях на нелепой этой продавленной кушетке, где ему, беспомощному, аки младенцу, пришлось только что дрыхнуть напоказ — возможно, с отвисшей челюстью и громким храпом, — пока эскулап изучал свои таинственные узоры на экране, внушая пациенту содержание сна. Над ним как будто надругались, попросту поимели и неясно для

чего, с какой такой целью. Где результат, где хотя бы сдвиги?

По всей видимости, никаких воспоминаний о фотографии Темени-Холла на стене и связанных с нею разговорах Хабер не сохранил, он всецело принадлежал теперь новой действительности, и все его мысли о прошлом тоже соответствовали новым реалиям. Ждать помощи от него бесполезно. Сейчас доктор возбужденно мерил шагами кабинет, громогласно подытоживая свои собственные первые впечатления:

— Отлично! Первое: вы прекрасно поддаетесь внушению и можете засыпать по заказу. Второе: вы наилучшим образом соответствуете задаче, ради решения которой я и сконструировал свой Аугментор. Таким образом мы сможем работать быстро и эффективно без всякого наркоза. Ненавижу наркотики и всегда предпочитаю обходиться без них. То, на что мозг способен сам по себе, куда предпочтительнее и похлеще его реакций на химические стимуляторы. Для того и создан Аугментор, чтобы подстегнуть мозг к самостимуляции. Созидательные и восстановительные ресурсы сознания — бодрствующего ли, спящего ли — практически оценке не поддаются, они совершенно неисчерпаемы. Если бы только

нам еще удалось подобрать ключик к каждому замку! Полагаю, мощь собственно сновидения — это нечто такое, что никому и во сне-то не привидится!

Хабер хохотнул — чувствовалось, что этот незатейливый каламбур произносит он далеко не впервые. Но Орр мигнул и улыбнулся растерянно — случайный выстрел доктора пришелся чуть ли не в самое яблочко.

— Теперь я ничуть не сомневаюсь, — продолжил Хабер, — что ваше исцеление лежит именно в этом направлении — использовать сновидения, вместо того чтобы их подавлять. Материализовать страхи, дать вам возможность смело взглянуть им в лицо и, с моей помощью, сквозь них. Вы, Джордж, боитесь собственного сознания. С этим страхом человек жить не может. Вам предстоит от него избавиться. И помощь вы получите с неожиданной стороны — помощь собственного мозга, помощь животворящую и действенную. Все, что для этого требуется, — не заглушать энергию сознания, не подавлять ментальные процессы, наоборот — высвободить их. Это мы и сумеем сделать при помощи Аугментора. Вам не приходит в голову, Джордж, чем именно предстоит заняться на ближайшем этапе?

— Понятия не имею, — буркнул Орр.

Когда Хабер заговорил об использовании ментальной энергии, Орр поверил было на миг, что речь идет о его способности изменять реальность. Но почему бы не сказать об этом прямо, без экивоков? Зная, как отчаянно нуждается пациент в подтверждении, и будучи в силах оказать подобную помощь, врач не стал бы юлить, продолжать увертки, во всяком случае, без основательной на то причины.

Отчаяние снова захлестнуло Орра, и пуще прежнего. Наркотики и стимуляторы тоже лишали рассудительности, но тогда он знал об этом заранее и мог хотя бы попытаться совладать со своими эмоциями. Нынешнее же разочарование не укладывалось ни в какие рамки. Рассчитывая на доктора, Орр расслабился и позволил себе малую толику надежды. Ведь только вчера еще он был почти уверен, что Хабер ясно *осознал* переход от горы к лошади. Попытка доктора скрыть свой шок и взять себя в руки Орра ничуть не удивила и не встревожила — наверняка, полностью утратив ориентацию, Хабер в смятении поначалу ничего не соображал. И у самого Орра вначале были те же проблемы, он далеко не сразу признал и принял за факт свою способность совершать

нечто немыслимое. И все же он позволил себе сейчас смутную тень надежды, допустил, что знающий содержание сна и принимающий участие в процедуре, в самом ее эпицентре, Хабер сможет заметить и запомнить перемену в окружающей действительности.

Ни черта не получилось. И выхода никакого нет. Орр отброшен туда же, где и провел последние месяцы, — назад, в полное свое одиночество. В одинокое постижение своего отчаянного безумия-небезумия. Достаточно, чтобы и впрямь рехнуться.

— Может, вы могли бы, — добавил Орр неуверенно, — внушить мне сновидения, не воздействующие на… ну, неэффективные? Раз уж можете внушать, что я должен делать во сне… Тогда я смог бы отдохнуть от лекарств, пусть даже ненадолго.

Усевшись, массивный Хабер навалился на письменный стол, по-медвежьи сгорбившись.

— Очень сомневаюсь, что это поможет. Даже на одну ночь, — ответил он тихо и просто. Затем снова загудел басом: — Разве это не то самое тупиковое направление, в котором вы, Джордж, пытались самостоятельно двигаться, а вернее, буксовать? Химия или гипноз — все едино, все это

попытка подавления. От собственного сознания никому не убежать. Вы понимаете это, только вот признаться себе пока не смеете. Оно и понятно. Но давайте взглянем на дело под другим углом — вы уже дважды видели сны прямо здесь, на этой кушетке. И что же, это причинило кому-нибудь вред?

Слишком обескураженный, чтобы отвечать вслух, Орр просто помотал головой. Хабер принялся развивать мысль, и пациент, стараясь не потерять нить его рассуждений, напряг внимание. А доктор между тем перешел уже к теме грез наяву, к их сродству со сновидениями и с полуторачасовыми ночными циклами, к несомненной пользе и значимости грез и так далее. Он поинтересовался, не свойствен ли Орру какой-либо определенный тип фантазий.

— Ну, к примеру, я сам, — иллюстрировал Хабер. — Я частенько грежу о героических поступках. Будто бы я настоящий герой. Вытаскиваю, скажем, из проруби девушку, помогаю задыхающемуся астронавту, прорываю осаду города или даже выручаю из беды обреченную на гибель планету. Такие вот мессианские грезы, мечты о благодеяниях в космических масштабах. Хабер — спаситель человечества! Все это чертовски за-

бавно — пока удерживаешь фантазии там, где им место. Глубоко внутри себя. Всем нам необходим подъем самооценки, который и приносят подобные мечты, но стоит только начать полагаться на них в реальности — и пиши пропало… Существуют еще грезы типа «острова в океане», к ним склонно большинство администраторов среднего возраста. Есть тип «благородного мученика-страдальца», романтические подростковые грезы, фантазии садомазохистов и прочая, и прочая. Большинству из нас знакомы чуть ли не все эти типы. Практически каждый хотя бы раз в мечтах Представал на арене лицом к лицу с разъяренными львами, или швырял во врагов гранаты, или спасал недотрогу-девственницу с тонущего лайнера, или помогал Бетховену сочинить Десятую симфонию. Вам что больше по душе?

— Э-э… Бегство, — ответил Орр. С усилием сосредоточившись на затронутой теме, он хотел быть до конца откровенным с человеком, который вроде бы искренне пытается ему помочь. — Убежать. Скрыться. Уйти от всех и вся.

— От нудной работы, повседневной суеты — так, что ли?

Казалось, у Хабера просто не укладывается в голове, что Орр может стремиться избегать рабо-

ты. Человек амбициозный, доктор видел в своем труде путь к сияющим высотам всемирного признания и не мог до конца уверовать, что другие мыслят себе это как-то иначе.

— От этого тоже. Хотя сама работа меня пока устраивает. Больше от городской давки, бесконечной толчеи. Слишком много людей вокруг. Очереди повсюду. И все такое.

— Куда-нибудь поближе к теплым морям? — уточнил Хабер со своей медвежьей ухмылкой.

— Нет. Прямо здесь. У меня не очень-то с фантазией. Иметь бы простенькое бунгало! Где-нибудь за городом, например, за береговой грядой, где еще сохранилось нечто вроде девственного леса.

— А просто купить себе такое местечко — не думали разве?

— Дачные участки тянут минимум тридцать восемь тысяч за акр, и это еще в самых захудалых местах, в дебрях южного Орегона. С видом на море цена доходит до четырехсот штук за лот.

Хабер присвистнул:

— Вижу, что думали. И в результате вернулись к мечтам. Благодарение Господу, хоть они пока даются нам даром. Да. Ладно… Может, предпримем еще одну ходку? В запасе у нас добрых полтора часа.

— А не могли бы вы… не могли бы…

— Что именно, Джордж?

— …Сказать заранее, о чем будет сон? И позволить сохранить воспоминания о процедуре?

Хабер опять пустился в бесконечные разглагольствования, по сути сводившиеся к завуалированному отказу:

— Как вы теперь уже знаете, Джордж, все переживаемое вами в течение сеанса гипноза, включая мои команды, при пробуждении обычно блокируется механизмом сознания, тождественным тому, какой стирает девяносто девять процентов наших воспоминаний о снах. Отменить этот запрет равносильно провокации, слишком уж велик риск столкнуть внутри вас взаимоисключающие посылки и возбудить в сознании конфликт весьма деликатных материй — небезопасно знать содержание сна до того, как вы сами его увидите. Сам сон я вправе приказать вам запомнить. Но следует избегать опасности смешения воспоминаний о приемах внушения с содержанием собственно сновидения. Мне нужен чистый пересказ сна, а не то, что вы могли бы напридумывать по поводу гипнотического задания. Понимаете? Вам следует довериться мне, я ведь желаю вам только добра. И не столь

уж многого от вас требую. То есть по сути я, конечно, оказываю на вас давление, но мягко и без лишней суеты. Стараясь уберечь вас при этом от каких бы то ни было кошмаров. Поверьте, я не меньше вашего стремлюсь разобраться в феномене, с которым столкнулся впервые. Вы человек интеллигентный, притом весьма покладисты, а мужества вам не занимать — какой груз несли до сих пор в одиночку! Мы раскусим ваш орешек, Джордж, смело можете на меня положиться.

Не то чтобы Орр все сказанное так уж легко принял за чистую монету, но Хабер был красноречив и убедителен, как завзятый телепроповедник. А помимо всего прочего, Орр так нуждался в чьем-либо участии, так хотелось ему хоть во что-то верить. Не упорствуя более, он улегся на кушетку и приготовился к прикосновению великанской ладони к своему горлу…

— О'кей! Вот и вернулись мы в действительность! Что снилось на сей раз, Джордж? Поделитесь-ка свеженьким, с пылу с жару!

Голова шла у Орра кругом, в мозг впились тупые ржавые иглы, он чувствовал себя так, будто вот-вот расхворается.

— Что-то о южных морях… с кокосовыми пальмами… не могу отчетливо припомнить. — Он

помассировал виски, поскреб подбородок, глубоко вздохнул. Затем попросил глоток холодной воды. — Значит, так. После этого сна, с пальмами, приснилось, что вы идете вдвоем с Джоном Кеннеди, президентом, вниз по Элдер-стрит — так, по-моему. Я был в свите кем-то из сопровождающих, даже нес, кажется, какой-то багаж одного из вас. Кеннеди шагал под открытым зонтом, я видел его в профиль, как на старом полтиннике, а вы сказали: «Это вам больше не понадобится, мистер президент» — и выдернули зонт из его руки. Он, казалось, был недоволен, вроде бы пытался возражать, но его слова я как следует не расслышал. Дождь вдруг прекратился, выглянуло солнышко, и тогда президент сказал: «Похоже, вы были правы»… Вот и все. А дождю и в самом деле конец…

— Почему вы так считаете?

Орр вздохнул:

— Выйдите на улицу и убедитесь сами. На сегодня это у нас все?

— Я готов продолжать. Куй железо, как говорится.

— Но я чертовски устал.

— Ладно, тогда на сегодня все. Послушайте, а не перенести ли наши встречи на поздний ве-

чер? Вам-то какая разница, какой сон смотреть, простой или внушенный, лишь бы выспаться. К тому же это позволило бы не прихватывать ваше рабочее время, для меня же ночь — самая продуктивная пора, я и прежде просиживал на работе ночи напролет. Ночной сон — как раз то единственное, что его исследователи могут позволить себе крайне редко. Лечение наше продвинулось бы несравнимо с традиционным режимом, а о депрессантах вы бы и думать позабыли. Давайте попробуем. Как насчет вечера в пятницу?

— У меня свидание, — сказал Орр и поразился собственной лжи.

— Тогда в субботу.

— Ладно.

Орр вышел от врача, перекинув влажный плащ через плечо и слегка пошатываясь. Надевать его было уже ни к чему — сон с Кеннеди оказался весьма эффективным — что называется *в руку*. Орр уже научился распознавать их — *такие* сны. Даже еще не проснувшись. А после, спустя даже время, вспоминал их с потрясающей ясностью, независимо от содержания, пусть и абсолютно нейтрального. И чувствовал себя по пробуждении разбитым и измотанным, как после тяжкого физического труда — точно пытался остановить

экспресс голыми руками. Спонтанно подобные сны посещали Орра не чаще одного раза в четыре-шесть недель. Возможно, по причине неосознанного *страха*, что однажды может наступить сон, возврата из которого уже не будет. Теперь же, под воздействием гипноза и Аугментора, три из четырех его снов за последние два дня оказались именую такими. А если исключить кокосовые пальмы, которые, по мнению Хабера, были простой аберрацией, всплеском воображения, то три из трех. Орр изнемогал.

Действительно, дождем и не пахло. Когда он вышел на мостовую из-под сводов портика Вильяметтской башни, высоко над каньонами улиц голубело чистое мартовское небо. Теплый ветерок резвился с разбросанными обертками, гулял вдоль тротуаров, сухой ветерок с восточной равнины, который прежде крайне редко оживлял унылую душную промозглость долины Вильяметты.

Славная погодка слегка взбодрила Орра. Распрямив плечи и глубоко вдохнув свежего воздуха, он постарался подавить тягостное томление под ложечкой, вызванное как напряженной лабораторной дремотой в непривычное время, так и быстрым спуском с шестьдесят третьего этажа

небоскреба.

Внушал ли Хабер сон, отменяющий дождь? Внушал ли увидеть во сне Кеннеди, лицо которого, как отчетливо припомнилось теперь, почему-то украшала куцая бородка, точно позаимствованная с портрета Авраама Линкольна? А увидеть в компании с президентом самого Хабера — это тоже входило в гипнотическое задание? Орр терялся в догадках. Эффективная часть сновидения вполне могла быть связана с прекращением дождя, но это абсолютно ничего не доказывало. Зачастую срабатывал именно самый неприметный элемент подобного сновидения. Орр подозревал, например, что Кеннеди был изобретением его собственного подсознания, своеобразным необъяснимым довеском, но уверен в том не был. Уверенности, впрочем, не было уже ни в чем.

В неиссякаемом потоке прохожих Орр бодро продвигался к центру, к станции «Восточный Бродвей». Опустив пятидолларовый жетон в автомат и выудив из лотка билет, отыскал нужную платформу и вскоре уже с головой окунулся в непроглядную тьму под рекой.

Тут с ним снова случился приступ слабости, отчаянно закружилась голова.

Нырнуть под реку — есть в этом нечто жутковато необратимое, воистину это дьявольская, чуть ли не загробная идея.

Пересечь реку — перейти ее вброд, переплыть, воспользоваться при этом лодкой, паромом, мостом, самолетом, спуститься к устью реки, подняться к живительным истокам — в этом есть смысл, все это в порядке вещей. Но нырнуть «под» — навевает могильный холодок, напоминает некое извращение. Какое-то тридесятое чувство, какие-то неведомые рефлексы и даже вполне очевидные приметы окружающего пространства как бы сигнализируют — нельзя, запрещено входить в то, из чего нет возврата. Назад! — вопиет селезенка.

Девять железнодорожных и автомобильных туннелей в границах Портленда ныряли под Вильяметту, и шестнадцать мостов пересекали поверху могучий водный поток, упрятанный на протяжении двадцати семи миль в прочные бетонные набережные. Паводковый контроль на Вильяметте, как и аналогичная служба чуть ниже по течению, на месте слияния с великим притоком Колумбией, столь ловко управлялись со своими обязанностями, что уровень воды даже в период проливных дождей не поднимался более

чем на пяток-другой дюймов. Река, точно некое огромное, но относительно спокойное вьючное животное, опутанное и стреноженное на всякий случай тьмой-тьмущей уздечек, удил, хомутов, седел, поводьев и подпруг, с практической точки зрения являла собой весьма полезный элемент окружающего ландшафта. Будь дело иначе, кто бы стал лезть из кожи вон, окаймляя дорогостоящими дамбами бесконечные ее берега? Закатали бы под асфальт, как множество ручейков, текущих теперь по трубам под улицами, — и вся недолга. Но без Вильяметты Портленд не стал бы портом и утратил добрую половину своего значения. Реку постоянно бороздили океанские сухогрузы, длинными стрелами водную гладь рассекали грузовые баржи, бесконечными вереницами плотов по ней сплавлялся лес. Так что для поездов, грузовиков и немногочисленных теперь легковушек оставался путь либо под рекой, либо над нею, по мостам.

Над головами пассажиров, трясущихся вместе с Орром в вагоне поезда, громыхавшего сей момент по Бродвейскому туннелю, тяжко нависли тысячи тонн скального грунта, тысячи тонн стремительно бегущей воды, штабеля на причалах и кили круизных лайнеров, массивные бетонные опоры

мостов и эстакад, колонна до отказа набитых мороженой курятиной грузовиков, реактивный самолет на высоте в тридцать четыре тысячи футов и звезды на удалении в 4,3 и более световых лет. Кислотно-бледный во флюоресцентных сполохах вагонных ламп, изнемогавших в битве с пещерной тьмой, Орр болтался в кожаной петле с истертой стальной рукояткой среди тысяч подобных ему одиночеств. Физически ощущал он навалившуюся сверху тяжесть, весь беспредельно давящий ее гнет. «Я живу в настоящем кошмаре, — думал он, — и выныриваю из него лишь время от времени, когда отхожу ко сну. Лишь засыпая, я пробуждаюсь…»

Мгновенный переполох и толкотня, взвихрившие пассажиров на остановке «Все вокзалы», выдавили из Орра эти тоскливые мысли разом и до капли — пришлось как следует поднапрячься, чтобы не выпустить из рук спасительный поручень и не выпасть наружу. Все еще испытывая сильное головокружение, Орр был почему-то уверен: стоит только ослабить хватку и покориться чудовищному напору потных тел (t) вкупе с неумолимым T, и он по-настоящему захворает, спятит окончательно.

Наконец, испустив глухой стон, финальный

аккорд которого утонул в тупом абразивном скрежете и буравящем мозжечок визге рессор, локомотив тронулся снова.

Вообще-то компании ЕТС — Единой транспортной системе — от роду было всего пятнадцать лет, но создавалась она запоздало и второпях, когда из соображений экономии использование личных автомобилей упало катастрофически, поэтому ее матчасть страдала всеми мыслимыми изъянами. Вагоны собирались в Детройте в самом спешном порядке — оттого они и грохотали, и дребезжали, и постоянно ломались. Но, как завзятый горожанин, четверть жизни проводящий в подземке, Орр не обращал внимания на всю эту устрашающую какофонию. Его слуховые рецепторы, несмотря на относительную молодость организма, уже притупились и утратили былую чувствительность, а тот шум, что все-таки сознания достигал, воспринимался как естественный фон кошмарного сновидения. Поэтому, утвердившись в отвоеванной у бесноватой толпы ременной подвеске, Орр снова глубоко погрузился в себя.

После первого же гипнотического сеанса Орра начали беспокоить провалы в памяти. Мало сказать, начали беспокоить, — приводили в

смятение. Деятельность подсознания, будь то во младенчестве или во сне, запоминанию не поддается, это верно, тут никаких сомнений. Но так ли уж отключалось его сознание во время гипнотического внушения? Отнюдь нет — ведь до самого приказа уснуть он должен был бодрствовать. «Почему же я ничего не запомнил?» — хмурился Орр. Он отчаянно хотел знать, что именно проделывает с ним Хабер во время гипноза. К примеру, первый сегодняшний сон — неужели доктор просто снова заказал сон про лошадь и все на этом? А фортель с навозом — экая неловкость! — мозг Орра выкинул самостоятельно? Если же кучу дерьма придумал все-таки доктор, это смущало Орра ничуть не меньше, но уже по иной причине. Возможно, Хаберу еще повезло, что дело не закончилось большой смачной пирамидкой прямо на столе или на цветастой кабинетной дорожке. Строго говоря, тем оно и закончилось, правда, в переносном смысле — дерьмо отпечаталось на стене кабинета в виде горы Маунт-Худ.

Под астматический хрип тормозных букс на остановке Элдер-стрит Орр дернулся как ошпаренный и покрылся липким холодным потом. «Гора, гора…»

— лихорадочно соображал он, пока добрая

сотня пассажиров пробивалась мимо него, а то и чуть ли не прямо сквозь него к выходу на перрон. Маунт-Худ. Ну разумеется! «Он велел мне вернуть гору на место. Потому-то и заставил я Темени-Холла испражняться Маунт-Худом. Но если доктор велел вернуть пейзаж на место, стало быть, *знал*, что здесь висело прежде. Хабер знал! Он уловил вчерашнее изменение реальности. Он его заметил. Стало быть, верит мне! И я вовсе не псих!»

Радость, озарившая Орра, была столь велика, что нескольких ближайших к нему пассажиров отчетливо коснулось мягкое дуновение некоей неземной благодати. Пухлую изнемогающую матрону, уже отчаявшуюся вырвать из хватки Орра его подвеску, отпустила вдруг острая колика в печени. Мрачный сосед, притиснутый к Орру слева, неожиданно просветлел, вспомнив, как однажды в детстве встречал в лесу рассвет. Старик, скорчившийся на сиденье прямо напротив, позабыл на минуту о муках голода.

Особой сообразительностью Орр обычно не блистал и уж во всяком случае быстротой мышления не отличался. Новые идеи проникали в его сознание с превеликим трудом, ползком преодолевая крутые ступеньки логической лесенки, строго по порядку и никогда — вспорхнув над

тяжкими глыбами умозаключений на стремительных крылах интуиции. Умом Орр и вовсе мог не обнаружить тонких связей между явлениями, то есть не выказывал примет подлинного интеллекта. Однако умел как бы *чувствовать* наличие подобных связей — нутром, как отыскивают воду лозоходцы. И назвать Орра круглым дураком было бы явным перебором, просто возможности своего мыслительного аппарата он умел использовать едва ли на треть.

Он еще долго радовался своему открытию, вертел его и так и сяк, пока выбирался из метро на остановке «Западный мост Росс-Айленда», пока несколько кварталов шагал в гору, пока поднимался в лифте на свой восемнадцатый в жалкой кооперативной двадцатиэтажке, где в комнатушке 8,5 на 11 футов («Наши цены за жизнь в самом центре устроят всякого!») запихнул жестянку бобов в электродуховку и извлек из встроенного в стену холодильника пиво. Орр успел еще подойти с початой бутылкой к оконцу, чтобы полюбоваться видом на Западные холмы, склоны которых перемигивались мириадами городских огней (он прилично доплачивал за возможность наслаждаться этим ежевечерним фейерверком), когда его наконец осенило: «Почему же доктор

Хабер ни словом *не обмолвился*, что верит в действенность моих снов?»

Некоторое время Орр мусолил новую закавыку, ходил вокруг да около, точно возле увесистого камня в поисках местечка, где бы сподручнее за него ухватиться, и в результате нашел груз совершенно неподъемным.

Орр рассуждал так: «Теперь Хабер знает, точно знает, что фотография изменялась дважды. Почему же он об этом даже не обмолвился? Он ведь врач и должен понимать, как близок я к сумасшествию! А еще уверяет, гад, что жаждет мне помочь. Чем же еще мог бы он помочь, если только не подтвердить, что происходящее со мною вовсе не галлюцинация? Что он видит то же самое, что и я?

Хабер знает к тому же, — продолжил Орр рассуждать, отхлебнув как следует из бутылки, — что мое сновидение остановило дождь наяву. Почему же он не отозвался на предложение выйти или хотя бы не подошел к окну, чтобы убедиться в моей правоте? Может, просто испугался? Такое вполне вероятно. Он боится признаться в своем открытии даже самому себе. А может, прежде чем поделиться выводами, хочет вникнуть в дело поглубже, преодолеть собственные страхи?

За это его винить никак нельзя. Вот если бы он совсем не испугался, именно тогда выходило бы черт знает что!

Желал бы я знать, — размышлял Орр, — что теперь собирается он предпринять — раз уж кое-что понял. Хотелось бы знать, как собирается прекратить эти мои сны, удержать меня от изменений реальности. Их-то уж точно следовало бы остановить, а то ведь занесет невесть куда!..»

Орр решительно тряхнул головой и отвел взгляд от переливающегося всеми цветами рукотворной радуги пейзажа за окном.

4

Ничто не вечно, нет никаких закостенелых форм, не существует ничего конкретного и точного (кроме как в рассуждениях завзятого педанта), и любая мало-мальская завершенность — очевидное отречение от неизбежной пограничной неопределенности, каковая является неотъемлемым и загадочным свойством самого Бытия.

Г.Дж.Уэллс. «Новая утопия»

Юридическая контора «Форман, Изербек, Гудхью и Ратти» располагалась на одном из этажей едва ли приспособленного для людей здания бывшей автомобильной парковки, сооруженного еще в самом начале семидесятых, а позднее реконструированного. У большинства окружающих построек постарше в этой части города точно такая же родословная. Некогда чуть ли не весь центр Портленда был превращен в одну гигантскую автостоянку. Сперва машинам еще хватало асфальта, поделенного на платные ячейки с таксометрами, но позднее, с ростом населения, как

грибы стали возникать многоэтажные парковки.

Сама идея подобного гаража, снабженного системой грузовых лифтов, витала в воздухе чуть ли не с начала двадцатого века, но лишь незадолго до того, как автомобильный бум сам по себе начал захлебываться и вдруг резко пошел на спад, на десятки этажей к небу взметнулись бесчисленные парковки. Когда в восьмидесятые нужда в них отпала полностью, не все они уступили место новой застройке — пережив капитальный ремонт, значительная часть уцелела. И здание, где располагалась упомянутая адвокатская фирма, юго-западный Берн-сайд, 209, все еще разило неистребимым душком газолина, бетонные полы были испещрены выделениями бесчисленных автомобильных клоак, черные мазки шин, точно следы лап вымерших динозавров, навечно впечатались в окаменелую пыль гулких пролетов. Сами же полы, как и потолки, имели существенный, но довольно забавный изъян, которым были обязаны первоначальному назначению здания, точнее, спиралевидной его конструкции — это неисправимый никакими капремонтами легкий уклон, покатость. И когда в контору «Форман и компания» приходил посетитель-новичок, ему стоило определенных трудов увериться в том, что

стоит он прямо и падение ему вовсе не угрожает.

Мисс Лелаш, сидевшая за перегородкой, составленной из сотен гроссбухов и скоросшивателей и как бы отделявшей ее полукабинет от такой же, чуть побольше, ячейки мистера Пирла, предавалась излюбленному своему занятию — воображала себя Черной Вдовой.

Вот притаилась она, смертельно ядовитая, хитиново-элегантная и безжалостная, в засаде — и выжидает, выжидает…

Вот приближается очередная сладостная жертва, вот она уже совсем рядом…

Пальчики оближешь, а не жертва, обреченность у таких написана на роду и буквально на лбу отпечатана — белокурые, почти по-девичьи шелковистые волосы, аккуратная светлая бородка, кожа мягкая и светлая, точно рыбье подбрюшье, нрав кроткий, к тому же заика. Дерьмо! На такого наступи — даже не хрустнет.

— Видите ли… Мне ка… Я полагаю, что… Что это вроде… вроде как нарушение прав индивидуума, — мямлил посетитель. — Вторжение в личную жизнь, то есть. Но не уверен. Вот почему я и прошу у вас совета.

— Понятно, понятно. Выкладывайте, говорите дело и не тяните волынку! — резко бросила мисс

Лелаш.

Но клиент, похоже, уже иссяк полностью — он судорожно переводил дух, в точности как упомянутая волынка.

— По представлению ЗОБ-департамента вы проходите сейчас курс ДНД, — заполнила затянувшуюся паузу мисс Лелаш, сверившись с листком, полученным ранее от мистера Изербека, — назначенный за нарушение федеральных правил распределения медикаментов в аптеках самообслуживания.

— Да, — вновь прорезался слабый голосок посетителя. — Я согласился на добровольную психотерапию, чтобы избежать судебного преследования.

— Разумеется, в том-то и суть ДНД, — сухо заметила юристка.

Клиент уставился ошарашенно — не то чтобы имбецил, но тоже достаточно мерзкое зрелище. Мисс Лелаш откашлялась.

Откашлялся и собеседник. Обезьянничает, решила юристка. Естественно — видок как у обезьяны, обезьяньи же и повадки.

Постепенно, со множеством повторов, экивоков и заиканий, клиенту удалось прояснить картину. Он посещает сеансы ДНД, включающие в себя

гипнотическое усыпление и последующий сон со сновидениями. И подозревает, что психиатр, доктор Хабер, внушая ему определенное содержание снов, нарушает право неприкосновенности личности, установленное новым Основным федеральным законом от 1984 года.

— Знакомая картинка. С прецедентом вроде вашего мы имели дело прошлым летом в Аризоне, — прокомментировала исповедь гостя мисс Лелаш. — Клиент под ДНД возбудил дело против своего терапевта о насаждении в его подсознание гомосексуальных наклонностей. Разумеется, применявшийся бандаж оказался стандартной медико-технической процедурой, а сам истец — скрытым, глубоко подавленным геем; прежде чем дело успели передать в суд, он среди бела дня попался на попытке совращения малолетнего в самом центре Феникс-парка. Сейчас мотает срок на принудиловке в Техачапи. Ну да ладно. Я просто имела в виду, что в исках подобного рода следует соблюдать особую осторожность, чтобы не оказаться голословным. Ведь психиатры, удостоенные правительственного заказа, обычно люди весьма предусмотрительные, профессионалы высшего класса, само воплощение респектабельности. Сейчас постарайтесь-ка при-

помнить конкретные детали, такие действия вашего психиатра, которые могут послужить реальными уликами, но только имейте в виду — явный криминал не прокатит. Вас запросто могут сослать на принудиловку, к примеру в линтонскую нейроклинику или даже упечь за решетку.

— А перевести… перевести меня под наблюдение другого врача разве нельзя?

— Как сказать. Нужна достаточно веская причина, без нее навряд ли. Медцентр направил вас к Хаберу — они же там наверху все до последнего доки, им видней. Если вы затеваете против Хабера иск, ваша жалоба первым делом попадает к тем же, кто к нему и направил, — может статься, именно к тому специалисту, который вас там тестировал. Сомневаюсь, чтобы свидетельство пациента для них перевесило мнение аттестованного доктора, во всяком случае без убедительных доказательств. И, боюсь, отнюдь не в вашем случае.

— Из-за того, что я считаюсь больным с не вполне здоровой психикой? — печально поинтересовался клиент.

— Увы, именно поэтому.

Гость умолк надолго. Наконец он поднял на

хозяйку кабинета глаза — чистые и светлые, взгляд без досады и тени надежды, — виновато улыбнулся и, поднимаясь, сказал:

— Весьма благодарен вам за разъяснение, мисс Лелаш. Простите, что понапрасну отнял у вас столько времени.

— Э-э… Погодите! — бросила юристка вслед откланявшемуся клиенту. Может, он и простак, но определенно не чокнутый. Даже на невротика не похож. Просто одинокий, предельно отчаявшийся тип. — Не стоит так быстро сдаваться! Я ведь не сказала, что ваш случай — полная безнадега. Присаживайтесь… Ну, садитесь же! Вы говорили, что хотите избавиться от химической зависимости, а доктор Хабер прописывает фенобарбитураты в дозах даже больших, чем вы их принимали прежде сами. Это может стать зацепкой. Хотя я и сильно в том сомневаюсь. Но защита права неприкосновенности — моя узкая специальность, и в вашем случае я тоже не прочь копнуть поглубже. И попробовать обнаружить нарушение. Я ведь только хотела подчеркнуть, что вы даже *не растолковали* мне ваше дело как следует — если таковое у вас все же имеется. А вы сразу в бутылку! В чем все-таки конкретно вы усматриваете криминал в действиях Хабера?

— Если я отвечу напрямик, — заметил клиент тоном скорбного бесчувствия,

— вы объявите меня сумасшедшим.

— Как знать! А вдруг все же нет?

Сама мисс Лелаш к внушению любого рода была совершенно невосприимчива — качество, казалось бы, как раз для юриста, — но, как она сама же и считала, все хорошее — благо, когда оно до определенных пределов.

— Если, допустим, я скажу, — продолжал клиент тем же кладбищенским тоном, — что некоторые из моих сновидений влияют на реальность, а доктор Хабер, обнаружив это, использует в своих целях… мой талант, не испрашивая на то согласия, — вы ведь определенно решите, что я свихнулся. Разве нет?

Подперев кулачками подбородок, мисс Лелаш таращилась на собеседника.

— Ну а дальше что? — выпалила она наконец. Клиент правильно угадал ее первую реакцию, но — «Чтоб мне сдохнуть, если признаюсь!» Ну и что, даже если он и псих! Разве в этом ублюдочном мире можно прожить тридцать лет и не спятить?

Гость потупился, собираясь с мыслями.

— Видите ли, — сказал он, — у Хабера есть некое

устройство — аппарат вроде энцефалографа, только он не просто записывает энцефалограммы — он расшифровывает ритмы мозга и подпитывает их же результатом своего декодирования.

— Вы хотите сказать, что Хабер — вроде того ученого-маньяка с адской машинкой?

Гость слабо усмехнулся:

— Разумеется, нет — просто я, видимо, неудачно выразился. Нисколько не сомневаюсь, что Хабер подлинный исследователь и искренне посвятил себя служению человечеству, мечтает о благе для всех. Я уверен, что он и не помышляет причинить вред мне или кому-то еще. Доктор движим лишь самыми благородными намерениями. — Обескураживающий взгляд Черной Вдовы заставил клиента снова занервничать. — Это… Ну, это самое устройство. Аугментор, как доктор его величает. Само собой, я не сумею внятно объяснить, как там оно действует, но с его помощью доктор удерживает меня в так называемой сон-фазе — эдакая разновидность сна, когда спишь со сновидениями. На этих наших сеансах все совсем иначе, чем при обычном засыпании. Хабер гипнотизирует меня, затем включает свою машинку. И я сразу же начинаю видеть сны — без его агрегата со мной подобного никогда еще не

бывало. Так я думаю. Показания на экране дают доктору гарантию, что я вижу сон, и тогда он с помощью своей машины еще и усиливает сон-фазу. А вижу я во сне именно то, что под гипнозом задает мне Хабер.

— Должна отметить, внешне все это выглядит как давно апробированный и вполне безопасный метод психоанализа. С одной лишь только разницей — там изучают *ваши собственные* сновидения. А доктор Хабер, стало быть, программирует сны. И не без причины, я полагаю. Общеизвестно, что под гипнозом человек может натворить такое, на что никогда бы не пошел в здравом рассудке, то бишь в ясном сознании. Врачи утверждали это еще с середины позапрошлого столетия, юридический же прецедент впервые имел место сравнительно недавно, в 1988-м, в процессе «Сомервилль versus Проянски». Отсюда вопрос — есть ли у вас веские основания подозревать, что доктор заставлял вас под гипнозом совершать некие опасные или же морально нечистоплотные поступки?

Клиент замешкался с ответом.

— Опасные? Пожалуй, да… Если исходить из не вполне привычного допущения, что сны могут представлять собою опасность. Но доктор

не заставлял меня ничего *совершать*. Разве что именно во сне.

— Ага, стало быть, внушал вам нечистоплотные сны?

— Он не… он не развратник. Его помыслы чисты. Мне лишь не нравится, что меня используют как инструмент — даже с благими намерениями. Мне трудно осудить поведение доктора, ведь всему виной мои собственные сны. Вот почему я и травил себя прежде наркотиками до бесчувствия, вот почему и влип во всю эту катавасию. А сейчас, когда у меня появился шанс, очень хотел бы выкарабкаться. И навсегда забыть про лекарства. Но Хабер же меня не лечит. Лишь *подстрекает*.

После краткой паузы мисс Лелаш подкинула наводящий вопрос:

— К чему?

— К изменению реальности. Путем внушения мне сновидений об иной реальности, — терпеливо пояснил клиент без тени надежды в голосе.

Снова утопив в кулачки свой острый подбородок, мисс Лелаш в смущении перевела взгляд на спасительный голубой футлярчик со скрепками — ничего иного на столе в поле ее зрения не обнаружилось. Поразмыслив, зыркнула украдкой на клиента — тот сидел тихий, как и прежде.

«Пожалуй, — решила она, — действительно, на такого наступишь — не хрустнет. Потому как даже не прогнется. Тот еще орешек».

Обычно люди, посещающие юридическую консультацию, если не агрессивны, то напрочь замкнуты в себе и постоянно готовы к обороне. Как правило, они чем-то обделены и удручены — если не разделом наследства, то неправедным приговором по делу, или изменой супруги, или еще чем-нибудь вроде этого. Но сегодняшнего клиента, такого безобидного и мирного, мисс Лелаш никак не могла раскусить — чего он приперся, собственно? В его объяснениях не просто напрочь отсутствовали логика и здравый смысл, а отсутствовали, похоже, вполне *намеренно*.

— Вот оно как, — раздельно выговаривая слова, ответила мисс Лелаш. — И какой же именно ущерб нанес вам доктор этими снами?

— Я не считаю себя вправе изменять существующий порядок вещей. А Хабер не вправе заставлять меня делать это.

«Господи, да он же совершенно искренен, он свято верит в собственный бред, он погряз в нем с головой!» И все же мисс Лелаш была чем-то задета, даже тронута — возможно, толика его безумной убежденности передалась и ей.

— Как это — изменять порядок вещей? Каких таких вещей? Приведите хотя бы один пример!

Юристы не ведают милосердия — с чего бы это ей вдруг делать исключение для параноика, страдающего бредовыми галлюцинациями? Перед нею явный случай так называемых «прочих потерь нашего времени, подвергающего суровому испытанию людские души» — цитата из ежегодного послания президента Мердли, обладающего счастливым даром перевирать известное последнему двоечнику. Мисс Лелаш невольно вообразила, как из головы сидящего перед ней жалкого человечка сочатся кровавой капелью сквозь многочисленные отверстия эти самые «прочие потери». Бр-р-р! И все же цацкаться с ним она не обязана. Пусть лучше усечет это сразу.

— Бунгало, — ответил клиент, малость поразмыслив. — Во время второго сеанса доктор интересовался моими фантазиями, и я признался, что иногда мечтаю обладать избушкой в лесу, знаете, в местности вроде той, что описана в старинных легендах — чтобы быть там настоящим затворником. Разумеется, ничего подобного я никогда не смог бы себе позволить. А кто может? Но на прошлой неделе Хабер, видимо, заказал мне сон, в котором я являлся бы обладателем

подобной роскоши, — и я увидел это во сне. И теперь у меня есть бунгало. Тридцатитрехлетняя аренда домика на правительственном участке, в дальнем конце Национального заповедника Сисло, поблизости от Несковина. В воскресенье, взяв напрокат машину, я съездил посмотреть — не домик, а просто чудо. Однако же…

— Интересно, чем это вы, собственно, недовольны? Разве иметь бунгало безнравственно? Тысячи, десятки тысяч людей мечтают выиграть там участок с тех самых пор, как правительство отменило в прошлом году запрет и проводит розыгрыш. Вам просто дьявольски повезло!

— Но у меня же не было бунгало, — ответил клиент. — Да и ни у кого там не было. Лесопарки, вернее, то, что от них еще оставалось, были строго-настрого закрыты как государственный заповедник. Пикники и то разрешалось устраивать лишь на опушке. И никакой госаренды не было и в помине. Вплоть до прошлой пятницы. Когда я увидел во сне, что аренда существует.

— Но, видите ли, мистер Орр, насколько мне помнится…

— Я знаю, что вам помнится, — мягко перебил он. — Мне тоже это известно. Мне известно, что прошлой весной было принято правительствен-

ное решение сдавать в аренду часть Национального заповедника. Известно также, как я подал в срок заявление и попал в число немногих счастливчиков, выигравших лотерею. И так далее. Но я знаю также и то, что до прошлой пятницы ничего этого и в помине не было. И доктор Хабер тоже это знает.

— Стало быть, ваш сон в прошлую пятницу, — хмыкнув, ядовито заметила мисс Лелаш, — изменил прошлое всего штата Орегон и даже повлиял на прошлогоднее решение Вашингтона? А также стер воспоминания у всех, за исключением вас и вашего доктора? Простой сон? Вы хотя бы его запомнили?

— Запомнил, — ответил Орр угрюмо, но твердо. — Мне приснилось живописное бунгало на берегу шумно журчащего ручья. А уже в воскресенье картинка полностью подтвердилась. Я понимаю, мисс Лелаш, поверить в такое трудно. Сомневаюсь, что даже доктор Хабер полностью осознал случившееся. Но он просто не мог ждать, пока поймет все до конца. Возможно, разобравшись, с чем столкнулся, он проникнется серьезностью ситуации и станет вести себя осторожнее.

Видите ли, сама схема чрезвычайно проста. К

примеру, вы гипнотизируете меня и приказываете увидеть во сне… допустим, розовую собаку на полу этой самой комнаты. Я выполняю заказ. Но вы же понимаете, что розовая собака не появится здесь, пока их не существует в природе, пока они не станут неотъемлемой частью окружающей реальности. Может статься, мой сон попросту возьмет белого пуделя, окунет моими руками в розовую краску, придумав для этого предлог, благовидный и убедительный. Но если, формулируя задание, вы настаиваете, что розовый — натуральный окрас упоминаемой собаки, то моему сну придется включить розовую масть собак в эволюционное древо матушки природы. Повсеместно. Начиная с плейстоцена или когда бы там первые собаки ни появились. Получится, что они всегда были не только черные, коричневые, желтые, белые, какие-то там еще — но и розовые.

И вот уже одна из таких розовых симпатяшек заглядывает в комнату, и конечно же, это ваша давняя любимица колли, или пекинес вашего коллеги, или еще что-нибудь в том же роде. Никакой магии. Ничего сверхъестественного. Каждый сон заметает за собой следы абсолютно. Просто, когда я просыпаюсь, в комнате по какой-то вполне убедительной причине дрыхнет

самая что ни на есть заурядная розовая псина. И, естественно, никто не усматривает в этом ничего чрезвычайного — кроме меня и автора сценария моего сна. То есть доктора Хабера. Я помню иную реальность, и он тоже. Доктор находится рядом в самый момент перемены, к тому же зная содержание моего сна заранее. Он не признается, что понимает, но я уже раскусил его. Для кого-либо еще розовые собаки — дело житейское, обыкновенное, они водились всегда, но только не для нас с доктором. Для нас они и были, и одновременно их как бы не было.

— Двойственность пространства-времени, альтернативные вселенные, — язвительно прокомментировала мисс Лелаш. — Вы не грешны, часом, мистер Орр, пристрастием к ночным повторам старинных телешоу?

— Отнюдь нет, — сухо, в тон ей, бросил клиент. — Мисс Лелаш, я не прошу вас верить мне. Во всяком случае без доказательств…

— Ну слава те, Господи!

Клиент улыбнулся почти что весело. Он смотрел на хозяйку кабинета весьма приязненно, даже чересчур — мисс Лелаш поняла вдруг, что, похоже, приглянулась ему как женщина.

— Мистер Орр, ну признайтесь же, что пошу-

тили. Какие, к дьяволу, доказательства можно извлечь из сновидений! В особенности если ваши сны при малейшем изменении стирают все улики вплоть до плейстоцена?

— А не могли бы вы… — спросил Орр с неожиданным напором, как бы осененный некоей новой надеждой, — не могли бы вы, действуя как мой адвокат, принять участие в одном из сеансов доктора Хабера? Если согласитесь, конечно.

— Да. Это вполне осуществимо. Такое можно устроить, придумав какой-нибудь благовидный предлог. Но, видите ли, использование в таком деле адвоката в качестве свидетеля возможных нарушений прав личности может взорвать установившиеся между врачом и пациентом взаимоотношения. Не знаю уж, каковы они там у вас на самом деле — извне судить трудно. Знаю только, что обычно пациент должен доверять своему врачу и наоборот. Если же вы натравите на Хабера адвоката, чтобы тот добился замены врача, о каком доверии дальше может идти речь? Вся работа насмарку. А вдруг он все-таки искренне пытается вам помочь?

— Да, конечно. Но он использует меня в своих экспериментальных… — Орр не договорил, заметив, как окаменело темное лицо Лелаш — Черная

Вдова узрела наконец свою настоящую жертву.

— В экспериментальных целях? Вы не шутите? Этот агрегат, о котором шла речь, — он что, на самом деле экспериментальный? А одобрен ли такой эксперимент ЗОБ-контролем? Что вы подписывали, какие бланки, кроме форм ДНД и добровольного согласия на гипноз? Ничего? Похоже, у нас возник прекрасный повод для вмешательства, мистер Орр.

— Значит, вы сможете присутствовать на сеансе?

— Вполне возможно. Но дело пойдет уже о защите ваших гражданских прав, а не просто личной неприкосновенности.

— Вы, надеюсь, понимаете, что никаких серьезных неприятностей доктору Хаберу я не желал бы причинять? — забеспокоился Орр. — Очень не хотелось бы. Я ведь чувствую, что мыслит он правильно. Единственное, что тревожит,

— он не столько лечит меня, сколько использует.

— Если Хабер ведет опыты на людях с благими, так сказать, намерениями, то примет свою судьбу как должное, без стенаний. А если оборудование зарегистрировано и одобрено, то ничто ему и не угрожает. У меня уже было два схожих случая.

По просьбе ЗОБ-департамента я наблюдала в медцентре иллюзион новичка-гипнотизера — явное надувательство, — а также вывела на чистую воду одного типа из института «Лесная дубрава», который внушал людям агорафобию, чтобы те в самой жуткой давке чувствовали себя как рыба в воде. Мы пришли к выводу, что в таких действиях кроется элемент нарушения закона о промывке мозгов. В общем, я без труда смогу получить ордер ЗОБ-контроля на проверку этой — как бишь там ее? — техники доктора Хабера. Вы при этом, кстати, останетесь за рамками — доктор и не узнает, что я ваш адвокат. Сделаем вид, будто вообще незнакомы. Я заявлюсь как официально аккредитованный наблюдатель АСДС note 4, приглашенный ЗОБ-контролем. Тогда, если дело у нас не выгорит, ваши с доктором отношения ничуть не пострадают. Это единственный приемлемый способ поприсутствовать на одном из ваших сеансов.

— Я, кстати, единственный пациент, которого доктор Хабер пользует сейчас своим Аугментором — он сам так говорил. Аппарат еще в стадии доработки.

---

note notes: Note4

Американский союз борьбы за демократические свободы (в оригинале — ACLU)

— Стало быть, независимо от намерений, это явный эксперимент на человеке. Хорошо. Посмотрим, что мне удастся сделать. Должна предупредить

— одни формальности займут никак не меньше недели.

Орр выглядел явно разочарованным.

— Постарайтесь не стереть меня из реальности вашими снами за предстоящую неделю, мистер Орр, — посоветовала Лелаш, отчетливо расслышав в собственном голосе хитиновое клацанье жвал.

— Разве что нечаянно, — ответил тот с искренней благодарностью — да нет. Господи Боже мой, в его голосе звучала не просто благодарность — нескрываемая приязнь! Орр явно симпатизировал ей!

Бедный маленький псих, сидящий чуть ли не на игле, похоже, втрескался в нее по уши. Но и ее саму это почему-то не оставило равнодушной. Их руки встретились на мгновение — шоколадная Лелаш и молочно-белая Орра, — прямо как на том чертовом значке из детства, из бисерной коробки ее матери, значке, отштампованном одной из великого множества примирительных комиссий середины прошлого, двадцатого века: черно-бе-

лое рукопожатие — «Дружба навек». О Господи!

5

Лишь утратив Великое Дао, обретаем мы подлинные праведность и милосердие.

«Лао-цзы», XVIII

Весело улыбаясь, доктор Хабер стремительно взлетел по ступенькам Орегонского онейрологического института и, толкнув высокие двери из поляризованного стекла, шагнул в сумерки холла, где шелестели спасительные кондиционеры. Только двадцать четвертое марта, а какое уже пекло! Зато здесь, внутри — прохладно, стерильно, безмятежно. Мраморный пол, разумная меблировка, сияющая хромом административная стойка, вышколенный вахтер.

— Здравия желаю, господин директор!

Из глубины холла навстречу выскочил Этвуд, коллега, только что сменившийся с ночного дежурства, весь взъерошенный, глаза воспалены после многочасового бдения за ЭЭГ-экранами. Хотя теперь компьютеры и переняли значительную часть нагрузки по присмотру за спящими пациентами, еще нередко возникала необходимость

вмешательства непрограммируемого человеческого сознания.

— Утречко-то какое, шеф, а! — не слишком бодро бормотнул Этвуд, семеня следом.

Куда живее и сердечнее в личной приемной доктора Хабера прозвучало приветствие мисс Крауч, секретарши:

— Доброе утро, док!

Нет, не зря доктор Хабер, получив в прошлом году новое назначение, захватил с собой Пенни Крауч, незаменимую свою тень. Умная и преданная, она вполне соответствовала своему месту, служа надежным форпостом на подходах к самому главному начальнику, где как раз и требовались все ее сообразительность и лояльность.

Доктор прошел в святая святых — в свой кабинет.

Швырнув кейс и папки на кушетку, Хабер первым делом с наслаждением потянулся, размял плечи и спину, а затем, как уже повелось, подошел к окну. Кабинет располагался в самом углу здания, и два огромных окна открывали великолепный вид сразу на восток и на север: исчерканный темными поперечинами мостов голубой изгиб Вильяметты у самого подножия холмов, по берегам бесчисленные городские шпили,

тонущие в легкой весенней дымке, предместья, теряющиеся в далеких холмах, и высоко надо всем этим — горы, седые и незыблемые вершины. Маунт-Худ, огромный даже на таком удалении, служил как бы пастбищем для бесчисленных облачных барашков, чуть севернее обломанным клыком незримого чудища вздымался пик Адаме, за ним темнел пологий правильный конус Святой Елены, над долгим северным отрогом которого в свою очередь возносился к облакам самый главный — Маунт-Рейнир, словно полотняная юбка скрытой за облаками мамаши, скликающей разгулявшихся деток.

Этот потрясающий вид никогда не приедался, Хабер черпал в нем вдохновение и свежие силы. Кроме того, только сегодня после долгой дождливой недели подскочил барометр, и вновь выглянуло весеннее солнце, поднимая над рекой белесый туман. Прочитавший за свою жизнь тысячи и тысячи энцефалограмм, доктор прекрасно сознавал связь между атмосферным давлением и мозговыми ритмами — и в себе самом он тоже почти физически ощущал сейчас прилив бодрости, психосоматические перемены, навеянные сухим и теплым ветерком.

«Придерживаться этой линии, совершенство-

вать климат и в дальнейшем», — отметил он мельком, почти машинально. Обычно Хабер умел одновременно обдумывать несколько разных дел, но эта мысленная помета как-то не укладывалась ни на один из уровней его мышления. Она оказалась столь мимолетной, что, когда доктор сгреб со стола диктофон, чтобы наговорить очередную казенную эпистолу, уже бесследно канула в Лету.

Переписка с официальными инстанциями была в тягость и отнимала чертову уйму времени, но куда денешься — ведь он добровольно взвалил эту ношу на свои пусть и нехилые плечи. И Хабер не ныл, не уклонялся, научным поиском занимаясь в результате чуть ли не урывками. Максимум пять-шесть часов в неделю мог посвятить он теперь собственной лаборатории, поэтому полностью вел только одного пациента, а еще нескольких, закрепленных за ассистентами, курировал.

Однако за последнего своего пациента Хабер держался крепко. В конце концов, прежде всего он ведь психиатр. И в научный поиск в области онейрологии доктор тоже пустился в первую очередь ради исцеления конкретных людей. Не приемля разглагольствований о башне из

слоновой кости, он не признавал науку ради науки — какой вообще толк в исследованиях, если они не приносят никакой практической пользы? Применимость — вот главный критерий, пробный камень любого научного результата. И последний числившийся за ним пациент служил своеобразным напоминанием об этом, помогал сохранить связь между абстракцией на экране и нарушенной психикой конкретного пациента. Для доктора нет ничего важнее собственно больного. И значимость врача как личности определяется исключительно мерой его конкретного влияния на людей, то бишь прямой и обратной связью с окружающим миром. Нравственность теряет весь и всяческий смысл, если не трактовать ее как пользу, приносимую людям, как самореализацию каждого на благо всех.

Сегодня пациенту доктора Хабера, некоему Джорджу Орру, в последний раз было назначено на дневное время — четыре пополудни, — в дальнейшем доктор предполагал отводить для сеансов только ночные часы. Как перед ленчем напомнила мисс Крауч, на нынешнем сеансе предполагалось присутствие инспектора из ЗОБ-контроля, желающего удостовериться, что Аугментор и связанные с ним процедуры ни-

чем противозаконным не являются, то бишь не противоречат морали, не угрожают здоровью пациентов, не отдают садизмом, мазохизмом и прочими «измами». Чтоб им пусто было, этим шпикам казенным!

Доктор малость лукавил сам с собой — подобные мелкие неприятности всегда сопутствуют настоящему успеху, они вроде своеобразного гарнира к лакомому блюду. В тот же ряд Хабер ставил и шумную известность, и настырных корреспондентов, и зависть коллег, и публичные подначки конкурентов. Оставайся он до сих пор независимым исследователем и корпи в заштатной лаборатории да в занюханном своем офисе в восточном Вильяметте, его Аугментор скорее всего остался бы никем не замечен вплоть до полной доводки и выставления на продажу, а сам он, совершенствуя свое детище, мог бы тихо и спокойно добавлять к нему по винтику в день. Теперь же самую сокровенную и деликатную часть работы, отработку метода на пациенте-невротике, приходилось вести здесь, в институте, то есть вполне публично — чего уж тут удивляться тому, что правительство посылает одного из своих законников сунуть нос в дела, половину из которых он едва понимает, а в остальных вообще

ни уха ни рыла.

Адвокат предусмотрительно явился на четверть часа раньше пациента, и Хабер вышел в приемную встретить гостя — гостью, как оказалось, — чтобы, как водится, произвести впечатление радушного хозяина. Выходит куда лучше, когда ревизор видит, что ты отнюдь ничем не напуган, готов к сотрудничеству и проявляешь искреннюю доброжелательность. А тем докторам, которые при визитах инспекторов ЗОБ-контроля не в силах скрыть свое благородное негодование, правительственные гранты отламываются не часто.

Проявлять радушие к этой ревизорше, холодной и колючей, оказалось не столь уж легко. Все в ней брякало, лязгало да цокало — и тяжелая латунная застежка на сумочке, и увесистые медные браслеты на запястьях, и туфли на непомерной платформе, и толстая серебряная цепь с жуткой африканской маской-кулоном, и даже громкий скрипучий голос. В первый же десяток секунд общения Хаберу почудилось, что ее визит не что иное, как загадочная инсценировка, маска на цепи словно сигнализировала — за напором и внешним видом затаившейся фурии кроется чуть ли не детская робость. Впрочем, это вовсе

не его дело, ему не детей крестить с этой дамой, нацепившей отвратительную маску, у него лишь одна цель — произвести благоприятное впечатление на мисс Лелаш, блюстителя закона.

Если сценка с демонстрацией радушия и не задалась вполне, то остальное прошло не столь уж скверно — гостья неожиданно оказалась достаточно компетентной, не чуждой предмета и старательно выполнившей свое домашнее задание. Она знала, какие задавать вопросы, и умела слушать.

— Этот ваш пациент, Джордж Орр, он ведь не завзятый наркоман, не правда ли? — поинтересовалась гостья. — Может, психопат или невротик? Какой диагноз вы поставили ему после трехнедельной терапии?

— Пожалуй, невротик — именно в том смысле, в каком принято трактовать этот термин в нашем департаменте здравоохранения. Глубокий невротик со смещением представлений о реальности, но вполне излечимый с помощью новой моей терапии.

Адвокат записывала все подряд, каждое слово; диктофон через каждые пять секунд, строго в соответствии с требованием закона, издавал отчетливый негромкий писк.

— Вас не затруднит описать применяемые методы лечения и — би-и-ип — объяснить, какую роль в них играет данное оборудование? Только не надо рассказывать, как оно — би-и-ип — действует: ваше сообщение я читала. Поясните только, для чего применяется на практике, — би-и-ип — например, отличается ли принципиально его использование от стандартных установок электросна, трансшлемов и тому подобных — би-и-ип — устройств? И если да, то чем именно?

— Как известно, упомянутая вами техника генерирует обычные низкочастотные импульсы, которые воздействуют на клетки коры головного мозга. Такие сигналы смело можно назвать просто-напросто фоном — ведь весь их эффект заключается в том, что они как бы задают общий режим сознанию, подобно огонькам стробоскопа в критическом ритме или барабанному бою, если прибегнуть к звуковой аналогии. Мой же Аугментор вырабатывает особый сигнал, который способен воздействовать строго избирательно. Например, может постепенно приучить пациента вырабатывать собственный здоровый альфа-ритм. Но не только. С помощью Аугментора больного можно погрузить в нормальный сон без всякой предварительной тренировки. Через

легко подгоняемые электроды мозг подпитывается девятицикловым альфа-ритмом, и уже спустя считанные мгновения кора пациента откликается и начинает вырабатывать свой собственный — стабильно, как дзен-буддист в глубоком трансе. Точно так же, и это в моем приборе самое замечательное, можно погружать пациента в любые фазы сна с типичной только для них активностью и циклами.

— А может ли ваш аппарат воздействовать на центры наслаждения или, допустим, речи?

Ох уж эти мне моралисты из АСДС! Повсюду и всегда вынюхивают следы содомии и свального греха! Проглотив колкость, уже готовую сорваться с языка, Хабер ответил как только мог дружелюбнее:

— Ну что вы, разумеется, нет! Это ведь не электростимулятор, даже сходства с ним никакого не имеет. Мой Аугментор отнюдь не предназначен для стимуляции — ни электрической, ни химической — нервных узлов, его конструкция просто не предусмотрена для подобного грубого вторжения в какие бы то ни было конкретные участки мозга. С его помощью мозг просто побуждается к изменению режима собственной активности, смене одного естественного состояния на

другое. Вроде неотвязного мотивчика, заставляющего вас невольно вторить, подпрыгивать или покачивать ногой. Таким образом сознание больного приходит в состояние, необходимое для обследования и терапии, и удерживается в нем, сколько вам заблагорассудится. Я назвал свой прибор Аугментором note 5, чтобы подчеркнуть его вспомогательную функцию. И только вспомогательную — ничего более. Сон, поддерживаемый Аугментором, в точности — по циклам и по глубине — соответствует тому, в какой погрузился бы данный мозг и сам, будь обладатель его абсолютно здоров. Разница с установкой электросна примерно та же, что между костюмом от кутюр и барахлом из супермаркета. Поставить мой аппарат рядом с варварской имплантацией электродов, ха-ха! И еще раз ха! Все равно что вместо скальпеля использовать отбойный молоток.

— Но каким образом задаете вы начальные ритмы стимуляции? Не приходится ли — би-и-ип — вам, к примеру, для лечения одного больного использовать записи ритмов мозга другого человека, — би-и-ип — здорового?

На этот вопрос доктор предпочел дать уклон-

---

note notes: Note5
аугмент — приращение, приставка (лат.)

чивый ответ. Нет, до прямой лжи он, разумеется, никогда не опустился бы, просто что толку посвящать неспециалиста в профессиональные детали не вполне завершенного исследования? Зачем ему инспекторские глаза навыкат и Бог весть какие впечатления за стенками ее черепной коробки? Хабер пустился в пространные экивоки, наслаждаясь звуками своего авторитетного голоса и довольный тем, что не слышит более ее бряканья, клацанья и диктофонных присвистов; удивительно, но тихий писк аппарата из ее сумки он почему-то слышал, лишь когда говорила она сама.

— Сперва приходилось пользоваться обобщенным сигналом — обработанной компьютером суммой записей мозговых ритмов множества подопытных. И уже этим суррогатом, как я упоминал в своем докладе, мне удалось исцелить пациента, страдавшего глубочайшей депрессией. Но меня никак не покидало острое чувство незавершенности, едва ли не случайности первого успеха. И я принялся экспериментировать. Разумеется, на животных. На кошках. Любимое животное всех онейрологов. Они, видите ли, чуть ли не круглые сутки готовы дрыхнуть и без нашего вмешательства…

Так вот, экспериментируя на кошках, мне удалось установить, что наиболее перспективным направлением, чуть ли не единственным, обещающим серьезное продвижение, станет использование записей пульсаций того же мозга, на который мы и хотим воздействовать — ритмов, выделенных и очищенных от шелухи, разумеется. Это своего рода самоподдержка, саморегуляция сознания посредством записи его же здоровых сигналов, обратная связь. Универсальный ключ к любому замку — вот к чему стремился я в моем поиске! На свой собственный альфа-ритм мозг откликается мгновенно и без каких-либо затруднений. И здесь открывается целый океан терапевтических приложений. Появляется возможность вносить в узор собственных ритмов больного постоянные малозаметные улучшения, ведущие к полному исцелению. Изменения, списанные с его же, а возможно, и другого, более здорового мозга.

Последнее крайне необходимо в случаях механических повреждений коры. Пострадавший мозг сможет скорее образовывать новые нейронные связи взамен разорванных — ведь обычно такой процесс затягивается, порою даже на долгие годы. Это может быть использовано для

внедрения в мозг элементов здравого рассудка взамен искаженного шизофренией. Et cetera, et cetera. Однако пока что все это лишь мечты, но когда я приду к конкретным результатам — а я обязательно к ним вскоре приду, — то, разумеется, тут же зарегистрирую Аугментор в ЗОБ-контроле. — Здесь лукавить особой нужды у доктора уже не было. Хотя упоминать о достигнутых в данной области результатах тоже вроде бы незачем — кто знает, какое впечатление это может произвести на дилетанта? — Та форма автостимуляции посредством записи и синхронного воспроизведения, которую я предполагаю использовать в психотерапии, может статься, самая безвредная для пациента из всех ныне существующих, она воздействует на больного лишь в ходе машинного сеанса, то есть всего каких-то пять — десять минут, не более — и никаких устойчивых побочных последствий, как это часто случается при использовании других методов.

Похоже, в работе юристов ЗОБ-контроля Хабер разбирался куда лучше, чем его визави в работе психотерапевта; мисс Лелаш согласно кивнула в ответ на последнее замечание доктора, оно вроде бы угодило в самое яблочко. И все же гостья не преминула поинтересоваться:

— Так что же, собственно, вы делаете тогда с… — Она сверилась с записью. — С этим мистером Орром?

— Так я же как раз к этому-то и веду! — досадливо поморщился Хабер, но тут же, спохватившись, упрятал прорвавшееся было раздражение куда подальше. — Что мы, собственно, имеем в случае с мистером Орром? Мы имеем пациента, который боится заснуть и увидеть сон — наиредчайший случай подлинной онейрофобии. Моя терапия в данном случае всецело основана на устоявшихся в современной психологии методах и традициях.

Пациент погружается в полностью контролируемый сон, содержание сновидения и его влияние на состояние больного задаются гипнотическим внушением. Больному объясняется под гипнозом, что спать совершенно безопасно, приятно и тому подобное — все то позитивное, что только может содействовать преодолению страха перед сном. И Аугментор идеально подходит для подобной цели.

Помогая пациенту заснуть, он затем усиливает чувство безопасности, поддерживая и усиливая активность, типичную для нормальной сон-фазы. За час-полтора мой прибор может провести пациента по всему спектру нормального ночного

цикла, от медленных снов к быстрым и обратно. Такая продолжительность не вполне обычна для дневных сеансов, более того — в течение столь долгого и глубокого сна сила гипнотического внушения, задающего сценарий сновидения, в обычных условиях несколько падает. А это уже крайне нежелательно — ведь в нашем деле главное избегать дурных снов, кошмаров. И лишь Аугментор позволяет мне решить здесь одновременно две проблемы: и сэкономить время, и соблюсти полную безопасность пациента. Того же результата добиться можно, разумеется, и средствами обычной терапии, но тогда лечение затянется на долгие месяцы, а вот Аугментор позволяет уложиться в считанные недели. Он может продвинуть наши методы лечения так же радикально, как в свое время гипноз сдвинул с мертвой точки весь психоанализ.

«Би-и-ип», — снова пискнул диктофон мисс Лелаш; «бо-о-оп», — веско прогудел вслед за ним настольный селектор. Наконец-то, слава те. Господи!

— А вот и пациент наш явился, мисс Лелаш! Для начала предлагаю с ним познакомиться и чуток пообщаться, если угодно. Затем, полагаю, вы займете вон то креслице в уголке и

малость стушуетесь, не имеется возражений? Не то чтобы ваше присутствие могло бы всерьез помешать, но все-таки лучше, когда пациент поскорее перестанет замечать все постороннее и сможет сосредоточиться на сеансе. Мы имеем дело с весьма трудной фобией, а наш больной склонен трактовать как угрозу для себя лично порой самые неожиданные вещи. И, как вы сами убедитесь немного позднее, создавать мощные оборонительные галлюцинации. Ах да, чуть не забыл — будьте так добры, отключите ваш диктофон! Во время сеанса он уж точно помешал бы. Согласны? Вот и ладно… Алло, Джордж, прошу вас, входите, входите же… Мисс Лелаш — мистер Джордж Орр. Мисс Лелаш — сотрудник ЗОБ-контроля. Она здесь с целью ознакомления с действием моего Аугментора.

Адвокат и мистер Орр обменялись весьма неловким рукопожатием. «Клак-бряк!» — саккомпанировали процедуре медные браслеты. Хабер невольно отметил разительный контраст меж ними — порывистая и колкая негритянка и молочно-белый бесхарактерный тюфяк. Ну просто абсолютно ничего общего!

— А сейчас, — начал доктор, наслаждаясь своей ролью шоумена, — предлагаю непосредствен-

но перейти к нашему делу, если, конечно, у вас, дамы и господа, нет никаких возражений. Может, вы, Джордж, хотите сперва чем-то поделиться? — Неприметными жестами он уже успел рассортировать свою немногочисленную публику — ЗОБ-инспектора в угол, Орра на кушетку. — Нет? Ну и ладно. Тогда начинаем. Переходим прямиком ко сну, который между делом уверит ЗОБ-контроль в том, что от моего Аугментора не выпадают ногти, не известкуются сосуды, не случается инсультов и не просыпается жажда младенческой крови — вообще нет никаких побочных явлений, кроме разве что некоторой вялости спросонья сразу после процедуры и возможности подольше почитать в постели сегодня вечером. — С последними словами доктор протянул руку, намереваясь как бы невзначай коснуться горла пациента.

Орр вздрогнул и отклонился.

— Простите, — тут же извинился он. — Так неожиданно…

К сожалению, быстро погрузить Орра в гипноз по-настоящему глубокий можно было, лишь используя вагускаротидную индукцию — метод вполне легальный, но, увы, весьма драматичный для зрителей. Особенно когда среди них есть

наблюдатели из ЗОБ-контроля. Воспользоваться им незаметно не удалось. Испытав легкое раздражение на пациента, растущее сопротивление которого Хабер ощущал уже на протяжении последних пяти-шести сеансов, он все же решил не искушать судьбу и, проделав наспех неизбежные неприглядные манипуляции, обратился затем к магнитофону. Поставив на воспроизведение им же самим смонтированную кассету — «Вам удобно, вы расслабляетесь, вы погружаетесь…» и так далее, — доктор вернулся за стол и, игнорируя мисс Лелаш, с отрешенным лицом принялся перебирать бумаги. Наблюдательница вела себя тихо; как бы сознавая важность момента, она даже отвернулась к окну, делая вид, что любуется гористым ландшафтом.

Наконец Хабер остановил ленту и, точно корону, возложил на голову пациента трансшлем.

— Теперь, Джордж, пока мы с тобой еще в контакте, давай-ка поговорим о содержании сновидения. Какой сон тебе хотелось бы увидеть сегодня? Ты не прочь поговорить со мной об этом?

Замедленный, как в кино, кивок в ответ.

— В прошлую нашу встречу мы беседовали о том, что тебя беспокоит. Ты говорил, что сама

по себе работа тебя вроде бы устраивает, не нравится лишь добираться до нее в переполненной электричке. Тебя измучила толпа, утомила давка, тяготит не вполне изысканный аромат потных тел. Ты ощущаешь себя в толпе как будто спрессованным, несвободным. Все верно?

Доктор выдержал паузу. Наконец пациент, не слишком-то разговорчивый и без гипноза, пробормотал одно-единственное слово:

— Перенаселение…

— Гм, это сказал ты, не я. Перенаселение. Вот, стало быть, в чем твоя проблема, вот то словцо, которым ты метафорически отображаешь собственное ощущение несвободы. Что ж, давай-ка его обсудим. Как известно, первым панику на данную тему посеял своей теорией Мальтус в начале девятнадцатого столетия, а когда лет тридцать-сорок назад демографический бум повторился, у него нашлись убежденные последователи и в прошлом, двадцатом. Население тем временем росло неуклонно, а мрачные прогнозы все не сбывались и не сбывались. И даже сегодня не все так скверно, как в пророчествах Мальтуса и его почитателей. Америка процветает, а если за последнее время уровень нашей жизни в чем-то немного и понизился, то в чем-то другом он по-

прежнему превосходит тот, что был у прошлых поколений.

Возможно, ты тоже несколько сгущаешь краски и твой чрезмерный страх перед перенаселенностью, перед толпой вызван скорее внутренними, чем внешними причинами. Если не сдавленный на самом деле толпой, ты чувствуешь себя именно так — что это может означать? Не контактный ли это страх — боязнь сблизиться с кем-то, страх соприкосновения? Не таким ли образом приходишь ты к оправданию своего стремления держаться подальше от окружающей тебя реальности? — Энцефалограф трудился вовсю; продолжая говорить, Хабер щелкнул клавишей Аугментора, подкрутил винт регулировки. — Теперь, Джордж, мы еще немного поговорим с тобой, а когда я произнесу пароль «Антверпен», ты сразу погрузишься в сон, по пробуждении же почувствуешь себя свеженьким и бодрым. Вспомнить этот наш разговор ты не сможешь, зато прекрасно запомнишь самый сон, который должен быть отчетливым и ярким, приятным и весьма эффективным.

И темой сна станет как раз то, что так волнует тебя — перенаселение. Ты поймешь во сне, что твои страхи напрасны, что в реальности им нет

оснований, что они беспочвенны. Не могут же люди существовать в полном одиночестве, в конце концов! Одиночество для человека — самый страшный вид наказания. Мы *нуждаемся* в окружающих нас людях, в их помощи нам, в нашей помощи им, мы состязаемся с ними, мы оттачиваем на них остроту своих мыслей…

Доктор уселся на своего излюбленного конька, и даже присутствие безгласного свидетеля не могло здесь всерьез помешать ему — правда, несколько раз он ловил себя на использовании чересчур уж абстрактных понятий, да и пора было уже, пожалуй, переходить собственно к сценарию. Хабер не собирался кривить душой и выдумывать специально для инспектора нечто особенное. Поскольку метод был еще нов и до конца не отработан, ему так или иначе приходилось от сеанса к сеансу варьировать сюжеты, следя лишь за тем, чтобы продвигаться в нужном направлении, и постоянно преодолевая сопротивление пациента — порой подсознательное, порой, казалось, вполне осознанное. Как бы там ни было, в результате сами сны редко отклонялись от намеченного Хабером сценария, и сегодняшний велеречивый набросок сновидения мог сработать не хуже иных прочих — возможно,

он даже успешнее преодолеет бессознательное противоборство Орра.

Заметив, что мисс Лелаш щурится на экран энцефалографа из своего угла, и жестом позволив ей приблизиться, Хабер продолжил:

— Сегодня ты увидишь сон, где будет просторно, никакого столпотворения, никаких очередей, никаких потных соседей по вагону. Наоборот, весь простор земных пространств, вся необходимая тебе свобода. Антверпен!

Произнеся пароль, Хабер тут же указал мисс Лелаш на перемену в характере пульсаций на экране:

— Приглядитесь, ритм плавно замедляется. Вот этот скачок и этот тоже — лучи сна. Пациент уже во второй стадии нормального цикла, в фазе медленного сна, занимающего обычно большую часть ночи, то есть не видит пока ярких и отчетливых сновидений, которые начинаются лишь с наступлением краткой сон-фазы, то бишь фазы быстрого сна, отмечаемого легким подергиванием век. Но мы можем зафиксировать пациента в ней, воспользовавшись моим Аугментором… Следите за экраном, мисс Лелаш, включаю.

— Выглядит так, будто он просыпается, — неуверенно пробормотала гостья.

— Точно! Но пациент вовсе не просыпается, убедитесь сами!

Безразличный ко всему окружающему, Орр лежал плашмя, уставив бороденку в потолок, в уголках губ прорезались резкие напряженные складки, но дышал он глубоко и размеренно.

— Видите, веки у пациента слегка подрагивают. Это свидетельствует о движении под ними глазных яблок, именно так в тридцатые годы впервые и зафиксировали феномен быстрого сна, или сон-фазы, как называют его для краткости. Долгие годы сновидение считалось всего лишь разновидностью обычного сна — я же вижу в сновидении значительно больше. Значительно. Это вообще иная форма существования человека. Все его внутренние системы полностью мобилизованы, как это бывает лишь при чудесном феномене зарождения новой жизни, но мышечная рефлексия на нуле, все мышцы расслаблены и расслаблены глубже, чем даже в стадии медленного сна. Кора, подкорка, гиппокамп, средний мозг — все в отличие от медленного сна активизировано, как при доподлинном бодрствовании. А частота дыхания и давление крови могут даже превысить показатели, нормальные для бодрствующего. Пощупайте пульс — убедитесь

сами! — Хабер приложил пальчики Лелаш к запястью Орра. — Восемьдесят — восемьдесят пять, полагаю. Паренек в полном порядке, уже поплыл вовсю…

— Вы хотите сказать, что пациент уже видит сон? — почтительно, чуть ли не благоговейным тоном уточнила мисс Лелаш.

— Именно!

— И все эти его реакции соответствуют норме?

— Абсолютно! Все мы еженощно проходим через подобный спектакль по четыре-пять раз и всякий раз минимум по десять минут. На экране у нас сейчас совершенно адекватное отображение сон-фазы. Единственная особенность, с какой до Орра мне не доводилось сталкиваться, вот эти вроде бы случайные пики, показатель своего рода мозгового шторма. Но они все же напоминают мне кое-что, почти так же выглядит энцефалограмма человека, озадаченного неразрешимой загадкой, или ритмы мозга людей определенных творческих профессий: артистов, художников, стихотворцев, даже просто читающих Шекспира, наконец. Что происходит с мозгом в такие моменты, пока нам неизвестно. Надеюсь, с помощью моего Аугментора мы сможем приблизиться к разгадке этой тайны природы.

— Нет ли каких-либо оснований полагать, что причиной подобного эффекта может являться сам прибор?

— Ну что вы! Это исключено.

Собственно говоря, если начистоту, Хабер пытался однажды поиграть этими пиками с помощью Аугментора, но полученный результат в виде каши из предыдущего сна, когда был записан исходный узор, и задания на текущий отбил охоту экспериментировать в этом направлении. Стоит ли упоминать сейчас об этой мелкой неудаче?

— Пожалуйста — теперь, когда наш пациент уже видит свой сон, я могу даже отключить Аугментор. Следите за экраном, попытайтесь засечь момент отключения. — Гостья не заметила никаких перемен. — Видите, получается, что Орр сам генерирует эти штормовые пики; присмотритесь теперь к ним повнимательнее. Сперва их ошибочно можно принять за тэта-ритм гиппокампа. Возможно, для иного пациента ошибкой это как раз бы не было, весьма схожие ритмы мне ведь далеко не в диковинку. Понять бы еще, *что* там внутри, разобраться в механизмах, тогда я мог бы куда точнее диагностировать пациентов, дифференцировать их проблемы по типам. Видите, для

чего необходим мой Аугментор? Оцениваете по заслугам его исследовательские возможности? Никаких побочных последствий для пациента, лишь мгновенное погружение его мозга в одно из естественных состояний, столь необходимое исследователю… Взгляните сюда, скорее же!

Естественно, мисс Лелаш прозевала все на свете — чтение энцефалограмм искусство не из самых простых и требует некоторой предварительной подготовки.

— Настоящий протуберанец… И он все еще видит свой сон… Скоро мы все, все узнаем… — Хабер не мог продолжать более — в горле внезапно пересохло. Он почувствовал *это* — толчок, вокзал, приехали.

Что-то, видимо, ощутила и безгласная свидетельница — на лице ее читалась целая гамма эмоций. Прижав тяжелый медный браслет, точно талисман-оберег, к своей хрупкой шейке, мисс Лелаш таращилась на пейзаж за окном — в растерянности, в панике, в шоке, в онемении.

Это явилось полной и весьма неприятной неожиданностью для Хабера. Он-то надеялся остаться единственным, способным осознать перемену.

Но гостья ведь видела и слышала всю процеду-

ру, знала, о чем будет сон Орра, да и находилась совсем рядом со спящим — практически в самом эпицентре событий, как и доктор. И подобно доктору обернулась к окну, чтобы успеть заметить гонимые ветерком и бесследно растворяющиеся в небесной голубизне миражи небоскребов, исчезающие в зыбком мареве бесконечные мили предместий… Портленда, города с населением почти в миллион до Великого Мора, а теперь, в дни Возрождения, всего около сотни тысяч — типичного для Америки грязного и бестолково спланированного городишка, отличающегося от других лишь живописными холмами да вечно туманной рекой о семи мостах, да еще зданием Первого национального банка — сорокаэтажной башней, нависшей над центром, — за которым в голубой дымке плыли над облаками седые горные пики…

Определенно она тоже заметила это. Лишь теперь Хабер отчетливо осознал, что никак не ожидал подобной прыти от заурядного ЗОБ-контролера. Даже мысли такой не допускал. И лишь теперь понял, что и сам-то верил Орру не до конца, верил и в то же время как бы не верил. Хотя и видел, и ощущал *это* с неизменным содроганием уже с десяток раз, хотя и помнил превращение

жеребца в гору (если как следует постараться и волевым усилием совместить две реальности, точно два рисунка на кальке), хотя вот уже с месяц беззастенчиво пользовался фантастическим даром Орра в своих целях — происходящее все еще не укладывалось в сознании.

За весь этот день, начиная с самого пробуждения, Хаберу как-то ни разу не вспомнилось, что всего лишь с неделю назад он и не помышлял вдруг сделаться директором Орегонского онейрологического — собственно, мечтать тогда не о чем было, институтом таким еще и не пахло. Но только до прошлой пятницы. В пятницу институт существовал уже добрых полтора года, слава о нем летела по свету, а доктор Хабер, как главный основатель, естественно, занимал директорский пост. И такой порядок вещей был нормой для всех — для него самого, для всего персонала вплоть до последнего вахтера, для коллег из медцентра, для спонсоров из правительственных инстанций. Таков был порядок вещей, и Хабер принимал его вместе со всеми как единственно возможный и неизменный. Он подавил в себе, загнал вглубь тревожные мысли о том, что до прошлой пятницы порядок вещей, возможно, мог быть *иным*.

Тот сон Орра оказался, пожалуй, самым дей-

ственным. Он начался в старом офисе за рекой, под приснопамятной фреской с дерьмоватым Маунт-Худом, а закончился уже здесь… И все перемены, все волшебные превращения обстановки происходили прямо на глазах, Хабер успел понять, что увидел подлинный сдвиг реальности, остолбенел — и тут же забыл об этом. Забыл, видно, начисто, иначе бы уж наверняка постарался избежать присутствия посторонних при повторе эксперимента столь сомнительного свойства.

Что могла понять невольная свидетельница? И что предпримет, если только вконец не свихнется? Сумеет ли сохранить, подобно ему самому, двойную память — о реальности настоящей и реальности новой, или же, наоборот, одной старой, а другой истинной?

Этого никак нельзя допустить. Инспектор может помешать, может вызвать дополнительных наблюдателей, исказив тем самым эксперимент, и окончательно расстроить все его планы.

Любой ценой следует ее остановить. Сжав могучие кулаки, Хабер повернулся к женщине, готовый решительно на все.

Она стояла в прежней позе — с посеревшим лицом и отвисшей челюстью. В ошеломлении. Женщина отказывалась верить своим глазам.

Просто не могла. Просто не верила.

Хабер слегка расслабился. Он не сомневался, глядя теперь на мисс Лелаш, был совершенно уверен, что от повреждения рассудка ее отделяет неуловимо зыбкая грань. И тем не менее следует действовать, незамедлительно придется что-либо предпринять.

— Пусть пациент поспит еще малость, — сказал доктор обычным своим голосом, сглотнув войлочный комок в горле. Не имея представления, о чем теперь говорить, он отважно пустился в импровизацию — что-нибудь да придет на ум. Главное говорить непрерывно и тем самым развеять чары, разрушить магию случившегося. — Я подержу его еще какое-то время в фазе медленных снов. Совсем недолго, иначе воспоминания о сновидении могут потускнеть. Прекрасный вид за окном, не правда ли? Эти наши орегонские восточные ветры

— воистину дар Божий. Осенью и зимой я не вижу гор долгими и скучными месяцами. Но лишь только разойдутся облака, как вот они, буквально рукой подать. Восхитительное местечко наш родной Орегон. Самый нетронутый штат в Союзе. Разграбление недр прекратилось здесь задолго до Катастрофы. И новый промышленный

рост начался потихоньку лишь в самом конце семидесятых. А вы сами, мисс Лелаш, вы из местных, родились в Орегоне?

После бесконечно затянувшейся паузы женщина оглушенно кивнула. Непререкаемые докторские интонации — как если бы ничего особенного не случилось — достучались наконец до сознания мисс Лелаш.

— Вообще-то я родом из Нью-Джерси, — хрипловато заговорила она. — Провела там совершенно ужасное детство, даже вспоминать не хочется. Сплошное вырождение кругом, крысы, беженцы из Нью-Йорка, расчистка руин после Катастрофы, их на восточном побережье жуть сколько, тянется до сих пор, конца и краю не видать. А здесь у вас опасностью перенаселения и распада пока даже и не пахнет, разве что чуть-чуть в Калифорнии. Экосистема Орегона практически не пострадала…

Разговор скользнул к опасному краю, прямиком на грань того, что случилось на глазах у обоих, но Хабер не в силах был сменить тему, вставить какую-нибудь отвлекающую реплику, он как будто поплыл. Голова разбухала от памяти сразу двух уровней, от двух систем информации — одной реальной о мире (не существующем

более) с населением порядка семи миллиардов человек, продолжающем расти чуть ли не в геометрической прогрессии, и второй, тоже вполне реальной (более чем реальной — существующей наяву!) о мире, население которого сократилось до миллиарда и убывать все еще не перестало.

«Господи Боже мой, — ужаснулся Хабер, — что же такое этот Орр натворил?»

Шесть миллиардов человек.

Где все они теперь?

Но инспектор ничего не должна знать. Ничего.

— Вам приходилось бывать на востоке, мисс Лелаш?

Быстрый оторопелый взгляд:

— Нет.

— Ничего особенного и не потеряли. Нью-Йорк обречен, так же как и Бостон; в любом случае будущее Америки здесь, на западе. Здесь залог нашего процветания. Что есть, то есть, и не пробуй отнять — так выражались здесь во времена моего детства. Кстати, вы, по всей видимости, знакомы с Диви Ферт из управления ЗОБ-контроля?

— Да, — подтвердила женщина, все еще как будто чуток подшофе, но уже начинающая отходить и вести себя почти как ни в чем не бывало.

Хабер испытал столь пронзительное чувство

облегчения, что даже коленки подогнулись. Присесть бы теперь да отдышаться. Первая опасность вроде бы миновала. Дисциплинированный мозг адвоката отверг невозможное. Сейчас она спрашивала саму себя, а все ли в порядке у нее с психикой. Не перетрудилась ли? Почему вдруг ожидала увидать за окном трехмиллионный город? Не признак ли это подступающего безумия?

Естественно, рассудил Хабер, человек, увидев мираж, глазам своим не поверит, если те, кто находится рядом, не разделят его галлюцинаций.

— Что-то душновато здесь, — озабоченно проронил он и подошел к стенному термостату. — Приходится ставить на тепло — старая онейрологическая привычка. Температура тела во сне несколько падает, а возиться с сопливым пациентом радости мало. Как и толку. Но этот мой электрокамин слишком уж мощный, от его жара я точно пьяный хожу… Наш пациент вот-вот должен проснуться. — Хаберу не хотелось бы выслушивать полный пересказ сновидения при свидетеле, давая тем самым лишнее подтверждение возможным подозрениям.

— Дадим-ка ему еще немного поспать, точный пересказ меня сегодня не слишком волнует, а пациент сейчас как раз в третьей стадии. Пусть еще

подремлет, мы же тем временем завершим нашу с вами беседу. Может быть, у вас еще остались какие-то неясности?

— Нет. Не думаю. — Медные кастаньеты клацнули при этом как-то весьма неуверенно. Мисс Лелаш на миг зажмурилась, пытаясь сосредоточиться. — Если вы вышлете в офис мисс Ферт полное описание оборудования, принципов его действия и применения, результаты лечения и все такое прочее, дело будет закрыто… Вы уже успели получить патент на свой прибор?

— Подал заявку.

Женщина кивнула:

— Должно быть, еще рассматривают. — Мягко позвякивая, мисс Лелаш склонилась над спящим, затем выпрямилась со странным выражением на своем птичьем личике. — И все же у вас весьма сомнительная профессия, док, — выпалила она вдруг. — Эфемерные сновидения, наблюдения за деятельностью сознания, гипноз и прочее… Полагаю, значительная часть вашей работы приходится на ночные часы?

— Приходится, куда тут денешься!.. Надеюсь, Аугментор и в этом тоже сможет помочь. С его помощью можно усыпить пациента, где угодно и когда угодно, как только возникнет необхо-

димость использования аппарата. Но пару лет назад у меня случился весьма продолжительный период, более года, когда я ни разу не ложился до шести утра. — Хабер улыбнулся. — Теперь я этим даже горжусь, мой личный рекорд. Зато сегодня персонал института практически свободен от ночных смен и ведет совершенно нормальный образ жизни. Достижения технического прогресса.

— Спящий человек так далек от нас, — задумчиво произнесла адвокат, не сводя взгляда с пациента. — Где он может находиться сейчас, сию минуту?

— Вот где! — Доктор решительно ткнул в экран энцефалографа. — Именно здесь, но без всякой возможности откликнуться. В этом-то и кроются все страхи людские перед сном — в отсутствии связи. В полной и абсолютной приватности. Спящий поворачивается спиной ко всем людям разом. «Загадка личности стократ во сне крепчает», — чеканно изрек поэт. И загадку эту нам только предстоит разрешить… Но пора уже будить нашего соню… Джордж… Джоордж! Просыпайтесь, Джордж!

Пациент проснулся, как обычно — без зевков, без потягиваний, без попыток перевернуться на

бок, чтобы подремать еще чуток. Он немедленно уселся, глянул украдкой на мисс Лелаш, затем перевел взгляд на доктора, снимавшего тем временем с его головы трансшлем. Сойдя с кушетки, Орр малость размял застывшие члены, помотал головой и неуверенно побрел к окну. И замер подле него как вкопанный.

Было в его осанке нечто такое, едва ли не монументальность — в позе этого-то замухрышки. Словно он, безмолвствуя, продолжал находиться в самом центре чего-то совершенно непостижимого, в центре некоего абсолюта, в универсальной точке подвеса. Затаив дыхание, молчали и доктор с юристом.

Наконец Орр обернулся.

— Где они? — спросил он. — Куда все они подевались?

Хабер заметил медленно расширяющиеся зрачки женщины, уловил растущее внутри ее напряжение. Опасность! Говорить, ни в коем случае не молчать, говорить без умолку!

— Судя по показаниям энцефалографа, — зачастил он в ответ Орру самым бархатистым из своих басков, — вы только что видели один из ваших так называемых высокоактивных снов, Джордж. Нечто не совсем желательное, боюсь,

даже весьма близкое к кошмару. Первый дурной сон из всех, что довелось увидеть на моей кушетке, не так ли, Джордж?

— Мне снилась пандемия, Великий Мор, — ответил пациент, побледнев, и затрясся мелкой дрожью.

Деловито кивнув, Хабер уселся за письменный стол. Орр тоже, в свойственной ему манере всегда и всюду быть послушным, в чужой монастырь со своим уставом не соваться, взял себя в руки и уселся в кресло напротив.

— Вам досталась сегодня тяжелая ноша, юноша, и нести ее оказалось, соответственно, весьма нелегко. Но пришлось. Не так ли? Это ведь у нас с вами первый и единственный случай, когда обуздать ваши тревоги полностью не удалось. Дело в том, что на сей раз под моим гипнотическим руководством мы приблизились к одному из сокровеннейших элементов вашего недомогания, копнули почти до самого корня. Тут уж ни удовольствий, ни развлечений ожидать не приходится. Сущий ад, не так ли?

— Вы помните времена Великого Мора, доктор? — справился пациент без явного напора, лишь чуток подпустив в голос петушка. Не крылся ли в его вопросе сарказм? Затем Орр покосился

на мисс Лелаш, вновь тихо присевшую в уголке.

— Естественно, — ответил Хабер. — Я ведь был уже в зрелых летах, когда разразилась первая эпидемия. Лет в двадцать я впервые услыхал вести об этом из России, где ядовитые выбросы в атмосферу способствовали образованию новой вирулентной формы канцерогенов. На следующий же день была обнародована ужасающая медицинская статистика из мексиканской столицы. Только тогда ученые сумели установить длительность инкубационного периода, и все поголовно ударились в роковые расчеты. И стали ждать конца. Вспыхнули мятежи, расцвело движение пофигистов, возникла секта Судного дня, набрали силу Бдительные. В тот же год я потерял родителей. На следующий — жену. Потом двух сестер вместе с племянниками. Практически всех родных. — Хабер развел руками. — Да, я хорошо помню те годы, — уронил он мрачно. — Разве такое забудешь?

— Но ведь Великий Мор разрешил проблему перенаселенности планеты, не правда ли? — возразил Орр с определенным нажимом. И тихо добавил: — Мы с вами сделали это.

— Да, разрешил, — с готовностью подхватил доктор. — Теперь такой проблемы не существует.

Кроме, пожалуй, тотальной ядерной войны, только мор мог стать естественным ее разрешением. Нет больше миллиардов голодающих в Южной Америке, Африке, Азии. А когда полностью восстановятся нарушенные коммуникации, остатки голода будут преодолены и в самых отдаленных, недоступных пока уголках планеты. Говорят, что и сегодня примерно треть человечества спать ложится на пустой желудок — но в 1980-м влачить подобное существование приходилось почти всем. Заторы из трупов людей, погибших от недоедания, больше не становятся причиной разливов Ганга. Дети рабочих в Портленде не страдают более от квашиоркора, не болеют рахитом, как до Катастрофы.

— До Великого Мора, — уточнил пациент.

Хабер тяжело навалился на стол:

— Скажите мне, Джордж. Скажите только одно. Сейчас, сегодня, наш мир перенаселен?

— Нет, — ответил Орр и потупился.

Хабер заподозрил, что тот смеется украдкой, затем заметил слезы, капающие из лучистых глаз пациента. Только этого еще недоставало — пациент чуть ли не в истерике. Если не подавить ее в зародыше, дела пойдут из рук вон плохо. Орр сорвется, а Лелаш, подозрения которой едва

удалось усыпить, снова может вспомнить…

— Но всего полчаса тому назад, Джордж, вы были всерьез озабочены угрозой перенаселения. Вы верили, что именно в этом кроется самая страшная опасность для всей нашей цивилизации, неотвратимая угроза земной экологии. Я не рассчитываю, что вы уже избавились от всех своих страхов, мой опыт не позволяет тешиться подобными иллюзиями. Но я надеюсь, что ваших тревог все же поубавилось после сегодняшнего сна. Вы осознали теперь, что некоторым из них нет места в реальной жизни. Ваши тревоги все еще не утратили силы, но уже с небольшой поправкой — вы постигли их иррациональность, вы прозреваете в них теперь воплощение ваших подавленных бессознательных желаний, вы научились отличать их от подлинных ваших забот. И это всего лишь начало. Отличное начало. Чертовски удачное для одного-единственного сеанса, для одного лишь краткого сна. Вы понимаете это, Джордж? Вы уже берете верх над самим собой. Вы уже почти стряхнули с себя липкую паутину тревожных иллюзий, запеленавшую ваше сознание. И впредь бороться станет легче, так как теперь вы уже несколько свободнее, Джордж. Вы согласны со мной? Разве не чувствуете вы себя, в этом мире

и прямо сейчас, чуть менее сдавленным, менее зажатым?

Орр взглянул доктору прямо в глаза, затем перевел печальный взгляд на Лелаш в углу. И не вымолвил ни единого слова.

Повисла томительно долгая пауза.

— Глядите же на вещи повеселей! — воскликнул Хабер, пытаясь приободрить взгрустнувшего собеседника. Орра во что бы то ни стало следовало как-то успокоить, вернуть в прежнее приторможенное состояние, в котором он никогда не решился бы откровенничать о своем снотворческом даре перед третьими лицами. Не то придется объявить его подлинным психопатом. Наконец Хабер нашелся: — Если бы не наблюдатель от всесильного ЗОБ-контроля здесь у нас в уголке, я бы рискнул предложить сейчас вам, Джордж, глоток виски. Но при ней опасаюсь превращать наш сеанс в попойку.

— Вы не хотите узнать, о чем был сон?

— Только если вы сами желаете этого, Джордж.

— Я хоронил мертвецов. Сбрасывал в огромный ров… Служил в похоронной команде, когда мне стукнуло шестнадцать, а родители подцепили заразу… Правда, во сне все трупы были почему-то обнажены и выглядели как умершие с голоду.

Холмы, горы трупов. И я должен был закопать их все. Я пытался отыскать среди них вас, но вас там не было.

— Естественно, не было, — чуть смущенно протянул Хабер. — Мое время стать персонажем ваших сновидений пока еще не настало, Джордж…

— А как же сон с Кеннеди? Или с Темени-Холлом?

— Да, верно, — растерялся Хабер. — Пожалуй, это было рановато для грамотной терапии… Стало быть, сегодняшний сон позаимствовал кое-что из вашей подлинной биографии…

— Нет. Я никогда не служил могильщиком. И никто не умирал от мора. Никакого мора вовсе не было. Это все мои фантазии. Просто дурной сон.

Разрази гром этого маленького тупого ублюдка! Он выходит из-под контроля. Укоризненно качая головой, Хабер хранил безразличное молчание — теперь только держись, чуть что, и инспектор заподозрит неладное. Пациент тем временем продолжал:

— Вы говорили, доктор, что помните Великий Мор, но не помните ли вы также и то, что никакого мора и в помине не было? Что от вирулентного рака никто и никогда не умирал? Что планета пе-

ренаселена, а люди продолжают размножаться, точно кролики? Нет? Вы такого не помните, док? А вы, мисс Лелаш, вам не кажется, что справедливы обе системы воспоминаний?

Тут уже Хабер принужден был вмешаться:

— Простите меня, Джордж, но я категорически против. Не втягивайте в наши взаимоотношения мисс Лелаш. Она для этого должным образом не подготовлена. И ее мнение было бы здесь абсолютно неуместно. У нас психотерапевтический сеанс, а не заседание Конгресса, и пришла она сюда для наблюдения за Аугментором — ничего кроме этого. Я вынужден настаивать на этом. Точка.

Орр сидел совершенно белый, лицо, болезненно обострилось. Сидел, молча глазея на Хабера.

— Боюсь, у нас проблема, — продолжил Хабер после паузы, — и я вижу лишь один-единственный способ разобраться с ней. Разрубить гордиев узел. Не обижайтесь, мисс Лелаш, но, как вы уже могли понять, проблема заключается именно в вас. Мы дошли до той стадии, когда беседа не может продолжаться при постороннем, пусть даже безгласном свидетеле. Нам придется прервать сеанс, перенести его окончание. Продолжим завтра в четыре, о'кей, Джордж?

Орр поднялся, но не тронулся с места.

— А вам не приходило в голову, доктор Хабер, — произнес он спокойным тоном, почти не заикаясь, — что могут… могут быть и другие, подобные мне? И реальность, подобно мокрому плотику, выскальзывает из-под наших ног ежечасно, ежеминутно, обновляясь постоянно и непрерывно — только мы всего этого не знаем и не замечаем. Замечает лишь тот, кто видит сон, да еще тот, кто заранее знает сон. И если это действительно так, то наше счастье, что мы ничего не помним. Иначе какие могли бы возникнуть затруднения!

Мягко подталкивая и тихонько увещевая напоследок, Хабер поспешил выпроводить Орра за дверь.

— Вам посчастливилось увидеть провальный сеанс, такое у нас величайшая редкость, — обратился Хабер к мисс Лелаш, прикрыв плотно дверь. Он потер лоб и подпустил выражению своего лица толику задумчивой озабоченности. — Фу-у-у! Ну и денек мне сегодня выпал, и как нарочно в присутствии контролера!

— То, что я видела, показалось мне весьма любопытным, — светским тоном отозвалась дама, легонько брякнув браслетами.

— Не подумайте лишнего, мой пациент далеко не безнадежен, — сказал Хабер. — Сеанс вроде сегодняшнего и на меня, будь я не подготовлен, произвел бы весьма обескураживающее впечатление. Но у Орра есть шанс, и неплохой шанс, избавиться от наваждений, от страхов перед сном. Беда в том, что случай весьма запущенный. Дураком пациента, пожалуй, не назовешь, но ум тоже подводит его, постоянно сплетая новые тенета для собственного сознания… Эх, попался бы он мне лет эдак с десяток тому назад, семнадцатилетним — правда, тогда и Возрождение едва начиналось. Ну хотя бы с год назад, прежде чем он начал деформировать свои представления о реальности лекарствами, глушить себя наркотиками. Но и сегодня еще не поздно, к тому же пациент весьма дисциплинированный, старается вовсю — рано или поздно мы вернем его к реальности.

— Но вы ведь говорили прежде, что он вовсе не психопат! — заметила мисс Лелаш с легкой тенью подозрительности.

— Верно. Я называл пациента невротиком. Однако если уж он свихнется, то свихнется окончательно и бесповоротно. Возможно, он уже и сейчас на грани кататонической шизофрении.

Ведь невротик склонен к психозу ничуть не менее, чем нормальный.

Хабер больше не мог говорить — в горле пересохло окончательно, и фразы шершавыми обрывками лжи царапали язык, словно после долгих часов бессодержательного словоизвержения и бессмысленных препирательств. К счастью, гостье хватило и этого — звякнув, брякнув и клацнув, она потрясла руку доктора и откланялась.

Проводив гостью до двери, Хабер первым делом бросился к скрытому в стене возле кушетки магнитофону, на который записывал все свои сеансы. Бесшумная звукозаписывающая техника была специальной привилегией психотерапевтов и разведслужб. Он тщательно стер запись разговоров последнего часа.

Усевшись затем за свой письменный стол мореного дуба, Хабер извлек из нижнего ящика стакан с бутылкой и плеснул себе добрую порцию ароматного бурбона. Бог мой! — час назад никакого бурбона здесь не было. И быть не могло! Урожая зерновых и так не хватало, чтобы прокормить семь миллиардов голодных ртов, где там еще переводить его на спиртное. Не выпускалось ничего кроме синтетического пива, ну и некоторого количества спирта для медиков. И у него в

столе полтора часа назад стояла колба именно со смрадным ректификатом.

Отхлебнув сразу добрую половину, Хабер перевел дух. И снова выглянул в окно. Затем встал и, подойдя к окну вплотную, устремил взгляд поверх редких крыш среди сплошной зелени. Сто тысяч душ. Вечер уже начинал поднимать над рекой пелену тумана, но вершины гор стояли все еще освещенные ярким солнцем, безразличные, как и прежде.

— За лучший мир! — провозгласил он тост и, подняв свой бокал навстречу собственному творению, одним долгим глотком прикончил виски.

6

Остается только понять... что наш урок и наша цель — лишь самое начало пути, и, не ожидая ни от кого даже тени какой-либо помощи, следует прибегнуть к непостижимому и невообразимому — к помощи самого Времени. Нам предстоит усвоить, что извечное бурление рождений и смертей, от которых никому никуда не деться, — дело наших собственных рук, результат собственных устремлений, что силы, соединяющие миры воедино, — плод ошибок Прошлого, а неизменная печаль наша — не что иное, как вечный глад неутолимых желаний, и что свет выгорающих солнц питается негасимыми страстями душ, уходящих в Ничто...

Лафкадио Хирн. «С Востока»

Апартаменты Орра — большая трехкомнатная квартира с глубокой старинной ванной на львиных лапах — располагались теперь в верхнем этаже ветхого каркасного дома по Корбетт-авеню, немного выше в холмы, чем прежде, в самом

обшарпанном районе Портленда, где возраст подавляющего большинства жилых строений превосходил вековую отметку. Из окон гостиной поверх соседних крыш открывался прекрасный вид на реку с величаво проплывающими по водной глади кораблями, с беспорядочно снующими прогулочными лодчонками, с редкими теперь вереницами плотов с верховьев и неизменно мельтешащими в воздухе стаями суматошных голубей и крикливых голодных чаек.

Джордж прекрасно помнил прежнее свое жилье — комнатушку 8,5 на 11 футов со встроенной плитой, надувным матрацем и общей душевой в конце бесконечного коридора на восемнадцатом этаже жалкого корбеттского кооператива, о строительстве которого в этой реальности никто даже и не помышлял.

Покинув трамвай на Уайтэкер-стрит, вскарабкавшись затем на крутой холм и пересчитав напоследок широкие ступени мрачной лестницы, он оказался дома, где с ходу отшвырнул портфель к стене, рухнул на кровать и разрыдался. Джордж изнемогал, он испытывал мучительный страх, его захлестывало неодолимое отчаяние. «Надо что-то делать, *так* дальше нельзя!» — повторял он, всхлипывая. Но что? Этого он никогда не знал.

Всю свою жизнь он делал только то, что было ведено, и так, как ведено, — не задавая вопросов и без излишнего рвения. И никогда не тревожился за конечный результат. Но такая философия потерпела нынче крах, кончилась, испарилась, иссякла вместе с наркотиками на его фармакарте. Орр чувствовал себя потерянным, заблудшим в промозглом тумане. Но он должен *действовать*, просто обязан что-то предпринять. Недопустимо и впредь позволять Хаберу использовать себя как безмозглое, тупое орудие. Давно пора взять судьбу в собственные руки.

Глянув мельком на свои мягкие ненатруженные ладони, Джордж снова спрятал в них лицо, слезы струились сквозь пальцы. «О дьявол! О Господи! — мучительно и горько всхлипывал он. — Что же я за человек такой? Плакса и размазня. Не удивительно, что Хабер меня поимел. Разве мог он помочь такому, как я? Разве стал бы? Я бессилен, я ничтожество, слизняк я бесхребетный — прирожденный инструмент для обделывания чужих делишек. Даже собственной судьбы и то лишен. Единственное, чего хватало прежде с избытком и что оставалось исключительно моим, — это сны. Так теперь отняли и последнее».

От Хабера придется как-то отделаться, рассуж-

дал Орр, понуждая себя быть решительным и твердым хотя бы в мыслях, и сразу же понял, что ни черта из этого не получится. Он прочно на крючке у Хабера, и далеко не на одном.

Конфигурация энцефалограмм Орра столь необычна, даже уникальна, что, как утверждает Хабер, он просто обязан участвовать в онейрологических исследованиях. Мол, вклад Орра в сокровищницу человеческого знания может оказаться воистину бесценным. В этом Орр Хаберу верил — он понимал, что поставлено на карту, и в необычности своего дара-проклятия тоже не сомневался. К тому же научный аспект экспериментов Хабера казался ему единственной соломинкой надежды, единственным их оправданием. Может, хотя бы с помощью мудреных научных гитик удастся извлечь толику пользы из его фантастически устрашающего дара, получить хоть какую-то компенсацию за кошмарный ущерб, причиненный этим же даром.

Убийство шести миллиардов человек, никогда на Земле не рождавшихся.

Голова раскалывалась. Орр набуровил в обшарпанную раковину холодной воды, окунул лицо и держал так с полминуты, покуда хватило дыхания. Выпрямился красный, мокрый и ослепший,

точно новорожденный.

Хабер имел над ним моральное превосходство, но чем доктор действительно подсек и держал неумолимо цепко — так это силой закона. Попробуй уклонись только от добровольной диспансеризации — сразу подпадешь под обвинение в незаконном использовании препаратов и увидишь небо в клеточку. Или, того хуже, угодишь в специзолятор, откуда, поговаривают, вообще нет возврата. Если же не уклоняться, а просто не помогать в ходе сеансов, сопротивляться пассивно, Хабер пустит в ход весьма действенный инструмент принуждения — те же наркотики, которые Орр может теперь получать лишь по предписанию своего лечащего врача. Жизнь без них казалась Орру невозможной, куда менее приемлемой, чем сумасшедшая мысль плюнуть на все и отдать себя во власть неконтролируемых сновидений.

Даже сейчас, принуждаемый видеть *эффективные* сны на каждом очередном сеансе, Орр боялся представить себе, какая судьба уготована человечеству, если он увидит сон без гипнотически заданного сюжета. Все-таки хоть какие-то рамки. Вдруг увидишь кошмар пуще прежнего — того, например, что привиделся на последнем

сеансе. Орр так мучительно переживал, так сильно этого страшился, что сам себя уверил — беды не миновать. Лучше уж по-прежнему глушить себя депрессантами, решил он твердо. И это было единственным непреклонным его решением. Но именно в нем Орр целиком и полностью зависел от Хабера, потому и вынужден во всем ему подчиняться. Круг замкнулся. Крыса в ловушке. И носится теперь по лабиринту на потребу ученому-маньяку. А выхода нет. Нет выхода. Нет. Проложить забыли.

«Но Хабер ведь отнюдь не маньяк, — печально отметил Орр. — У Доктора вполне рассудительный ум — или же он обладал таковым прежде. Похоже, именно от моих снов он и мог рехнуться. Теперь доктор точно персонаж из шекспировской драмы, а уж роль-то ему досталась — нарочно не придумаешь, из самых что ни на есть заглавных. Отелло, Гамлет и Ричард II в одном лице. Или совсем наоборот — роль играет им самим, а он этого уже не осознает… Но ведь намерения у доктора самые благие, разве не так? Он тщится разом изменить к лучшему жизнь всего человечества. Ну а вдруг получится?»

Снова жутко разболелась голова. На сей раз Орр сунул ее прямиком под леденящую колючую

струю, только потому и услыхал телефонную трель из гостиной. Утираясь на ходу полотенцем, он нырнул в сумрак комнаты, вслепую сорвал трубку:

— Алло… Алло, Орр слушает!

— Мистер Орр, это Хитер Лелаш, — донесся далекий скрипучий альт.

Жаркая неодолимая волна, не очень-то уместная после всех только что пролитых слез, пронизала Орра снизу доверху — точно внезапно выросшее и тут же расцветшее деревце, корешками в паху, а цветочками в мыслях.

— Слушаю вас, — машинально повторил он в полной растерянности.

— Не могли бы мы встретиться, потолковать кое о чем?

— Само собой… Разумеется, можем встретиться.

— Отлично. Не хотелось бы водить вас за нос — сразу же скажу: к этой машине, Аугментору, нам с вами не придраться. Все в рамках закона, обычное лабораторное оборудование, несколько усиливающее эффект терапии. Прошло необходимые тесты, соответствует всем установленным стандартам, а теперь зарегистрировано еще и в ЗОБ-контроле. Ваш доктор — настоящий профи.

Я сперва не совсем точно поняла из ваших слов, с кем предстоит иметь дело. Откровенно порочных людей на подобные посты обычно ведь не назначают.

— На какие еще посты?

— Ну, ведь он все же директор Государственного онейрологического института… как-никак.

Почему-то Орру весьма импонировала манера собеседницы начинать любую саркастическую сентенцию с вяловато примирительного «ну». Видимо, как юрист она привыкла тем самым как бы выбивать из-под потенциального противника стул, а затем, как бы поддерживая на лету, подсунуть «спасительную» соломинку необходимого в споре аргумента. Похоже, и по части мужества энергичная Лелаш ему, жалкому слизню, могла дать солидную фору.

— Ах да, помню, разумеется! — смешался он.

Доктор Хабер получил свое назначение на следующий же день после того, как Орр обрел новое лесное обиталище. Дачный сон длился тогда всю ночь напролет, и больше доктор даже не пытался повторять подобную всенощную, в таком самоистязании не выявилось особенного смысла, так как на столь продолжительный сеанс никак не хватало одного гипнотического задания. А в тот

единственный раз Хабер вскоре принужден был сдаться и, подключив к пациенту Аугментор, способный удерживать того в заданном режиме сна, позволил расслабиться рядышком в кресле и себе самому.

Однако сон, который посетил Орра на следующем же дневном сеансе, оказался столь глубоким, долгим и затейливым, что по пробуждении пациента оба они так и не сумели до конца разобраться, в чем все-таки заключаются перемены, что именно удалось Хаберу улучшить на сей раз. Засыпал Орр еще в старом кабинете, а проснулся уже в стенах ООИ — стало быть, Хабер сам себе устроил протекцию. Но, видимо, одним этим последствия сна не исчерпывались

— погода тоже вроде бы стала посуше, возможно, изменилось и еще что-нибудь существенное. Уверенности не было. Ни в чем не было уверенности.

Орр еще попытался тогда возражать против столь радикальных перемен в столь сжатые сроки, и Хабер, мгновенно с ним согласившись, перенес следующий сеанс почти на неделю, дабы дать пациенту возможность прийти в себя. Все же Хабер — человек вполне благожелательный. А кроме всего прочего, к чему ему резать гуся,

несущего золотые яйца.

Гусь. Вот точное слово. «Точное мое определение, — констатировал Орр. — Тупо гогочущий белый гусак». Забывшись, Орр прослушал последнюю реплику собеседницы.

— Простите, — извинился он. — Я что-то недослышал. Боюсь, сейчас у меня с головой не все в порядке. В переносном смысле, разумеется.

— Вы не больны? — встревожилась Лелаш.

— Нет, вполне здоров. Просто зверски устал.

— Оно и понятно, вы же видели столь удручающий сон, про Великий Мор и всякие связанные с ним огорчительные подробности. Видок после него был у вас тот еще. Эти сеансы всегда так на вас действуют?

— Нет, не всегда. Сегодня как раз выдался не самый удачный. Полагаю, вы могли *заметить* это… Так когда же мы все-таки встретимся?

— Да-да… Ну, скажем, за ленчем в понедельник. Вы ведь работаете в центре, в мастерских Бредфорда?

Не без изумления Орр вспомнил, что это действительно так. Грандиозный гидротехнический проект Бонвиль-Уматилья, призванный обеспечить растущие потребности в воде и энергии гигантских несуществующих ныне городов Джон-

Дей и Френч-Глен, истаял как дым. В Орегоне вообще осталось всего лишь одно более или менее крупное поселение, гордо претендующее на звание города, — Портленд. А сам Орр не служил более чертежником в большой государственной компании. Теперь он работал на частника в конструкторском бюро небольшого инструментального производства по Старк-стрит. Ну конечно же.

— Годится, — ответил он, промешкав чуть дольше, чем следует. — Перерыв на ленч у меня с часу до двух. Можем встретиться у Дейва, на Энкени.

— С часу до двух. Стало быть, у Дейва. Тогда до встречи в понедельник!

— Погодите-ка! — воскликнул Орр. — Послушайте. Не могли бы вы… Не могли бы пересказать, что говорил доктор Хабер? Я имею в виду, что именно внушал он мне под гипнозом? Вы ведь все это слышали, мисс Лелаш, не так ли?

— Да, слышала, разумеется, но, боюсь, мистер Орр, рассказать не смогу, уж простите. Это ведь может повредить вашему исцелению. Если бы пациенту полагалось знать, доктор сам бы и рассказал. Боюсь, это не вполне этично.

— Наверное, вы правы.

— Весьма сожалею. Итак, до понедельника?

— До понедельника, — глухо откликнулся он в полном отчаянии и бросил трубку.

Она не поможет. Ей не занимать ни мужества, ни напора, но силы ее, увы, совсем не те. Возможно, Лелаш и заметила *это*, но отмахнулась, как от наваждения, как от мушек в глазах. Да и как ее можно винить за это? Орр на собственной шкуре испытал тяжесть раздвоения памяти — а ей к чему это лишнее бремя? С чего бы это ей верить слюнявому психу, который, бессвязно бормоча и брызгаясь во все стороны, несет при том невесть что?

Завтра, в субботу, очередной сеанс у Хабера, с четырех до шести, а то и дольше — уж как выйдет. А выхода нет.

Пора было что-нибудь съесть, но голода Орр не ощущал. Он не стал включать свет ни в спальне, ни в просторной гостиной, которую за полных три года жизни в этой квартире так и не удосужился обставить приличной новой мебелью. И сейчас в потемках почему-то обратил на это внимание. В воздухе висел запах пыли, смешанный с летучими ароматами ранней весны за окном. Древний резной камин, дряхлое пианино, ощерившееся в слабых отблесках фонарей щербатой (без восьми клавиш) клавиатурой, груда линялых траченных

молью ковров возле очага да ветхий бамбуковый столик, очевидно, японского происхождения, не выше десяти дюймов. Давно некрашенный да и немытый дощатый пол утопал в чернильном мраке.

Джордж Орр рухнул, где стоял, уткнулся носом в пыльный пол, ощутил его жесткость всеми ребрами. Джордж лежал так молча, но не засыпал — он пребывал сейчас где-то неизмеримо дальше, в местах, куда не залетают даже вездесущие сны. Уже не впервые заглянул он в этот далекий край — или за край?

Когда Орр поднялся, настала пора принять таблетку хлорпромазина и отправиться на боковую. Всю последнюю неделю Хабер пользовал его фенотиазинами, те действовали вполне исправно, позволяя при необходимости погружать Орра в сон-фазу, но снижая до вполне безопасного уровня интенсивность сновидений. Орр в душе ликовал, но Хабер охладил его пыл, объявив, что эффективность этого препарата, как прежде и прочих, вскоре начнет снижаться, покуда вовсе не сойдет на нет. Ничто не может уберечь человека от сновидений, повторял доктор, разве одна костлявая.

Этой ночью Орр наконец выспался как следует,

а если и видел какие-то сны, то лишь мельком и неотчетливо. Пробудившись около полудня, заглянул в холодильник и обомлел. Такого изобилия и разнообразия он еще в жизни не видывал. В другой жизни. Тот, прежний Орр, жил в окружении семи миллиардов голодных ртов, и еды вечно не хватало. Обыкновенное яйцо становилось праздником, именинами сердца; «Сегодня мы овулируем!», — восклицала супруга, бережно выкладывая на стол пакет с месячным пайком… Примечательно, но в этой жизни они с Донной даже не устраивали пробного брака. Во времена Великого Мора этот общественный институт тоже претерпел немалые изменения, и допустимым считалось теперь лишь официальное венчание. Более того, в Юте, где уровень смертности все еще превышал рождаемость, из патриотических и религиозных побуждений пытались узаконить полигамию. Но они с Донной решили не вмешивать в свои личные взаимоотношения государство — просто зажили вместе и все. Впрочем, надолго это и здесь не затянулось… Внимание Орра вновь вернулось к содержимому холодильника.

Сам он тоже не был более тем востроносеньким, худощавым замухрышкой, каким довелось

существовать в голодном семимиллиардном мире — Орр изрядно прибавил в весе, округлился. И насыщался теперь отнятым у *тех самых* голодающих — роскошной, но неправедной пищей: яйца вкрутую, тосты с натуральным маслом, анчоусы, вяленая говядина, зелень, сыр, орешки, палтус под майонезом и в маринаде, шоколадные пирожные — всем, что только нашлось на полках. После гастрономической оргии он почувствовал себя куда лучше, правда, только физически. Прихлебывая самый настоящий кофе — не эрзац! — и грустно улыбаясь, он вновь погрузился в бесконечные свои размышления.

«В *той* жизни я видел вчера эффективный сон, — рассуждал Орр, — и сон этот, изменив историю за последние как минимум четверть века, унес шесть миллиардов жизней. Но в *этой* жизни, которую я тогда создал, вчерашний мой сон вовсе *не был* эффективным. Я пришел к Хаберу, как обычно, и заснул, но ничего не изменилось. А ведь снилось мне то же самое, но получился лишь заурядный кошмар, воспоминание о временах Мора. Тогда, может статься, со мной все в норме, и я вовсе не нуждаюсь в лечении?»

Орр никогда еще не пытался взглянуть на дело с такой стороны и улыбнулся удивленно, однако

не слишком-то весело.

Он знал, что следующего сна не избежать.

Часы показывали начало третьего. Орр умылся, отыскал на вешалке плащ (чистый хлопок, нечто немыслимое в предыдущей жизни) и отправился в институт пешком. Вместо двухмильной прогулки, маршрут которой пролегал мимо медцентра и далее через Вашингтон-парк, Орр мог воспользоваться трамваем, но ждать ближайшего в выходные пришлось бы невесть сколько, да и шел тот вкруговую. Стоило ли зря трястись? Лучше неспешно прогуляться под теплым мартовским дождичком по пустынным улицам, любуясь распускающейся листвой — каштаны вовсю уже готовились запалить свои свечки.

Катастрофа, раковый мор, унесший за пять лет пять миллиардов жизней и еще миллиард в последующие десять, потряс цивилизацию до основания и в конце концов оставил ее в покое. В принципе, кроме численности населения, на планете радикально ничто не переменилось.

Атмосфера по-прежнему оставалась безнадежно загрязненной; вредные выбросы, предшествовавшие Мору десятилетиями и ставшие одной из главных его причин, и сегодня никого особо не тревожили. Кроме разве что умирающих ново-

рожденных. Лейкемическая разновидность мора, действуя избирательно, до сих пор уносила одного из каждых четверых младенцев до полугода. Уцелевшие приобретали иммунитет.

Но случились и другие горестные перемены.

Не дымили вдоль реки заводы, не сновали по дорогам бесчисленные автомобили, а те немногие, что еще оставались, работали на паре или от аккумуляторов.

Из буйной зелени более не доносились птичьи трели, певчие пичуги исчезли как здесь, так и повсеместно.

Следы Катастрофы читались во всем окружающем, а сама эпидемия приобрела вялотекущий эндемический характер.

Самое страшное — Великий Мор отнюдь не предотвратил всемирную бойню. Напротив, бои на Ближнем Востоке приобрели куда большую ожесточенность, чем в предыдущем варианте реальности. Соединенные Штаты втянулись в конфликт, решительно помогая израильско-египетскому альянсу новейшим вооружением и «военными советниками» в немалом числе. Ситуацию уравновесил Китай, выступивший на ирано-иракской стороне. Правда, своих солдат Китай пока берег, но во множестве отправлял

в зону боев новобранцев из Тибета, Северной Кореи, Вьетнама и Монголии. Россия вместе с Индией с превеликим трудом придерживались пока нейтралитета, но нынче, после вмешательства в конфликт на стороне Ирана афганцев и далекой Бразилии, когда израильтяне со дня на день ожидали подмоги от Пакистана, перепуганная Индия могла не устоять и объединиться с Китаем. В свою очередь СССР вынужден был бы тогда выступить на стороне США. Это создало бы своеобразный ядерный паритет — по шесть ядерных держав на каждой из противостоящих сторон. Предугадать исход возможным не представлялось. Тем временем Иерусалим уже лежал в руинах, гражданское население Ирака и Саудовской Аравии пряталось в землянках от танков и самолетов, сеющих в воздухе огонь, а в воде холеру, чудом же уцелевшие детишки выбирались из разрушенных нор, ослепленные напалмом.

«Резня в Йоханнесбурге не прекращается!» — заметил Орр аршинный заголовок на угловой газетной витрине. Уже годы минули со времен Переворота, а в Южной Африке все никак не угомонятся. До чего все-таки кровожаден человек…

Теплый кисловатый дождик увлажнял шевелюру, пока Орр одолевал холмистую часть своего

маршрута.

В кабинете с распахнутым в теплую сырость большим угловым окном Орр взмолился:

— Прошу вас, доктор Хабер, не пользуйтесь больше моими снами! Ведь все равно ни черта путного не выходит. Все становится только хуже и хуже. И я хочу *выздороветь*, наконец!

— Чудесно, Джордж! Главная предпосылка выздоровления — горячее *желание* пациента.

— Вы не ответили мне.

Хабер, здоровенный такой мужик, выскальзывал, точно луковица из-под ножа новичка-кулинара, сопротивляясь слой за слоем: слой характера, слой убеждений, слой аргументов и так без конца и края — до сердцевины не добраться. Зацепиться не за что, негде остановиться и сказать: вот оно! Здесь! Одни только осклизлые защитные оболочки…

— Вы используете мои эффективные сны, чтобы изменять реальность. И не хотите признаться. Почему?

— Это вам, Джордж, следует признать, что вопросы, которые вы задаете, резонны лишь с одной точки зрения — вашей, а не моей. С моей — на них и вовсе нет ответа. Мы с вами не можем воспринимать реальность одинаково.

— Но ведь кое-что все же совпадает? Иначе вообще — мы не смогли бы и разговаривать.

— К счастью, да. Но этого подобия для ответов на все ваши вопросы недостаточно. Пока недостаточно.

— Почему-то на ваши я отвечать могу… И отвечаю… В любом случае послушайте! Вы не можете продолжать это, так нельзя, вы не вправе вмешиваться в ход вещей.

— Джордж, вы произносите это прямо-таки как некий нравственный императив, тоном проповедника. — Теребя бородку, доктор одарил собеседника преувеличенно сердечной улыбкой. — Но взгляните фактам в лицо, Джордж, разве не главная цель мужчины испокон веков — созидать вещи, изменять вещи, управлять ходом вещей? И улучшать в результате мир вокруг себя?

— Нет! Неправда!

— Так в чем же тогда цель, по-вашему?

— Не знаю. У вещей нет предназначения, и Вселенную нельзя разъять, как труп, как механизм, каждая деталь которого имеет определенную функцию. В чем, по-вашему, функция галактик? Не знаю, имеет ли какую-то цель вся наша жизнь, но думаю, что это не столь уж важно. А вот что

действительно важно, так это то, что мы в ней, мы являемся частью жизни. Словно нитка в одежде, словно былинка в поле. Есть жизнь, и в ней есть мы. И все, что ни делает человек, — это лишь легкий ветерок по траве.

Возникла непродолжительная пауза, и когда Хабер сформулировал наконец свой ответный аргумент, тон его несколько переменился. Сердечность увещеваний уступила место прохладе, близкой к презрению:

— Даже странно слышать такое, столь пассивную точку зрения, из уст человека, выросшего в условиях прагматичного иудейско-христианского Запада. Прямо-таки настоящий буддизм. Может, вам доводилось штудировать восточную эзотерику, Джордж? Или увлекаться мистическими учениями? — В финальном вопросе, насквозь риторическом, звучал уже неприкрытый сарказм.

— Нет. И ничего в них не смыслю. Зато знаю, что неразумно испытывать на прочность порядок вещей, насиловать природу. Не поможет. Человечество совершает эту ошибку, все время одну и ту же, уже сотни лет. Вы видели… видели, что стряслось вчера?

Непроницаемо темный взгляд в упор:

— А что же такое стряслось вчера, Джордж?

Нет выхода. Выхода нет.

На сей раз, чтобы снизить у пациента сопротивление гипнозу, Хабер избрал пентотал натрия. И снова Орр покорился, вяло наблюдая за иглой, жалящей его в вену. А что оставалось? Какой выбор? Выбирать самому Орру никогда и ничего не доводилось. Разве что во сне?

Хабер выскочил, чтобы уладить кой-какие дела, пока не подействует препарат; обернувшись за четверть часа, он был оживлен и порывист:

— Все в порядке? Ну что ж, приступим, Джордж!

С мрачной ясностью Орр предвосхитил тему сегодняшнего сна — война. О ней кричали все газеты, и даже сопротивляющееся информации сознание Орра полнилось этим — ширящимся конфликтом на Ближнем Востоке. Миротворец Хабер хочет разделаться с войной. А заодно прекратить и южноафриканскую резню. Он ведь само благородство и мечтает лишь о счастье для всех, для всего человечества разом.

Говорят, цель оправдывает средства. Но ведь этому никогда не будет конца. И все, что у нас есть, — это одни средства. Орр откинулся на кушетке и зажмурил глаза. Тяжелая ладонь при-

вычно легла на горло.

— Сейчас ты погрузишься в транс, Джордж, — бархатный голос Хабера, — ты уже погру…

темнота Во тьме.

Еще не ночь, только поздние сумерки, на краю пшеничного поля. Впереди роща, влажная и мрачная. Путь под ногами едва виден в последних отблесках гаснущего заката — давно заброшенный потрескавшийся хайвей. Впереди, футах в десяти, смутное белое пятно — это шествует здоровенный гусак. Оборачиваясь порой, он грозно шипит.

Белыми маргаритками вспыхивают на небе звезды. Одна, крупнее прочих, трепетно-яркая, распускается прямо впереди, над темным горизонтом. Следующий взгляд — она все больше, все ярче. Звезда расти не может! — мысль. Светляк в небе, раздуваясь и разгораясь, наливается зловещим багрянцем. Звезда не может быть красной! — следующая мысль. Уже слезятся глаза. Яркие зеленовато-голубые волоски молний жадно тянутся к звезде с разных сторон и гаснут, упираясь в невидимую сферу. Вот уже вокруг звезды разгорается и Пульсирует огромное кремовое гало. Молнии продолжают неустанно жалить. О Боже, только не это! — когда звезда вдруг ис-

чезает в слепящей ВСПЫШКЕ. Упасть плашмя, прикрыть затылок ладонями! Но отвернуться нет сил, не отвести глаз от неба, исполосованного смертоносными блицами. Чудовищное содрогание земной коры приводит в сознание. О Господи, спаси меня! — отчаянный вопль в полыхающие небеса… и пробуждение.

Рывком усевшись на кушетке, Орр спрятал лицо в потных трясущихся ладонях.

Тяжелая рука на плече:

— Снова скверный сон? Черт, я думал, будет все же полегче! Ведь внушал вполне безобидный сценарий, на тему «миру — мир».

— Так и вышло.

— Тогда почему вы так взволнованы?

— Я стал свидетелем жуткой схватки в космосе.

— Свидетелем? А где же находились сами?

— На Земле. — Орр вкратце изложил сновидение, опустив лишь единственно гусака. — Только вот не знаю, то ли они сбили одного из наших, то ли наоборот.

Хабер рассмеялся:

— Да уж, жаль, что ваш сон нельзя записать визуально. Вот бы вышло захватывающее зрелище! Ведь на самом-то деле столкновения эти происхо-

дят на таких скоростях и на таком удалении, что человеческое зрение тут просто бессильно. Несомненно, ваша версия куда красочнее реальности. Звучит, как пересказ доброго старого боевика семидесятых. Сколько я перевидал их пацаном… И все же, отчего вам привиделась батальная сцена? Внушение-то было на мирную тему.

— Мирную? Увидеть сон про мир на планете — именно так вы велели?

Хабер, занятый переключением клавиш на пульте Аугментора, ответил не сразу.

— Порядок, — сказал он наконец. — Что ж, давайте на сей раз, в порядке эксперимента, сравним внушение с содержанием сна. Может, прояснится причина негативного результата. Я сказал… нет, лучше поставить запись. — Хабер сдвинул панель на стене.

— Вы записывали весь сеанс?

— Естественно. Обычное в психиатрии дело. Вы не знали?

«Откуда мне знать? — ответил про себя Орр. — Откуда, если магнитофон скрыт, сигналов не издает, а вы и словом не обмолвились?» Но ничего не сказал. Может быть, так у них принято, может, и нарушение, продиктованное высокомерием доктора — в любом случае ничего не попишешь.

«…Вот мы близко, мы почти у цели, мы уже в трансе, Джордж. Погружаемся…» — Мягко щелкнув, магнитофон смолк.

— …Э-эй, Джордж, не отключайтесь! Ну-ка очнитесь!

Орр тряхнул головой и усиленно замигал. Конечно, это всего лишь запись, но ведь он под завязку набит депрессантами.

— Все в порядке, малость промотаем.

И снова голос Хабера в записи: — «…мирную жизнь. Никакого более массового истребления людьми себе подобных. Конец кровопролитным сражениям в Ираке, прочих арабских халифатах и эмиратах. Мир на священной для всех народов планеты земле Израиля. Конец геноциду в Африке. Нет — грудам ядерного и биологического оружия, способного уничтожить все живое на Земле. Нет — разработкам новых средств и способов уничтожения людей. Миру

— мир! Мирное сосуществование как единственно возможное на Земле. Все названное должно присутствовать во сне. А сейчас переходим непосредственно к засыпанию. Когда я произнесу…»

Хабер резко оборвал воспроизведение, чтобы Орр, услышав пароль, не отключился снова.

Орр задумчиво потер лоб.

— Что ж, — процедил он. — Я в точности исполнил вашу инструкцию.

— Не думаю. К чему же тогда эта битва в прилунном простра… — Хабер умолк так же внезапно, как только что его голос в записи.

— Окололунном, — поправил Орр, даже немного сочувствуя Хаберу. — Когда я засыпал, «прилунном» еще не говорили. А как там сейчас обстоят дела в Израгипте?

Искусственное словечко из предыдущей реальности, прозвучав в новой, произвело едва ли не магическое действие — оба физически ощутили вокруг него некую зыбь, смысловую аберрацию, столь же явственную, как на картинах Дали.

Теребя знакомым Орру жестом курчавую каштановую бородку, Хабер нервно зашагал по огромному кабинету. Такое обычно предшествовало очередному выбросу из неиссякаемых импровизационных источников, но, заговорив, он на сей раз не торопился и взвешивал каждое слово:

— Любопытное использование «космического зонта» как символа или метафоры мирной жизни, как своеобразной антитезы войне. Недурно, весьма недурно. И весьма деликатно. Собственно,

сны ведь всегда деликатны. Бесконечно деликатны. Чем же в действительности обернулась для нас эта угроза, эта внезапная опасность вторжения враждебно настроенных и крайне неразговорчивых пришельцев? Первое — заставила прекратить все и всяческие междоусобицы и обратить военные приготовления вовне. Второе — напрячь все силы объединенного человечества, обрушить всю его техническую мощь лишь на космического супостата. Если бы не пришельцы, то кто знает? Может, мы до сих пор кромсали бы друг друга на Ближнем Востоке.

— Из огня да в полымя, — горько вздохнул Орр. — Неужели вы не видите, док, что это единственное, чего вам удалось от меня добиться? Не подумайте только, что я в чем-то помешал, что затевал расстроить ваши планы. Прекратить войну как раз хорошая мысль, тут я полностью согласен, обеими руками за. Кстати, на прошлых выборах я голосовал за изоляционистов и лишь потому, что Харрис обещал вытащить нас из кровавой ближневосточной каши. Тем не менее ваша затея провалилась — видимо, мое подсознание не в силах вообразить мир без войны. Лучшее, что сумело оно предложить, — заменить один вид войны другим. Вы просили прекратить истребле-

ние людьми себе подобных? Пожалуйста, вот вам пришельцы взамен! Ваши идеи мне нравятся, представляются вполне разумными, но дело-то приходится иметь не со мной — с моим подсознанием. На уровне рассудка я, может статься, и сумел бы воспринять картину, в которой все человеческие расы отказались от взаимоистребления; рассудком воспринять такое даже легче, чем уразуметь причины войн, зачастую весьма загадочные. Вам же приходится оперировать чем-то, рассудку вовсе неподвластным. Вы пытаетесь достичь благих, гуманных целей при помощи инструмента, для того не предназначенного. Кто знает, могут ли вообще сны быть гуманными?

Явной охоты отвечать Хабер пока не выказывал, и Орр продолжил:

— А может быть, дело не только в подсознании, не в одной лишь моей иррациональной подкладке, но в самом моем существе, моей планиде, неподходящей для важной миссии. Я ведь в душе пораженец, как вы изволили однажды заметить, слишком пассивен по сути своей, не спорю — что верно, то верно. Постоянно умеряю и одергиваю сам себя в желаниях и запросах. Может быть, вам и удастся извлечь что-либо из моего дара, из этих проклятых эффективных снов, если же нет

— должны ведь найтись и другие, умеющие то же самое. Возможно, с ними у вас получится лучше. Надо поискать, не могу же я быть единственным и уникальным. Может статься, я лишь первый, кто осознал свой дар. Но я ведь *не хочу* заниматься этим — можете вы понять? Я хочу соскочить с крючка, всем нутром своим жажду этого. Смотрите, док, — хорошо, война на Ближнем Востоке уже шесть лет как закончилась, замечательно! Но взамен мы получили оккупацию Луны пришельцами. А что, если оттуда они предпримут вторжение? Только тогда выяснится, какого сорта монстров и страшилищ вычудили вы из моего подсознания во имя мира на Земле. Ведь даже я не знаю, на что они могут оказаться похожи.

— Никто из нас пока не ведает, как выглядят пришельцы, Джордж, — сказал Хабер мягким увещевающим тоном. — Но все мы видим их в наших ночных кошмарах, Господь тому свидетель! Однако, как вы сами только что заметили, прошло уже полных шесть лет с момента их высадки на Луну, а попытку вторжения на Землю они пока так и не предприняли. Теперь же, после шести лет колоссальных усилий, наш ракетный щит практически непроницаем, и нет никаких оснований полагать, что вторжение вот-вот нач-

нется. Что-то же заставляло их выжидать целых шесть лет. Настоящую опасность представляли, пожалуй, лишь первые несколько месяцев после нападения на Луну, пока человечество еще не успело мобилизоваться полностью.

Орр сидел, ссутулясь, и мысленно вопил: «Лжец! Немедленно прекрати вешать лапшу на уши!» — но вслух не произнес ни слова. Ни к чему это. Судя по всему, Хабер просто не способен на искренность, так как лжет в первую очередь самому себе. Возможно, ему удалось разделить свое сознание как бы на две отдельные полочки, на одной из которых сведения о феномене Орра и осознанное намерение его использовать, а на другой — чистосердечная вера в то, что он лечит гипнотерапией и контролируемыми снами настоящего шизофреника, помешавшегося на собственных сновидениях.

И все же Орр не мог до конца поверить в подобное раздвоение личности доктора, был не в силах ясно представить себе Хабера не в ладу с самим собой. Собственное сознание Орра столь упорно противилось раздвоению, что допустить этот синдром у другого он не спешил. И допускал подобную возможность скорее теоретически. Но все же допускал, потому что вырос в мире

двоемыслия, в стране, где государственные мужи частенько посылали отважных летчиков убивать невинных детей, чтобы сделать мир более безопасным — для детей же.

Но все это происходило в той, прошлой реальности, а не в дивном новом мире.

— С ума схожу, — пожаловался Орр. — Вы как психиатр должны это понимать. Неужто не видите, как я разрываюсь на части? Пришельцы из далекого космоса, атакующие Землю! Как вы думаете, если позволить мне и впредь видеть сны, какие еще нас ждут чудеса? Может, продуктом безумного мозга станет весь мир, слетевший с катушек? Монстры, призраки, ведьмы, драконы, трансформеры — весь этот накопившийся внутри нас сор, арсенал детских ужасов, ночные страхи, кошмары! Как вы сможете удержать их в узде? Уж я так точно не смогу. Нет у меня над собой такого контроля.

— Не беспокойтесь о контроле, Джордж! Свобода — вот наш девиз и наша главная цель! — Похоже, Хабера вновь потянуло на патетику. — Свобода! Ваше подсознание отнюдь не сток для умственных нечистот, не прибежище грязного порока и прочих мерзостей. Оставьте эту викторианскую ересь дряхлому старичью! Они и так уже извра-

тили до неузнаваемости достижения светлейших умов позапрошлого века и подрезали поджилки всему психоанализу первой половины двадцатого! Не бойтесь вашего подсознания! Оно вовсе не бездонная черная яма, набитая кошмарами. Ничего подобного! Оно источник здоровья, воображения, творческой активности. А все, что мы называем грехом, — продукт цивилизации, ее запретов и условностей, деформирующих и подавляющих в человеке свободу самовыражения, все его спонтанные реакции. И величайшую задачу психотерапии я вижу как раз в том, чтобы устранить эти беспочвенные страхи и кошмары, вывести содержимое подсознания на ясный свет рассудка, рассмотреть его под микроскопом и обнаружить, что *бояться-то нечего*!

— Увы, доктор, есть, — мягко возразил Орр.

В конце концов Хабер отпустил его домой. Выйдя в весенние сумерки, Орр еще с минуту постоял на ступенях института, руки в карманах, покачиваясь на носках и любуясь сполохами городских огней внизу, смутных и призрачных в туманной дымке, словно фитильки глубоководных тропических рыб в затемненном аквариуме. Оглушительно дребезжа, к институту подкатил трамвай, совершающий свой дежурный объезд

вкруг Вашингтон-парка. Орр ссыпался с крыльца и запрыгнул в вагон на крутом повороте. Чуть не сорвался — ноги едва подчинялись ему, двигаясь, как у лунатика, как у непослушной марионетки.

7

Мечты и грезы для рассудка, точно туманность для звезды, они граничат со сновидением, соотносясь с ним, как, некое его предвестие. Атмосфера грез изобилует эфемеридами — здесь-то и кроется начало Непознанного, из-за пределов которого приоткрывает самый свой краешек бескрайнее Вероятие. Иные существа и иные сущности. Ничего сверхъестественного, ничего запредельного — лишь сокровенное продолжение колыбельных сказов матушки природы, воистину прихотливой в своих фантазиях… Сон по сути — лишь соприкосновение с тем же Вероятием, принимаемым подчас за нечто невозможное. Мир ночи — та же реальность. Ночь сама по себе иной мир и иная Вселенная. Мрачные обитатели тех неведомых сфер навязываются человеку в соседи, проскальзывая в наши мысли украдкой — то посредством некоего сродства с реальностью,

то искусно имитируя решительный и бесповоротный исход из темных провалов глухой бездны… А сновидец тем временем недреманным внутренним оком и лишь отчасти дремлющим сознанием отмечает эфемерность и мимолетность неописуемо странных существ, фантастически причудливой флоры, пугающих бледных огней, мрачных теней, пялится на жуткие маски, размытые силуэты, звериные оскалы — на все это дикое мельтешение в лунном свете безлунной ночи, на тусклый распад зыбких миражей, влекущихся из мрачных расселин и тут же исчезающих, на витающие кругом бледные контуры, на всю эту мистерию, которая именуется Сновидением и которая ничем иным, кроме как шагом к постижению невидимой и неведомой Сущности, быть не может. Сновидение — аквариум Ночи. V.Hugo. «Travailleurs de la Mer» note 6

Тридцатого марта в четверть третьего пополудни Хитер Лелаш, одетая в красную дождевую

---

note notes: Note6
Виктор Гюго. «Труженики моря» (фр.)

накидку и как всегда оснащенная, если только не вооруженная, тяжелой черной сумкой с острыми латунными уголками, стремглав вылетела из закусочной «Дейв — пальчики оближешь!» и по Энкени-стрит заспешила к югу, в сторону авеню 4-го июля. Сейчас ее следовало остерегаться — взбешенная фурия представляет собой особенную угрозу для окружающих.

Не то чтобы Хитер так уж ностальгировала по этому окаянному шизику, пропади он пропадом, но она терпеть не могла выглядеть круглой дурой, в особенности перед официантами. Полчаса занимать столик посреди обеденной суеты и давки — «Извините, занято!», «Сожалею, но я кое-кого жду!» — когда никто так и не появляется и ей все же приходится сделать заказ, а затем давиться жратвой в одиночку! И после того еще страдать от изжоги! О, чтоб ему пусто было, чтобы заснул и больше никогда не проснулся!

В запале Лелаш свернула налево по Моррисон и застыла как вкопанная. С чего это она вдруг? Разве этот маршрут ведет в контору «Форман, Изербек и Ратти»? Развернувшись, она поспешно прошагала несколько кварталов к северу, пересекла Энкени, добралась до Берн-сайд и замерла снова. Что за дьявол такой вселился в нее сего-

дня? Куда ее несет?

Разумеется, к зданию перестроенной автопарковки, 209, Юго-западный Берн-сайд… Какой такой автопарковки?! Ее контора находится в Пендлетон-билдинг, первом построенном после Катастрофы офисном здании, что на Моррисон-стрит. Пятнадцать этажей, модерный декор под древних инков. Какая еще автопарковка, что за идиот согласится работать в стенах перестроенной автопарковки?

Лелаш прошлась по Берн-сайд, дабы удостовериться. Вот оно, разумеется — в запустении, с заколоченными окнами, чуть ли не руины.

Но ведь у нее здесь был офис, наверху, на третьей рампе.

Женщину, замеревшую на тротуаре возле заброшенного здания с эксцентричным наклоном этажей и узкими бойницами окон, посетило вдруг странное чувство. Что же на самом деле *случилось* во время гипнотического сеанса в минувшую пятницу?

Во что бы то ни стало надо встретиться с этим маленьким ублюдком! С мистером Как-его-там Орром. Пусть он и подвел ее с ленчем, ну так что! Все вопросы остались при ней. И их непременно нужно задать.

Отчаянно цокая каблуками и даже как бы клацая в нетерпении жвалами, Лелаш заспешила к себе в Пендлетон-билдинг, чтобы позвонить. Сперва в мастерские Бредфорда («Нет, мистера Орра сегодня нет на месте, и, увы, он не звонил!»), затем на квартиру (бип-бип-бип).

Может быть, стоит побеспокоить доктора Хабера? Но он ведь такая важная шишка, начальник целого Храма Грез в парке наверху. А главное — ему не следует знать о ее знакомстве с Орром. Паучок запутался в собственных тенетах.

В этот вечер Орр не отвечал на звонки ни в семь, ни в девять, ни даже в одиннадцать. Не явился он на работу и во вторник утром, не показывался там и после полудня. В полпятого Хитер не выдержала, выскочила из конторы «Форман, Изербек и Ратти» и, догнав попутный трамвай, отправилась на Корбетт-авеню. Отыскав нужный дом, долго давила кнопку звонка, одну из шести чуть не дочиста изглоданных кнопок, встроенных в косяк застекленной парадной двери дома — таким особняком на заре прошлого века могли, очевидно, гордиться его хозяева. С тех пор дому довелось пережить весьма трудные времена, но переживал он их с аристократическим достоинством и по сей день еще не обратился окончательно в руины. И

даже мог похвастать определенной пышностью, пусть и несколько подзамаранной безжалостным временем. Орр снова не отзывался. Тогда Хитер позвонила «М.Аренсу, управляющему». Дважды. Управляющий, приоткрыв дверь, сперва на контакт не пошел. Но если уж в чем Черная Вдова и не имела себе равных, так это в запугивании всяких крохотных букашек. И вскоре М.Аренс, управляющий, уже послушно провожал Х.Лелаш, присяжного поверенного, к двери Орра. Искать ключи не потребовалось — уходя, тот даже не запер квартиру.

Лелаш отшатнулась было — первой же ее мыслью был труп внутри. А такие сюрпризы вовсе не по ее части. К тому же — неприкосновенность жилища!

Управляющий, не столь отягощенный игрой воображения и доскональным знанием статей гражданского кодекса, распахнул дверь и беззаботно зашел вовнутрь. Лелаш неохотно проследовала за ним.

В просторных запущенных комнатах ничего такого не обнаружилось, никаких тебе покойников. Здесь даже сама мысль о смерти представлялась нелепой и неуместной. Похоже, Орр мало занимался своим хозяйством — квартира, пусть и не

захламленная по-холостяцки, как это частенько бывает, особой чистотой все же отнюдь не блистала. Крайне мало примет, дающих представление о личности хозяина. Однако Хитер сумела мысленно поместить Орра в окружающий интерьер — эдакая неприметно живущая тихая букашка, человек-нелюдимка. На столике в спальне даже обнаружился стакан с веточкой белого вереска. Воды в стакане оставалось всего на полпальца.

— Шерт-те жнает, где этот хмырь сшивается! — сварливо пробурчал управляющий и с опаской зыркнул на визитершу. — Думаете, слушилось шего? Нешастный случай, штоль? — Беззубый старик, облаченный в истрепанную кожанку времен его молодости, кулончик-Водолей на заскорузлой шее, растерянно потряхивал нечесаной гривой и вовсю благоухал марихуаной. И даже блеял под Дилана. Старые хиппи не сдаются, они живут вечно.

Хитер разглядывала старика благосклонно — густой дух травки напоминал ей собственное детство, запах родной матери. Наконец ответила:

— Может, перебрался в бунгало на побережье. Дело в том, что у Орра не все ладно, он проходит сейчас ДНД, госдиспансеризацию. И если не объ-

явится в ближайшие дни, может хлебнуть лиха под завязку. Вы не подскажете, где находится его бунгало — или телефончик, если он там есть?

— Штоп мне лопнуть, ешли жнаю!

— А позвонить от вас можно?

— Жвоните, — пожал плечами управляющий.

Хитер, набрав номер приятеля из управления по охране парков и насаждений, попросила отыскать адреса всех тридцати четырех бунгало в Национальном заповеднике Сисло, которые были разыграны в лотерею. Аренс слонялся поблизости и, когда Хитер повесила трубку, хитро прищурившись, поинтересовался:

— Не иначе как кореша наверху, а?

— А то! — выкатив глаза и лихо присвистнув, отбрила Черная Вдова.

— Надеюшь, што откопаешь Жоржа. Этот шувак мне по нутру. Даже фармакарту швою давал ему, жапросто. — Завершив признание, старик хохотнул и тут же опасливо приумолк.

Пока Лелаш не удалилась, хипповый управляющий стоял с мрачным видом, подперев сутулым плечом обшарпанный косяк парадного — своеобразный тандем, некий симбиоз руин архитектурных и биологических, — и провожал гостью немигающим взглядом.

В центре, в бюро Герца, куда долго пришлось трястись на трамвае. Хитер арендовала паровой «форд» и сразу — с места в карьер. По шоссе 99. Она упивалась собою — Черная Вдова вышла наконец на тропу охоты. Почему бы и в самом деле ей не стать детективом и не отсиживать задницу в занюханной конторе по гражданским делам? Она ведь терпеть не может эту чертову юриспруденцию. Для подобной службы, кроме усидчивости, требуется напор и наглость, каких у нее и в помине нет. Увертливость, лукавство, застенчивость да хрупкий хитиновый покров — вот и вся ее защита и ее же оружие. Да еще злобный червячок, французская хвороба души, неутомимо гложущий изнутри.

Юркий паромобиль глотал милю за милей, и ввиду нынешнего отсутствия у Портленда предместий, заполонявших прежде все окрестности западных шоссе, город очень скоро остался далеко позади. За моровые восьмидесятые, когда в отдельных поселениях выживал один из двадцати, жизнь в предместьях заглохла окончательно. Многие мили до ближайших торговых точек, дефицит горючего, а все ранчо в округе, независимо от социального положения хозяев, дышат на ладан и разят ладаном. Ни еды тебе, ни подмо-

ги. Стаи одичавших псов некогда популярных в Орегоне крупных пород — афганских борзых, восточноевропейских овчарок, огромных датских догов, — отощавших до невероятия, правят бал на полях, поросших лопухом да бурьяном. Пустые глазницы окон. Кому теперь дело до замены в них стекол? Уцелевшие давно рванули обратно в город, а предместья позднее выгорели дотла, как Москва после Бородина. То ли промысел Божий, то ли снова дело рук неуловимых поджигателей. Разбушевавшийся следом степной пожар, пожрав акр за акром поля и луга, лучшие в стране медоносы, добрался вскоре до угодьев Западного Кенсингтона и до имения Дубравы, безжалостно поглотив по пути знаменитый парк-аттракцион «Долина Аллейя».

Солнце уже кануло за горизонт, когда Лелаш проехала мост через Туалатин, блеснувший атласом меж крутых лесистых берегов. Дорога вильнула к югу, вскоре в левое окно машины тусклым молочным оком заглянула полнеющая луна. Ее любопытствующий взгляд через плечо почему-то встревожил Хитер. Играть с ней в гляделки, как случалось в романтической юности, не тянуло. Луна больше не была для людей ни символом Недосягаемого, как многие тысячеле-

тия прежде, ни символом Покорения — результат успехов времен не столь давних. Она стала олицетворением Утраты. Украденная монета, зловещее жерло фантастического орудия, белая прореха в черном бархате небес. На Луне теперь хозяйничали пришельцы. Первым актом агрессии

— и первым же проявлением их присутствия в Солнечной системе — стала атака на лунную базу, злодейское удушение сорока землян под вдребезги разбитым куполом. В тот же день, практически одновременно с базой, погибла и советская орбитальная станция — фантастически прекрасная конструкция, изящная, как громадный парашютик чертополоха, — парившая над Землей и служившая русским ступенью для предстоящего рывка к Марсу. Всего лишь десять лет прошло, как после отступления Мора рухнувшая было цивилизация, словно птица Феникс, начала возрождаться из пепла — промышленность, орбитальные полеты. Луна, на очереди Марс — и на тебе! Бессмысленная, беспрецедентная, ни на что не похожая дикость, воплощение слепой ненависти к людям самой Вселенной.

За дорогами здесь тоже давно уже никто не присматривал, как в былые времена, когда всем на свете заправлял его величество хайвей, — в

растрескавшемся асфальте зияли жуткие выбоины. Но упрямица Хитер, почти не отрывая стрелку спидометра от красной риски — 45 миль в час, — нещадно гнала автомобиль по просторной залитой мрачным лунным светом долине реки Ямсхил. Мосты, мосты, один за другим, пять или шесть, затем мелькнули деревушки Данди и Гран-Рондо — в одной еще чуть теплится жизнь, вторая давно заброшена, в руинах, мертвая, как и Карнак за ней следом. Наконец дорога запетляла среди лесистых холмов — «Лесной коридор Ван Дазера», гласил ветхий дорожный указатель, сохранившийся еще с тех времен, когда в округе вовсю хозяйничали лесозаготовители. Не все леса в Америке, к счастью, пошли на тару, щепу и на Дика Трейси из «Санди-монинг». Кое-что уцелело. Указатель поворота направо: «Национальный заповедник Сисло». Никаких тебе чертовых лесопилок, никаких пеньков да гнилых сучьев — нетронутый девственный бор. Гигантские тсуги своими развесистыми кронами окончательно укрыли землю от зловещей лунной радиации.

Указатель, который выискивала Лелаш среди хмурого подлеска, в жидких лучах фар углядеть удалось буквально чудом. Новый поворот, с милю тряски по корням и буеракам проселка и,

наконец, первое бунгало, в лунном свете матово отсвечивающее дранкой. Хитер глянула на часы — самое начало девятого.

Домики стояли вразброд, тридцать — сорок футов между соседними; заметив первый, Лелаш легко угадала по блеску крыш остальные, немалая часть за ручьем. Местность была вычищена от подлеска, при строительстве пришлось, видимо, пожертвовать и двумя-тремя вековыми соснами. Светилось лишь одно окно — понятное дело, конец марта, вторник, кто поедет? Распахнув дверцу, Лелаш поразилась звукам ручья — эдакий несмолкаемый водный грай, многоголосые рулады на фоне оглушительной тишины уснувшего леса. Вечный гимн матушке природе.

Разок-другой запнувшись в потемках, Лелаш добралась до единственной обжитой хижины и проверила припаркованную рядом тачку — от Герца, на аккумуляторах. Ничего другого она и не ожидала. Но вдруг там все же не Орр, а кто-то другой? Ну и черт с ним, не съедят же ее, в конце концов! Хитер постучала.

Полминуты спустя, тихо ругнувшись, забарабанила снова.

Оглушительное журчание ручья, более ни звука.

И вдруг дверь, скрежетнув, отворилась. На пороге стоял Орр, всклокоченный, с пересохшими губами, сонно мигая запавшими воспаленными глазами. Своим видом больного и надломленного он перепугал Хитер.

— Вы что, захворали? — ахнула она.

— Нет, э-э… как бы это сказать… Да вы проходите…

Пришлось зайти. Наметанный взгляд сразу же обнаружил кочергу при деревенской печурке — в случае чего можно оборониться. Если, разумеется, Орр не завладеет орудием первым.

Господи, ради всего святого, она ведь практически не уступает ему в весе, да и куда свежее теперь этого заморыша. Трусиха! Чего ей бояться?

— Нализались, что ли?

— Нет, я не…

— Что вы не? Что еще тут стряслось с вами такое?

— Не могу заснуть.

Крохотное бунгало восхитительно пахло печным жаром и свежеструганной сосной. Всю его обстановку составляли деревенская плита с двумя конфорками, картонная коробка, доверху набитая ольховыми сучьями, полушкаф-полубуфет, стол, табурет и армейская раскладушка.

— Присядьте, — велела Хитер. — У вас ужасный вид. Вам обязательно нужно к врачу. Выпить хотите? У меня в машине есть немного бренди. Но лучше бы вам поехать со мной, мы можем отыскать доктора в Линкольне, неподалеку отсюда.

— Я в полном порядке. Просто глаза слипаются.

— Вы же сказали, что не можете заснуть!

Орр сфокусировал на гостье мутный воспаленный взгляд:

— Не могу позволить себе. Боюсь.

— О Господи! И как давно?

— М-м-м… с воскресенья.

— Вы не засыпали с воскресенья?

— А может, с субботы, — пробормотал Орр неуверенно.

— Что-нибудь принимали? Стимуляторы, например?

Джордж помотал головой.

— Я немного спал урывками, совсем по чуть-чуть, — произнес он неожиданно бодрым голосом и тут же, как дряхлый старик, клюнул носом. Но прежде чем Хитер успела смерить его недоверчивым взором, очнулся и внятно выговорил: — Вы приехали сюда специально из-за меня?

— Ну а из-за чего же еще! Бог ты мой, ну не

за елкой же к Рождеству меня сюда занесло! Вы вчера не явились на ленч.

— Ох! — Джордж поднял глаза, старательно фиксируя взгляд на собеседнице. — Весьма, весьма сожалею. По-моему, я вчера был не в себе.

Произнося это, он неожиданно, с поправкой на прическу и сомнамбулический взгляд, снова на мгновение стал самим собой — человеком с врожденным чувством собственного достоинства, упрятанным, впрочем, столь глубоко, что поди еще угадай!

— Ладно-ладно! Проехали, — смешалась Хитер. — Мне-то что? Но вот вы, вы просачковали вчера сеанс — думаете, сойдет с рук?

Орр печально кивнул.

— Разрешите угостить вас чашечкой кофе? — любезно осведомился он.

Это уже не просто достоинство, подумала Хитер, нечто большее — чистота? цельность? нетронутость? Как у небезызвестного полена благородной породы, что по случаю досталось папе Карло. Как у глыбы каррарского мрамора.

Беспредельность таящихся внутри образов, ничем не ограниченная, ярко выраженная целостность бытия, не тронутого еще резцом скульптора — доподлинная вещь в себе, черный

ящик.

Таким интуитивно увидела она Орра теперь и более всего поразилась в нем

— силе. Ей еще не доводилось встречать личность сильнее — Орр был неколебим, как скала, как краеугольный камень самого бытия. Вот почему он так приглянулся с первой же встречи, сообразила Хитер. Мощь манила ее, она стремилась к силе, как мотылек на свет. У Хитер был немалый сексуальный опыт, сводившийся по сути к постоянным изменам, но ни разу еще не доводилось столкнуться с подлинно сильной личностью, даже просто опереться

— для всех мужиков, этих хлюпиков, опорой становилась как раз она сама. Тридцать лет ждала она встречи с кем-нибудь, способным подставить плечо и не жаждущим ответных презентов…

Вот он, здесь, этот психованный заморыш с красными глазами — ее башня Давидова, ее твердыня.

Жизнь — несусветная карусель, думала Хитер. *Никогда* не знаешь, что ждет тебя за углом.

Пока Орр занимался у плиты незатейливой готовкой, она сняла плащ и бросила его на койку. Джордж расстарался — сварганил динамит, не кофе: 97 процентов кофеина, 3 — всего остального.

— А себе?

— Уже из ушей течет, боюсь, сердце не выдержит.

Сердце Хитер тоже рвалось из груди, но по иной причине.

— Может, сходить все-таки за бренди?

Джордж поморщился.

— Глоточек не повредит — наоборот, поможет взбодриться. Так я сбегаю?

Джордж с порога посветил ей крохотным фонариком. Голосил ручей, лес вокруг стоял онемелый, в небесах корчила злобные рожи чужая луна.

Плеснув в стакан весьма скромную порцию, Орр подозрительно принюхался, пригубил и заметно содрогнулся.

— Круто, — выдохнул он, прикончив дозу залпом.

Хитер одарила его поощрительным взглядом.

— Всегда таскаю с собой фляжку, — сообщила она. — Ровно пинта [note 7]. В машине прячу в бардачок, чтобы бобиков не дразнить, когда придется доставать из сумки лицензию. Но обычно фляжка всегда при мне. Удивительно, но разок-другой за год бренди приходится как нельзя более кстати,

---

note notes: Note7
в США 0,47 литра для жидкостей

просто-напросто выручает.

— Так вот почему у вас с собой такая сум… сумища, — заметил Орр слегка проспиртованным голосом.

— В яблочко! Пожалуй, я тоже плесну себе малость, прямо в кофе. Чтобы разжижить немного. Уж больно он крепкий… Скажите, Джордж, как это вам удалось высидеть чуть ли не… чуть ли не семьдесят часов без сна?

— Ну, не совсем так. Я не ложился, это верно. Но можно ведь вздремнуть и сидя — пусть и не по-настоящему, без снов. Чтобы увидеть сон, надо обязательно лечь. Расслабить главные мышцы. Вычитал в книжке. Действует, и неплохо, до сих пор мне вполне удавалось дремать без сновидений. Когда совсем невмоготу — встанешь, походишь. Правда, под конец начинается нечто вроде галлюцинаций. У меня, к примеру, стали ерзать вдоль стен разные вещи.

— Вы должны немедленно прекратить это самоистязание!

— Да, знаю. Просто хотелось продержаться подольше. И подальше. От Хабера.

Пауза. Казалось, Джордж снова поплыл. Наконец раздался нервический смешок.

— Единственный выход, что приходит в голо-

ву, — сказал Орр печально, — это самоубийство. Но не хочется ведь. И пока не кажется единственно верным.

— Разумеется, это неверно! Абсурд, полный бред!

— Должен же я как-то прекратить это. Остановить себя.

Хитер не могла поддерживать подобную скользкую тему. И не хотела.

— Чудное местечко, — нашлась она. — Аромат какой! Уже лет двадцать не сидела я у растопленной печки.

— Тяга так себе, — слабо улыбнулся Джордж.

Снова он, казалось, куда-то провалился. Но, как заметила Хитер, Джордж, сидя на койке, не откидывался к стене, держался старательно прямо, как оловянный солдатик на ответственном посту. Наконец он снова захлопал своими пушистыми ресницами.

— Когда вы постучались, — сказал Орр, — я решил, что сплю. Вот почему сперва отвечал невпопад.

— Джордж, вы утверждали, что сотворили эту хижину во сне. Что-то слишком скромненько для сна у вас получилось. Почему бы не заказать себе в следующий раз настоящее пляжное шале

на Селишане или на худой конец родовой замок где-нибудь на мысе Перпетуа?

Орр, чуток поморщившись, качнул головой:

— Все, как я хотел. — Мигнув разок-другой, добавил: — Что случилось. Что было с вами тогда. В пятницу. В кабинете Хабера. Во время сеанса.

— Так ведь я и примчалась сюда, чтобы спросить вас об этом!

Такая новость пробудила Орра.

— Вы… Вы *запомнили*?

— Вроде того. То есть поняла, что случилось *нечто*. С тех пор меня не покидает ощущение, будто колея жизни как бы раздвоилась. Представьте себе, в воскресенье в своей квартире поцеловалась со стенкой. Взгляните! — Отмахнув челку, Хитер продемонстрировала кровоподтек на лбу, заметный даже под шоколадной кожей. — Стена *была* там, где ей никак не место… Как вы справляетесь, как только можете жить с этим? Что стоит запутаться!

— Справляюсь? — удивился Джордж. — Да ведь у меня в котелке сплошная каша. Полагаю, если этой моей беде и суждено было случиться, то навряд ли провидение предполагало терзать меня с такой частотой. Тут уж явный перебор. Я затрудняюсь решить порой, то ли действительно

уже рехнулся, то ли просто запутался в противоречиях различных вариантов. Мне… Как бы это… Но вы и в самом деле мне верите?

— А что остается? Я же видела, как весь чертов Портленд провалился в тартарары! Я смотрела тогда в окно! Только не подумайте, что мне хочется верить. Наоборот, пытаюсь отмахнуться, как от наваждения. Это просто ужасно! А этот ваш доктор, он ведь не хотел, чтобы я поняла — разве не так? Попытался меня заболтать. Но ваши слова после пробуждения, да малоприятный поцелуй со стенкой, да еще дурацкая прогулка к несуществующему более офису… Затем мне представилось вдруг, что после пятницы вы снова увидели сон, и снова все вокруг переменилось, а я и не заметила, и принялась гадать, что именно, и усомнилась — осталось ли вообще вокруг хоть что-то подлинное… Жуть просто!

— Я и говорю. Скажите, а вы знаете о войне, о войне на Ближнем Востоке?

— Как не знать! Ведь там погиб мой муж.

— Ваш муж? — ужаснулся Джордж. — Когда?

— Ровно за три дня до дембеля. Или за два до Тегеранской конференции и Американо-китайского пакта. На другой же день после нападения пришельцев на нашу лунную станцию.

Джордж молчал потрясенный.

— Что с вами? О, успокойтесь, это старая рана! Уже шесть лет, скоро семь. К тому же, останься он в живых, мы бы давно разошлись. Из нашего брака ни черта не получилось. Послушайте, это вовсе не ваша вина!

— Я уж и не знаю, в чем только нет моей вины.

— Ну, в гибели Джима точно нет. Он был такой здоровенный смазливый негритос, с детства обожал всякие военные игрушки, в двадцать шесть стал капитаном ВВС, а год спустя погиб — не взваливайте все лишь на себя, такое случалось тысячи и тысячи раз задолго до вас. Точно то же с ним случилось и в другом варианте… До пятницы, то бишь когда мир был набит людьми как бочка селедкой. Без перемен. Правда, тогда это произошло в самом начале войны… а? — Она осеклась и округлила глаза. — Боже мой! Самое начало — вместо немедленного перемирия! Война все тянулась и не кончалась, громыхала по сей день… Но ведь не было… А! Не было ведь никаких пришельцев! И в помине не было! Или все же были?

Джордж отрицательно помотал головой.

— Они *тоже* из вашего сна?

— Хабер заказал мне сон о мире. Мир, согласие,

добрая воля — среди всех людей планеты. Вот я и создал пришельцев. Чтоб было с кем сражаться.

— Это не вы! Это все машина Хабера, чертов Аугментор!

— Нет — к сожалению, я прекрасно управляюсь и без машины, мисс Лелаш. Все, на что способен Аугментор, — экономить Хаберу время, погружая меня прямо в сон со сновидениями. Хотя доктор все еще над ним трудится, совершенствует, пытается улучшить. О, Хабер — великий улучшитель, это его конек.

— Пожалуйста, зови меня Хитер!

— Чудесное имя.

— А я, если можно, буду называть тебя Джорджем. Этот Хабер во время сеанса тоже называл тебя по имени и на ты, но так, точно обращался к подопытной собачке, эдакому умному пуделю или макаке-резус. Лежать, Джордж! Апорт, Джордж, апорт! Принеси-ка мне вон тот сон! К ноге!

Орр от души рассмеялся, впервые за все время знакомства. Несмотря на все его заботы и тяготы, несмотря на нездоровый вид и страшное переутомление, смех оказался вполне мелодичным, а зубы — удивительно белыми.

— Видишь ли, он обращался не ко мне. К моему

подсознанию. А оно уж точно напоминает своего рода собачонку, во всяком случае в представлении доктора. Подсознание мыслить не умеет, но его запросто можно выдрессировать, подготовить для циркового шоу.

Какие бы жестокие вещи ни говорил Орр, он произносил их без аффектации, без желчи. Неужели еще встречаются на Земле люди без скрытой в душе ненависти и злобы? — дивилась Хитер. Люди без внутреннего разлада, не идущие поперек Вселенной. Способные распознать лукавого, воспротивиться ему и сохранить белизну своих одежд?

Разумеется, есть. Были и есть. И несть им числа среди здравствующих ныне и давно ушедших. Это те, кто через милосердие и сострадание вернулся к живительным истокам, те, кто сознательно или бессознательно следует своему предначертанию — жена издольщика из Алабамы и тибетский лама, и перуанский энтомолог, и безвестный биндюжник из Одессы, и лондонский лавочник-зеленщик, и нигерийский пастух, и дряхлый австралийский абориген, заостряющий о дно вади наконечник копья где-нибудь в совершенной глуши, и многие, многие другие. Никто не станет, не осмелится отрицать это. Таких людей

множество, их должно быть достаточно много, иначе просто не выжить. Иначе, возможно, незачем и жить.

— А теперь, Джордж, скажи-ка мне вот что: ведь все это началось лишь после визитов к Хаберу, ну, эти самые сны?

— Эффективные сны, я бы так сказал. Нет, конечно, задолго до. Потому-то я и угодил к нему. Страшась своих снов и стремясь заглушить их, я начал злоупотреблять снотворным и нарушил закон. Просто не знал, что делать, как мне выкрутиться.

— А почему бы тебе сейчас, чтобы не мучиться и не губить здоровье, не принять чего-то в том же роде, какие-нибудь пилюли?

— В пятницу вечером прикончил последние. А новыми здесь не разживешься. Но я просто обязан выкарабкаться, соскочить с крючка. Должен избавиться от власти Хабера. Все ведь куда сложнее и серьезнее, чем ему представляется, чем он даже в состоянии вообразить. Доктор считает, что порядок вещей можно запросто выправить. И используя меня как инструмент для этого, он даже не желает в том признаваться. Он лжет, потому что боится взглянуть фактам в лицо, боится узнать настоящую правду и не признает ничего,

кроме собственных идей, кроме своих представлений о том, какой следует быть человеческой цивилизации.

— Вот оно как. Боюсь, ничем не смогу помочь тебе как юрист, — сказала Хитер, внутренне споря с собой, и отхлебнула кофе, от которого вылезла бы шерсть даже у чихуахуа. — К гипнотическим инструкциям Хабера не придраться, он просто давал наставления расслабиться, не тревожиться по поводу перенаселенности и прочего. И если только сам он не признается, что пользовался твоими снами в каких-то там своих целях, с него и взятки гладки. А при свидетелях он, пользуясь полной свободой выбора темы для твоего сна под гипнозом, проведет свой сеанс так, что ничего и не заметишь. Удивляюсь только, как это со мной умудрился он так опростоволоситься! А ты уверен, что Хабер действительно все шарит? Тогда в том, что он допустил меня на сеанс, есть какая-то нестыковка. Но в любом случае вмешаться в отношения между врачом и пациентом весьма непросто, особенно когда эскулап — важная шишка, а больной — псих, возомнивший себя чудотворцем. Не хотелось бы выступать с подобным делом перед присяжными. Неужели же нет иного способа уберечься от Хабера? Может,

транквилизаторы?

— На весь период ДНД я остался без фармакарты. И лишь Хабер вправе выдавать мне временные. К тому же Аугментор заставит увидеть сон даже после лекарств…

— Черт, налицо вопиющее нарушение прав личности, а дела не завести… Послушай-ка, а что, если тебе увидеть сон, который шарахнет по самому Хаберу, изменит его к лучшему?

Орр таращился на гостью сквозь туман, навеянный недосыпом и сгущенный добрым глотком бренди.

— Сделать его благороднее, что ли, — помню, помню, ты уже толковал мне о сказочных добродетелях Хабера, об исключительной чистоте его помыслов! Но ведь он неудержим в этих своих помыслах, не считается с людьми! Обнаружил себе удобный способ управлять Вселенной, целиком избегая личной ответственности — и вперед! Давай-ка сделаем его пофлегматичнее, что ли, не таким уж живчиком. Пусть Хабер приснится тебе *по-настоящему* хорошим человеком. Пусть лечит тебя, а не использует.

— Но я не волен в своих снах. Никто не волен.

Воодушевление Хитер как рукой сняло.

— Напрочь вылетело из головы. Видно, если

уж допускать саму возможность подобного дара, подсознательно хочется сохранять над ним и контроль. Совсем позабыла, что ты не волен. Что просто *делаешь* это.

— Ни черта я не делаю, — угрюмо откликнулся Джордж. — И никогда не делал. Я всего-навсего сплю. Оно все как бы само по себе.

— Слушай, — снова загорелась Хитер, — а давай-ка я тебя загипнотизирую!

Единожды допустив мысль о возможности невозможного, Хитер уже не могла остановиться. К тому же с полудня у нее не было и маковой росинки во рту, и термоядерный кофе, смешанный с таким же бренди, крепко ударил в голову.

Джордж недоверчиво хмыкнул.

— Мне приходилось, клянусь! Я целый год изучала психологию в колледже, перед юрфаком. И нам всем довелось пройти там курс гипноза. С практическими занятиями. Выяснилось, что сама я внушению поддаюсь плохо, но других погружаю в транс запросто. Давай я загипнотизирую тебя и задам сон про Хабера, доброго и безвредного, как доктор Айболит. Только про это и ничего больше. Согласен? Абсолютно безопасно! Тем более что иного выхода все равно ведь нет.

— Но я тоже невосприимчив к внушению. Как

оказалось. Так объяснил Хабер.

— Так вот почему он применяет вагус-каротидную индукцию! Бр-р-р! Никогда бы не смогла, даже смотреть страшно — типичное удушение. Хотя я не медик, разумеется.

— Мой стоматолог пользовался обычной гипнозаписью, и она прекрасно действовала. По крайней мере мне так кажется, я так думаю… — Орр снова засыпал с открытыми глазами и мог бормотать так до бесконечности.

Хитер мягко перебила его:

— Сдается, что невосприимчив ты именно к гипнотизеру, а не к гипнозу… Во всяком случае можем попробовать, что нам терять? Если сработает, дам тебе задание увидеть один маленький… как бишь ты говорил? Эффективный, да-да, эффективный сон про Хабера, где он перестанет морочить тебе голову и возьмется наконец за лечение. Как думаешь, получится? Доверишься мне?

— Звучит заманчиво… — сказал Орр. — В любом случае мне… мне надо хоть немного поспать. Думаю, что еще одну бессонную ночь просто не потяну. Если ты считаешь, что справишься, то что ж…

— Справлюсь, справлюсь, не сомневайся!

Слушай, а пожевать у тебя здесь ничего не найдется?

— Да, конечно, — ответил Джордж, снова проваливаясь в сон. — То есть нет… Ой, прости! Ты, кажется, сказала, что хочешь есть? Вроде что-то еще оставалось… Вон полбуханки хлеба…

Сомнамбулически прошествовав к буфету, Орр порылся на полке и выложил на стол хлеб, маргарин, пяток яиц вкрутую, банку тунца и початую упаковку латука. Хитер занялась нехитрой сервировкой: пара жестяных мисочек, три разнокалиберные вилки и источенный кухонный ножик.

— А сам-то ты хоть что-нибудь ел? — заботливо справилась она.

Джордж не помнил. Тогда Хитер заставила его принять участие в трапезе: она — сидя на табурете, он — а-ля фуршет. Вертикальное положение маленько оживило Джорджа — выяснилось, что он тоже зверски голоден. Они все разделили побратски поровну, включая последнее пятое яйцо.

— Как это мило, что ты приехала меня навестить, — сообщил вдруг Джордж.

— Еще бы, черт подери, а ты разве не приехал бы, окажись на моем месте? Я ведь жутко перепугалась. В одно мгновение весь мир бац — и вверх

тормашками! С таким в голове запросто можно рехнуться. Знаешь, куда именно смотрела я в момент изменения, в пятницу? На больницу за рекой, в которой *родилась*. В один миг ее не стало и как бы никогда даже не было!

— Мне почему-то казалось, что ты родом с Востока, — отозвался Орр. Он снова поплыл, уже стоя, судя по реплике невпопад.

— Нет. — Хитер выскребла жестянку дочиста, облизав даже нож. — Местная уроженка. А теперь так даже дважды. Два разных роддома. Господи! Тут рожденная, там родившаяся — ну и бутерброд! Как, впрочем, и мои родители. Отец черный, мать белая. Причем довольно любопытная парочка. Он — настоящий боец, эдакий черный гладиатор, типаж, популярный в семидесятые, если помнишь, она — хиппи. Он — отпрыск состоятельной фамилии из Альбины, безотцовщина. Она — блудная дочь муниципального портлендского адвоката, с холмов. Спала с кем попало, кололась и все прочее, что тогда только было в заводе. Познакомились на каком-то политическом шоу, возможно, на митинге — тогда они еще разрешались, всякие политические сборища. Поженились. Но отец не мог долго усидеть на одном месте, я имею в виду вообще, а не в отношении

семейной жизни.

Когда мне исполнилось восемь, он подался в Африку. Полагаю, в Гану. Втемяшилось, что его призывает историческая родина, земля предков. Хотя, насколько удалось проследить, все предки отца жили в Луизиане, а фамилия «Лелаш» им досталась, по-видимому, от рабовладельца-француза. По-французски «лелаш» означает «трус». Благодаря своей миленькой фамилии я и выбрала французский для изучения в школе. — Хитер хихикнула: — Короче, папашка нас бросил. Бедняжка Ева, моя мать, переживала ужасно. Кстати, она не позволяла называть ее мамой, мамочкой, мамулей — это, мол, все буржуазные пережитки — только по имени.

А жили мы с ней в некоем подобии коммуны высоко на склоне Маунт-Худа. Господи, до чего же там было холодно зимой! К счастью, вскоре до нас добрались копы и, объявив существование коммуны делом противозаконным, а идеологию ее — антиамериканской, всех разогнали. После этого мать долго перебивалась чуть ли не подаянием, когда удавалось пристроиться где-нибудь к гончарному кругу, выпекала обалденную керамику, но по большей части не брезговала прибираться в лавчонках да забегаловках. Их

хозяева, сами едва сводящие концы с концами, помогали нам больше других. Порой просто спасали. К несчастью, мать так и не сумела избавиться от вредных привычек, крепко сидела на игле. И неизбежное не замедлило случиться. Уцелев в жуткие моровые годы, мать загнулась от какой-то паршивой недостерилизованной иглы. Еще до сорока.

Тут вмешалась ее чертова семейка, с которой я даже не была знакома. Меня определили в колледж, затем оплатили юрфак. И ежегодно в сочельник приглашали к обеду. Я была для них как бы рождественской сироткой, своего рода ниггером для милостыньки. Но что достает меня сильнее всего — до сих пор не могу решить, какого я цвета кожи. Видишь ли, мой отец был настоящим черномазым, то есть в его жилах могла бы течь, да и текла всякая кровь, но оставался он *черным*. Мать белая, ну а я — черт-те что и с боку бантик. Отец даже возненавидел мать за белый цвет кожи. Любил и вместе с тем ненавидел. Мне кажется теперь, что она и полюбила его именно за это. Больше чем за что-либо другое. Не наложила ли ее страсть и на меня некий генетический отпечаток? Теперь уже не угадать.

— Как шоколадка, — любезно предположил

Джордж, покачиваясь на носках возле буфета.

— Дерьмовое словцо!

— Тогда цвета земли, — поправился он.

— А сам-то из Портленда будешь? Давай, равняй счет.

— Да.

— Черт, из-за ручья тебя почти не слыхать! Вот не думала, что и в глуши может быть так шумно. Ну давай же, рассказывай дальше!

— Что именно? У меня теперь столько биографий на выбор, — засомневался Джордж. — И ни одной интересной… В первой я потерял родителей в самом начале мора. Во второй мора вовсе не было. Не знаю… Рассказывать особенно нечего. Что объединяет различные варианты, так это то, что во всех я выжил.

— Не так уж и мало. Ведь это главное.

— И с каждым поворотом сюжета это становится все мудренее. Сначала мор, теперь вот пришельцы… — Джордж вяло хихикнул; обернувшись, Хитер не усмотрела в его лице ничего, кроме сдержанной муки.

— Никак не могу поверить, что вся эта небесная мерзость — твоих рук дело. Просто в голове не укладывается. Трястись от страха шесть лет — и вдруг на тебе! В то же время я как будто знаю, что

это именно так, что их не было в другой… колее времен, или как ты там ее обозвал. Но ведь, послушай, на самом-то деле они ненамного хуже того, что мы имели в предыдущем варианте, — всей этой гребанной давки, жуткого столпотворения и дикой нищеты. Только представь себе — я жила в кооперативе для деловых женщин в комнатушке на четверых, не приведи Господи! Ездила в битком набитой электричке, только ребра хрустели! Зубы все в дуплах, жрать нечего

— весила я тогда сто один фунт! А сегодня — сто двадцать два. Даже смешно подумать, с пятницы располнела на двадцать с лишним фунтов!

— Точно, — заметил Джордж. — В первый раз, в конторе, я едва не принял тебя за мощи. Кого-нибудь из корифеев римского права.

— Ты тоже выглядел не ого-го, краше в гроб кладут. Но все вокруг тогда были одна кожа да кости, так что в глаза не бросалось. Сейчас, несмотря на недосып, смотришься куда как солиднее.

Джордж от комментария воздержался.

— Если вникнуть да разобраться, любой выглядит теперь лучше прежнего. Сам посуди. Ты ведь не можешь совладать с тем, что делаешь, но оно приводит как будто не к самым плохим результатам. Так стоит ли так терзаться чувством

вины? Может статься, твои сны — это просто своеобразный виток эволюции, и все тут. Горячая телефонная линия Вселенной. Предохранительный клапан на случай большой катастрофы.

— Ох, боюсь, как бы не хуже, — отозвался Джордж далеким, тусклым голосом — он снова присел на краешек койки. — Ты помнишь… — Он сглотнул комок в горле. — Помнишь апрель девяносто восьмого, четыре года тому назад?

— Апрель? Нет, ничего особенного. Апрель как апрель.

— А ведь тогда и наступил конец света, — изрек Орр. Мучительная гримаса исказила его лицо, он задыхался. — Но никто ничего не заметил.

— Что ты имеешь в виду? — опасливо переспросила Хитер. «Апрель, апрель 1998-го, — лихорадочно рылась она в памяти, — что я помню о том апреле?» Ничего не приходило в голову, но Хитер знала, что должна вспомнить, во что бы то ни стало должна, она испугалась — себя? Его? За него?

— Это вовсе не эволюция. Скорее нечто вроде домашнего консервирования… Не могу… Все, все было тогда гораздо хуже. Много хуже, чем в твоих воспоминаниях. Мир был примерно таким же гадким, как ты его помнишь — семь милли-

ардов и прочее, — только куда, куда мерзостнее. Никто, кроме отдельных вовремя опомнившихся стран Европы, не заботился об экологии, не контролировал рождаемость и все такое. А когда спохватились и попытались налечь на производство продуктов питания, дело зашло уже слишком далеко, начался голод, мафия прибрала к рукам черный рынок, и все до единого, чтобы попросту не подохнуть, платили. А многие, кому цены черного рынка пришлись не по зубам, и впрямь протянули ноги. В 1984-м приняли Конституцию, примерно такую, как ты помнишь, но все стало только еще хуже — демократией уже и не пытались прикрываться, ввели чуть ли не осадное положение. Это тоже не подействовало, все распадалось прямо на глазах. Когда мне стукнуло пятнадцать, закрылись школы. Великого Мора, правда, не случилось, но вспыхивали локальные эпидемии, одна за другой — гепатит, дизентерия, даже бубонная чума. И голод, постоянное и повсеместное недоедание.

А в девяносто третьем на Ближнем Востоке разразилась война, но протекала она совсем по иному сценарию. Израиль противостоял всем арабским странам, включая Египет, а вскоре уже к участию в войне подключились и другие боль-

шие страны. Одно из африканских государств, выступавшее на стороне арабов, нанесло ядерный удар по двум городам Израиля, в ответ мы совершили акт возмездия, а потом… — Джордж помолчал и как будто не заметил бреши в своем рассказе. — Я пытался удрать из горящего города, скрыться где-нибудь в Форест-парке. Облученный радиацией, я изнемогал, еле передвигал ноги и присел перевести дух на ступеньках дома в Западных холмах. Собственно, дома уже не было, везде одни лишь руины, но цементное крыльцо уцелело, я помню даже одуванчики в его трещинах. Я сидел и не мог прийти в себя, и знал, что уже никогда не смогу. Мне казалось, что я все же собрался с силами и куда-то бреду, как в тумане, но это был именно бред, настоящий делирий. Я как будто куда-то пришел и снова увидел одуванчики, и понял тогда, что умираю. И все вокруг меня — тоже смерть. И тогда я увидел сон — этот самый сон… — Голос Джорджа охрип и пресекся, он мучительно закашлялся.

Все было в полном порядке, — продолжил он наконец. — Мне снилось, будто я дома и вокруг все в порядке. Затем я проснулся, и действительно все оказалось в полном порядке. Я лежал в собственной постели. Только это оказалась не

моя кровать, не та кровать и не тот дом, что были у меня в прежней ужасающей реальности. Господи, как бы я хотел позабыть о ней! Но не мог, был не в силах. Пытался уговорить себя, убедить, что просто увидел скверный, очень скверный сон. Что *то* был всего-навсего сон! Но то не был сон. То была реальность, жуткая, но реальность. А вот это, что стало, — это сон. Этот новый мир попросту невозможен. Вот в чем правда. Вот что случилось тогда. Все мы умерли, а перед смертью успели напоследок искалечить наш мир так, что от него ничего не осталось. Ничего, кроме сна.

Хитер поверила сказанному, не могла не поверить, но в ней тут же встрепенулась задремавшая было стервозность. Черная Вдова показала жало:

— Фигня все это! Значит, всегда так было! Что ни случись, как говорится, все катит, все к лучшему. Ты что — думаешь, мог бы вытворять, что вздумается, не будь так предначертано свыше? Да кем только ты себя возомнил? Заруби на носу — ничто и никогда не происходит без ведома Провидения. И чему быть, того не миновать. Какая, к чертям собачьим, разница, назовешь ты это сном или реальностью? Все это один фиг, и не спорь со мной!

— Не знаю, не уверен… — прошептал Орр со

смертельным надсадом. И жалость, неодолимая ее вспышка, бросила вдруг, притянула Хитер к нему; она обняла Джорджа и стала ласкать, баюкать — как мать дитя, как девушка угасающего возлюбленного.

Джордж уронил голову на ее мягкое плечико, его левая ладонь с аккуратными изящными пальцами вяло примостилась на ее коленке.

— Ты засыпаешь, — подергала его Хитер. Джордж не реагировал. Пришлось тряхнуть пожестче.

— Нет, я не спу… — выдавил Орр, пытаясь выпрямить спину. — То есть не сплю… — И поник снова.

— Джордж! — Имя помогло, он разлепил ресницы, всматриваясь в Хитер, как в окно. — Не спи! Не засыпай, потерпи еще немного! Прежде мы должны успеть с гипнозом. Тогда и сможешь выспаться. — Хитер еще надеялась согласовать с Джорджем содержание сна, обсудить детали, но он пребывал уже в дали, для нее недосягаемой. — Слушай, Джордж! Сядь ровно на койке, выпрямись и всмотрись в огонек лампы! Смотри на лампу, но не смей пока засыпать! — Хитер быстро передвинула керосиновый светильник на середину стола, в самый ворох яичной скорлупы

и прочих обломков гастрономического кораблекрушения.

— Сосредоточь взгляд на лампе и ни в коем случае не засыпай. Ты почувствуешь сейчас приятное томление и упоительную легкость, но не заснешь, пока я не скомандую «Спать!». Только по команде! Ты расслабляешься, тебе начинает становиться легко и приятно… — Ощущая некую театральную условность. Хитер разворачивала свой гипнотический спектакль. И результат сказался немедленно. Не доверяя собственным глазам, она решила в том убедиться. — Ты не в силах поднять левую руку, ты пытаешься, напрягаешься что есть мочи, но рука точно налилась свинцом… А теперь снова вдруг полегчала, и ты с ней совладал… Отлично! Через минуту ты заснешь и будешь видеть сны, обычные сны, какие видят все, ничем особым не выделяющиеся, не… не эффективные — все, кроме одного. Один сон окажется эффективным. И в нем…

Хитер осеклась. Сердце пронизал жгучий холод, на лбу выступила испарина, к горлу подкатил липкий желчный комок. Что она творит такое? Это уже не игра, не спектакль, не детские проказы. Джордж в ее власти теперь, а его мощь не поддается даже примерной оценке. Что за

неимоверный груз ответственности решила она взвалить на хрупкие свои плечи?

Тот, кто уверовал в предопределенность бытия, как она, и ни на йоту не сомневается, что существует нечто целое, часть которого он сам и любой другой, а каждая отдельная частица, в свою очередь, тоже целое — тот не станет, никогда не посмеет играть в подобные игры, не осмелится изображать из себя всемогущего Творца. Лишь отрицающий достоверность собственного бытия рискнет пойти на такое…

Но события неумолимо влекли ее за собой. Захваченная выпавшей на ее долю судьбоносной ролью, Хитер уже не могла пойти на попятный.

— В этом единственном сне ты увидишь доктора Хабера… Он будет теперь действительно благородным, больше не станет пытаться причинить тебе вред и ничего от тебя не будет скрывать. — Хитер терялась в догадках, что бы еще сказать и *как* говорить, зная, что любое неосторожное слово может отозваться неисчислимыми бедствиями. — И пусть тебе еще приснится Луна, вновь свободная от пришельцев, — добавила она скороговоркой, уж такой-то груз ей наверняка по плечу. — Утром ты проснешься вполне отдохнувшим, свеженьким, и все будет в полном ажуре. А

теперь — спать!

Ох, дьявол, она же позабыла сперва велеть Джорджу улечься!

Орр мгновенно обмяк, плечи подались вперед, затем поплыли в сторону, и он бесчувственной теплой грудой мягко осел на пол.

Джордж весил не более ста пятидесяти фунтов, но показался Хитер не легче рухнувшего слона. Забросив на койку сперва одну ногу уснувшего, она взгромоздила затем неимоверным усилием его плечи, едва не опрокинув при этом шаткое ложе. После попыталась выдернуть из-под него спальный мешок. Койка вновь едва устояла. Отчаявшись, Хитер прикрыла бесчувственное тело лишь краешком спальника и оставила Орра так, безмятежно спящим. Пот струился по лицу, она задыхалась от непривычных усилий, а Джордж спал себе как сурок.

Сев за стол и переведя дух. Хитер задумалась, чем же ей занять себя дальше. Для начала, решив прибраться, нагрела на плите воды и вымыла посуду. Затем, подбросив в печку дров, порылась на полке с книгами и брошюрками — чтивом, которым Джордж, видимо, предусмотрительно запасся, чтобы веселее коротать свою беспримерную вахту. Черт, никаких детективов — бойкий

кровопролитный «дефективчик» сейчас пришелся бы как нельзя более кстати. Под руку подвернулся роман о России, еще одно из последствий Пакта о защите космических рубежей, американские власти более не делали вид, что в промежутке между Иерусалимом и Филиппинами ничего не существует — как прежде, когда усматривали в этом регионе лишь угрозу американскому образу жизни. В последние несколько лет на каждом углу вы могли приобрести себе японский бумажный зонтик, набор индийских благовоний или русский роман. Как вещал с экранов этот краснобай Мердли, всемирное братство людей реально становилось новым образом жизни.

Потрепанный томик, принадлежавший перу автора с совершенно непроизносимой фамилией — что-то там на «евски» — повествовал о жизни в маленьком закавказском городке в самые страшные моровые годы. Весьма грустная история, но почему-то она взяла Хитер за живое, захватила полностью — начав читать ровно в десять. Хитер не отвлекалась до полтретьего. Все это время Джордж дышал легко и размеренно. Отрываясь изредка от перипетий жизни и смерти в кавказской деревушке. Хитер ясно видела его

лицо, в дымчатом свете керосиновой лампады как бы удрученное некоей виной. Если и видел он сейчас какие-то сны, то лишь спокойные и мимолетные. Когда все в горном селении, кроме лишь одного деревенского юродивого (чье равнодушие перед лицом неизбежного живо напомнило ей Орра), отошли в мир иной, Хитер потянулась к кастрюльке с остатками остывшего кофе, но тот оказался горьким, как ложь. Тогда она поднялась и постояла немного на пороге хижины, вслушиваясь в лесное безмолвие. Пенный ручей возбужденно выкрикивал свой вечный урок славословия. Казалось неправдоподобным, что этот неумолчный гам раздавался здесь за века до ее рождения и будет звучать после ее смерти, что ручей продолжит свой гомон, пока не рухнут сами горы. Странно, но в этот поздний час в многоголосом контрапункте ручья на фоне гробового молчания леса Хитер почудились новые необычные ноты — будто где-то далеко вверх по течению нестройные рулады выводил хоровод резвящихся детишек.

Хитер пробрала мелкая дрожь; наглухо отрезав себя дверью от призрачных голосов нерожденных еще детей, она вернулась в тепло и покой, к своему спящему подопечному. Подобрав книгу

с крышки ящика с плотницким инструментом, купленного Орром, видимо, тоже чтобы не сидеть сложа руки, она попыталась вернуться к кавказской жизни. Но сразу же стала клевать носом. Черт возьми, почему бы и самой не поспать? У нее-то что за вахта? Вот только где?

Надо было устроить Орра дрыхнуть на полу — он ничего бы и не заметил. Несправедливо выходит, однако, — у него и спальный мешок, и раскладушка.

Поколебавшись, Хитер рывком выдернула из-под Джорджа спальник и прислушалась — он не издал ни звука. Накрыв его взамен сразу двумя дождевиками, она юркнула в мешок. Боже, до чего твердый и холодный здесь пол! Гасить лампу она не стала. Забыла. «Почему ты не прикрутила фитиль? Ты постоянно забываешь это сделать!» — всплыли воспоминания из коммунального детства. Она всегда побаивалась темноты. О дьявол, как же все-таки холодно здесь на полу, бр-р-р!

Зябко… стыло… жестко… свет. Яркий свет. Невыносимо яркий. Уже рассвет, так скоро? Солнце сквозь кроны? Зайчики над кроватью… Глухо содрогнулась земля. Глухим ропотом отозвались спящие холмы и, заворчав, увидали во сне осуществление извечной своей мечты о купании

в океане, а высоко над холмами, душераздирающе-тонкий все висел, висел, висел стон… вой далеких сирен.

Хитер села. Волчий этот вой предвещал скорый и неизбежный конец света.

Восходящее солнце, брызнув сквозь единственное окно, скрыло все, что не попало под его ослепляющий взгляд. Отчаянно жмурясь, Хитер разглядела, что сновидец, уткнувшись носом в подушку, продолжает себе посапывать как ни в чем не бывало.

— Джордж, просыпайся! О, Джордж, проснись, ну, пожалуйста, Джордж! Стряслось что-то страшное!

Он проснулся. И проснулся с улыбкой.

— Джордж, что-то *не так*! Слышишь сирены? Что это, Джордж?

Еще не отряхнув до конца пелену сна, безучастно:

— Они приземлились.

Он все сделал, как хотела Хитер. Именно так. Ведь велела же она ему очистить во сне от пришельцев Луну, все так и вышло.

8

Ни Небу, ни Земле милосердие неведомо...

«Лао-цзы», V

Единственной частью американской территории, пострадавшей от прямых атак во второй мировой войне, оказался штат Орегон. Японские аэростаты сожгли тогда здесь львиную долю прибрежных лесов. И все тот же злополучный Орегон подвергся вторжению в ходе Первой межзвездной. Возможно, кто-то возложит вину за это на его политиков — ведь историческая миссия здешнего сенатора испокон веку заключалась в доведении остальных членов Верхней палаты до истерики упорными отказами приправить пышную орегонскую сдобу пряным военным маслицем. Никто здесь сроду не видывал никаких ангаров, кроме сенных амбаров, не проваливался ни в какие ракетные шахты, не натыкался, отправляясь по грибы, на базу НАСА. В результате штат и оказался удручающе уязвимым перед внезапным вторжением. И баллистические ракеты первой волны «космического зонта», назначен-

ные защитить жителей Орегона от пришельцев, прилетели из колоссальных подземных бункеров Валла-Валла, штат Вашингтон, и Раунд-Велли, Калифорния. С аэродромов в штате Айдахо, значительная часть территории которого с некоторых пор принадлежала воздушным силам США, снялись и, терзая барабанные перепонки оглушительным воем и грохотом всем от Бойса до Сан-Велли, направились на запад гигантские сверхзвуковики-невидимки ХХТТ-9900 — засекать возможные прорывы инопланетян сквозь непроницаемые сети противоракетного «космического зонта» и противостоять им.

Ракеты первой волны, отраженные защитными полями кораблей пришельцев, закувыркались в стратосфере с выведенными из строя навигационными системами и посыпались затем на злосчастный Орегон, повсюду сея разрушение и смерть. Настоящий огненный шторм обрушился на сухие восточные склоны Каскадного хребта. Шальные удары в мгновение ока стерли с лица земли Голд-Бич и Даллес. Портленд, к счастью, избежал прямых попаданий, но одна из боеголовок, разорвавшись на склоне Маунт-Худа возле старого кратера, пробудила дремлющего исполина. Он сразу же ответил гигантским столбом

пара и глухими подземными толчками, а к полудню первого апреля — первого дня Вторжения — устроил невеселый розыгрыш: страшным выбросом камней и неистово жаркой поллюцией вулкан отверз для себя новую форточку на северо-западном склоне. Первыми жертвами на пути пылающего потока лавы оказались коммуны «Зигзаг» и «Рододендрон». Вулкан быстро сформировал, новый шлаковый конус, а гигантский пепельный шлейф, без труда преодолев сорокамильное расстояние, удушливой волной накрыл Портленд. Ближе к вечеру ветер, переменив направление, чуть облегчил положение жителей города, приоткрыв их взгляду зловещие зарницы в облаках к востоку от Портленда.

Невидимые самолеты слежения в тщетных попытках обнаружить противника по-прежнему с ужасающим ревом бороздили небеса, полные дождя и пепла. На подходе уже были армады бомбардировщиков и истребителей восточных штатов и ближайших союзных государств; в неразберихе, вызванной паникой, они, сближаясь, то и дело лупили друг по другу. Земля содрогалась от близких бомбовых ударов и дальней канонады. Одно из летающих блюдец приземлилось всего в восьми милях от границ

города, в итоге юго-западная окраина оказалась стерта в порошок — реактивная авиация получила приказ накрыть ковром сплошного бомбометания круг радиусом в одиннадцать миль от точки посадки. Собственно, в ходе операции вдруг выяснилось, что корабля пришельцев в установленном месте уже и нет, но маховик уничтожения успел набрать обороты, да и сверху требовали немедленных победных реляций. Как всегда при ковровом бомбометании, пострадали многие другие районы, и не только от ударных волн, не пощадивших ни единого стекла во всем городе. Уцелевшие от прямых попаданий улицы сплошь устилал слой стеклянного крошева толщиной до двух дюймов. Беженцы с юго-западных окраин брели чуть ли не по щиколотку в этом стеклянном снегу, женщины, волоча визжащих детишек и рыдая взахлеб сами, оставляли за собой бесконечный кровавый след.

Уильям Хабер стоял возле огромного окна своих директорских апартаментов в Орегонском онейрологическом, разглядывая фейерверк в доках внизу и кровавые сполохи в облаках над Маунт-Худом. Стекло в его окне уцелело — ничего пока еще не падало и не разрывалось поблизости от Вашингтон-парка,

— а чудовищные спазмы земной коры, на глазах доктора обрушивающие в реку целиком массивные береговые постройки, отзывались здесь, в холмах, лишь громким дребезжанием стекол в металлических рамах. Приглушенный двойными рамами, доносился трубный глас перепуганных слонов из соседнего зоопарка. Непонятные фиолетовые молнии пронизывали порой горизонт на севере, где сливались воды Вильяметты и Колумбии — сквозь витающий в вечереющем небе пепел точнее не определить. Целые городские кварталы, обесточенные, зияли черными провалами в ранних сумерках, остальные слабо мерцали огнями, хотя включить сегодня вовремя уличное освещение было, пожалуй, некому.

Кроме директора, во всем здании института не оставалось ни души.

Весь этот тревожный и суматошный день Хабер посвятил попыткам разыскать своего строптивого подопечного, Джорджа Орра. Когда истерия и распад в городе перешагнули критическую черту, он вернулся в институт несолоно хлебавши. Большую часть пути назад Хаберу пришлось проделать пешком, и он нашел этот новый для себя опыт весьма утомительным. Человек в его по-

ложении, занятой, как он, даже самой приятной прогулке предпочтет, разумеется, электромобиль, но выбора не оставалось — напрочь сели аккумуляторы, а добраться сквозь обезумевшие толпы до станции перезарядки представлялось затеей нереальной. Пришлось бросить машину и идти против людского течения, навстречу гулу и канонаде. Обезмысленные встречные лица усугубляли утомление. Хабер вообще не выносил людных мест, давки и всего прочего, что диктуют стадные инстинкты. Но вскоре встречный поток иссяк, и Хабер вдруг оказался один в своем стремлении миновать лужайки, аллейки и дубравы Вашингтон-парка, остался в полном и абсолютном одиночестве — и вдруг понял, что это даже хуже, чем толкаться посреди обезумевших толп.

Всю жизнь Хабер воображал себя эдаким матерым волком-одиночкой, избегал брачных уз и даже просто устойчивых связей, вообще опасался слишком сближаться с людьми. Его добровольное послушничество — проводить в интенсивной работе те часы, которые обычно посвящаются развлечениям или сну, — отлично помогало избегать примитивных матримониальных силков. Свою сексуальную жизнь доктор свел к нечастым и кратким связям с особами фривольного

образа жизни, порой даже с юношами; Хабер прекрасно знал, где именно можно их повстречать, в каких барах, кинотеатрах и саунах они завсегдатаи. Хабер получал что хотел и исчезал с чистой совестью и легким сердцем прежде, чем могли бы завязаться какие-либо более серьезные отношения. Он чрезвычайно дорожил своей независимостью, свободой воли.

И вот сейчас, торопливо шагая по безлюдному и безразличному парку, чуть ли не переходя на мелкую рысь, Хабер вдруг поймал себя на жутком страхе одиночества. Он шел в институт — а куда еще ему деваться? Добравшись наконец, он нашел свое детище всеми покинутым, заброшенным.

Мисс Крауч держала у себя в столе портативный приемник, и сейчас Хабер включил его на ползвука, чтобы следить за последними сообщениями, да и попросту слышать живые человеческие голоса.

Здесь, в институте, имелось все, что только могло понадобиться: кровати (в количестве спи-не хочу) и пища (автоматы с сандвичами и колой для ночных смен). Но, хотя доктор давно ничего не ел, голода он не чувствовал. На него вдруг накатила неодолимая апатия. Он слышал по радио

голоса, но его самого услышать не мог никто. Хабер был один, и все ему казалось нереальным в этом беспредельном, невозможном одиночестве. Он нуждался в ком-нибудь, в ком угодно — хотя бы словечком перемолвиться, ощущал потребность высказать свои чувства любому встречному-поперечному, лишь бы убедиться, что у него сохранились еще эти самые чувства. Ужас одиночества едва не погнал доктора обратно к паническим толпам, но апатия возобладала, взяла над страхами верх. Он остался у окна недвижим, и пала ночь.

Багровый бутон над Маунт-Худом то распускался, то опадал, роняя свои смертоносные лепестки. Что-то огромное, некое великанское било садануло оземь вне поля зрения, где-то в юго-западных кварталах, и вскоре небеса озарились мертвенно-сиреневым сиянием, исходившим вроде как раз оттуда. Прихватив транзистор, доктор вышел в коридор поискать другое окно — на лестнице, ведущей из холла, оказались люди, двое, он их не слышал; бесконечно долгое мгновение доктор только изумленно на них таращился.

— Доктор Хабер? — раздался оклик.

Джордж Орр, тотчас же узнал он.

— Как вы вовремя! — с горькой ехидцей ото-

звался Хабер. — Где только вас черти носили весь день? Идемте же скорее!

Прихрамывая, Орр вскарабкался по ступенькам, левая щека у него набрякла и кровоточила, меж распухших разбитых губ зиял провал на месте переднего резца. Цепляющаяся за Орра женщина выглядела менее пострадавшей, но совершенно изнеможенной — глаза остекленело блестели, ноги не держали. Не без труда Орр дотащил ее до кушетки в кабинете.

— У нее что, контузия? — справился Хабер отрывистым профессиональным тоном.

— Нет. Просто денек выдался чересчур долгим.

— Со мной порядок, — слабо шевельнувшись, хрипло выдавила женщина.

Орр поспешил поухаживать за ней: стащив с ног донельзя изгаженные туфли, заботливо прикрыл подружку куцым верблюжьим одеялом, снятым с изножья кушетки. Хабер успел еще подивиться, кем бы эта чумазая могла доводиться Орру, но тут же переключил свое внимание на иное. В нем снова проснулся профессионал.

— Оставим ее здесь, пусть отдыхает, ничего ей не сделается. Займемся лучше вами, вам срочно надо умыться. Я весь день потерял на ваши поиски, где вы болтались?

— Пытался вернуться в город. Нас угораздило заехать в самую гущу бомбежки, прямо перед нашим капотом напрочь разворотило дорогу. Но Хитер затормозила вовремя. Вроде бы так. И автомобиль практически не пострадал. Однако пришлось тащиться в объезд, по Сансет-хайвей — Девяносто девятое уже разбомбили. Затем застряли в глухой пробке возле птичьего заповедника. Машину пришлось бросить. И хромать через весь парк пешком.

— Но на кой же ляд вас вообще понесло из города? И куда? — Хабер уже наполнил горячей водой свою личную ванну и протягивал Орру влажное полотенце отереть кровь.

— На дачу ездил. Возле Береговой гряды.

— А с ногой что?

— Зашиб в машине, кажется. Скажите, доктор, а они еще здесь, в городе?

— Если военные и знают что-то, то не спешат сообщать. Все, что я слыхал, — сплошной повтор утренних известий о приземлении, о том, что, снижаясь, большие корабли разделялись, вместо каждого возникал рой, состоящий из мелких единиц вроде наших вертолетов, затем рои рассеялись. Большей частью над западными территориями. Еще передавали, что движутся

эти штуковины как будто не слишком быстро, но об успехах в воздушных боях, если они и имели место, народ известить позабыли.

— Одну мы, похоже, видели. — Лицо Орра в фиолетовых кровоподтеках вынырнуло из-под полотенца, уже без корки спекшейся крови и грязи. — Небольшой серебристый объект, футах в тридцати над лужайкой, неподалеку от Северной пустоши. Передвигался как бы толчками. Совершенно не по-земному. А пришельцы и вправду атаковали наших? Сбивали самолеты?

— Радио не сообщает. Говорили лишь о потерях среди гражданского населения. Пойдемте, надо немедленно влить в вас чашку-другую кофе и чем-нибудь подкрепить. А затем, с Божьей помощью, проведем наш лечебный сеанс прямо посреди ада кромешного и расхлебаем всю эту дерьмовую кашу, что заварилась не без вашего, кстати, участия. — Набрав в шприц пентотала натрия, Хабер без всяких предуведомлений и реверансов всадил иглу Орру в вену.

— За этим я… ой!.. за этим и приехал. Но уже и не знаю…

— Не знаете, получится ли? Получится, не сомневайтесь. Следуйте за мной! — Орр на ходу поправил на женщине одеяло. — Не трогайте ее,

выспится и вполне оклемается. Пошли!

Хабер привел Орра к пищевым автоматам, выдоил из них несколько сандвичей с ростбифом и томатами, яйцо, несколько яблок, четыре плитки шоколада и пару чашек кофе — одну для себя. Они устроились за столом в лаборатории сновидений номер один, опустевшей после панической, под заполошный вой сирен, утренней эвакуации пациентов.

— Порядок. Ешьте на здоровье! Теперь, если вы возомнили, что расхлебывать заварившуюся кашу ваша святая обязанность, напрочь выбросьте эту чушь из головы сию же секунду. Моему детищу, Аугментору, сегодня предстоит потрудиться за вас. Я уже выделил искомый ритм, создал своего рода лекало ваших эффективных снов. В чем я действительно заблуждался, долгие месяцы пытаясь докопаться до сути, — так это в омега-пульсациях. Они оказались на порядок сложнее, чем представлялось. Их рисунок складывается из комбинации других, более тонких гармоник, и окончательно выделить их я сумел только позавчера, однако все же прежде, чем вокруг завертелась вся эта безумная карусель. Я вычислил главную пружину феномена. Это цикл в девяносто семь секунд. Вам это, разумеется,

ни о чем не говорит, хотя именно ваш чертов мозг его и вырабатывает. Примите на веру — когда вы видите эффективный сон, весь ваш мозг втягивается в сложнейшим образом синхронизированные пульсации с периодом в девяносто семь секунд, в эдакий своего рода контрапункт всех отделов и подотделов мозга. Такой эффект соотносится с рисунком обычной сон-фазы, как фуга Бетховена с песенкой «У Мэри жил барашек, бе-е-е»! Это невероятно сложный контрапункт, но абсолютно устойчивый и воспроизводимый. И сегодня я погружу вас прямо в него, а с помощью Аугментора еще и усилю эффект.

Аппарат давно настроен, ждет вас, сегодня он, пожалуй, впервые по-настоящему пригнан к вашей голове. Сегодня вам предстоит увидеть великий сон, дитя мое! Достаточно важный, чтобы остановить все это окружающее безумие и перенести нас в иной континуум, где мы сможем начать все сызнова. Вот что делаете вы на самом деле, черт вас возьми! Вы не размениваетесь на какие-то там мелочи, вроде исправления порядка вещей, вы сдвигаете континуумы целиком, жонглируете вселенными!

— Хотелось бы как-нибудь выкроить время, чтобы побеседовать с вами обо всем этом по-

дробнее, — сказал Орр это или нечто вроде этого — его рот, невзирая на расквашенные губы и сломанный зуб, был набит хлебом с говядиной, а он пытался запихнуть следом еще и шоколадку. Похоже, в его словах могла таиться ирония, но Хабер был слишком занят теперь, чтобы беспокоиться по поводу подобных пустяков.

— Послушайте, Джордж, как сами вы полагаете — нашествие случилось само собой или все же в результате того, что вы не явились на очередной сеанс?

— Оно мне приснилось.

— Вы позволили себе увидеть неконтролируемый сон? — В голосе Хабера звенел неприкрытый гнев. Он был слишком мягок прежде с этим мозгляком. Чертов неслух стал виновником гибели великого множества ничего не подозревающих людей, причиной разрушения чуть не целого города! И должен понимать это.

— Не совсем так… — Орр только начал отвечать, как за окном ахнуло, и на сей раз по-настоящему. Здание подпрыгнуло, все в нем задребезжало, затрещало, стойки с электронной начинкой отвесили низкий поклон длинному ряду пустых коек, кофе брызнул из чашек. — Это что, вулкан или снова бомбят? — спокойно поинтересовался Орр.

Невольно присев от страха, Хабер заметил, что на Орра жуткий удар должного впечатления не произвел. Его реакции показались доктору явно аномальными. Еще в пятницу этот заморыш убивался по ничтожному моральному поводу, буквально расклеился от чувства вины, а сегодня, в среду, среди настоящего армагеддона сохраняет полнейшее хладнокровие, точно напрочь лишенный инстинкта самосохранения. У здорового человека такого просто быть не может! Если уж трясется он, Хабер, должен трястись и Орр. Сопляк просто искусно маскирует свой страх. Или же он возомнил, неожиданно мелькнула мысль, что раз уж вторжение привиделось ему во сне, то и фактически оно лишь сон, игра воображения?

А вдруг это *действительно* так?

Тогда чей же это сон?

— Лучше бы нам побыстрее вернуться назад, в мой кабинет, — бросил Хабер, нетерпеливо поднимаясь из-за стола. Затянувшийся страх излился вспышкой раздражения. — Что еще за шлюшку вы приволокли с собой?

— Это мисс Лелаш, — ответил Орр рассеянно. — Адвокат. Вы не узнали? Она была здесь в пятницу.

— Как вас угораздило оказаться с ней вместе?

— Она так же, как и вы, разыскивала меня и сама приехала в заповедник.

— Ладно, сейчас не до того, разберемся позже, — резко бросил Хабер. Следовало спешить, пока еще оставался шанс выбраться из этого дерьмового агонизирующего континуума.

Едва они успели открыть дверь в кабинет, как огромное оконное двойное стекло лопнуло с оглушительным пением и ужасающим чмоканьем; обоих от порога швырнуло вперед, точно к жерлу гигантского пылесоса. Все вокруг обернулось белым — все. Оба врезались в стену.

И мир постигла немота.

Когда Хабер снова оказался в состоянии что-либо видеть, он, цепляясь за стол, поднялся на ватные ноги. Орр уже успел склониться над кушеткой, успокаивая ошеломленную женщину. В комнате резко похолодало, промозглый весенний воздух мигом принес в разбитые окна запахи горящего леса, паленой изоляции, озона, серы и смерти.

— Не следует ли нам перебраться куда-нибудь в подвал, как вы считаете?

— вдруг объявила дрожащая мисс Лелаш неожиданно рассудительным тоном.

— Перебирайтесь, — буркнул Хабер. — Никто

вас не держит. А мы еще немного задержимся.

— Здесь?!

— Здесь Аугментор! Его ведь не засунешь под мышку, как портативный телик. Спускайтесь в подвал, мы присоединимся к вам, как только сможем.

— Вы хотите провести сеанс прямо *сейчас*? — изумилась женщина, и как бы в ответ ей кроны у самого подножия холма вздулись огромным янтарным чирьем и затянулись густой пеленой. Представлению, которое устраивал для людей вулкан, явно мешали более близкие аттракционы, и обиженный исполин дал знать о своем недовольстве легким потряхиванием окрестностей.

— Вы чертовски правы! Именно сейчас! Уходите же, живо! Убирайтесь в свой чертов подвал, мне нужна кушетка! Ложитесь, Джордж… Послушайте, вы, как вас там, внизу возле дворницкой есть дверь с надписью «Аварийный генератор». Войдете туда, отыщете рубильник! Держите руку на нем, и как только погаснет свет — врубайте! И жмите крепко, он тугой. Вперед!

Хитер ушла. Все еще дрожа, она вместе с тем чему-то странно улыбалась, а проходя мимо Орра, коснулась его руки:

— Приятных сновидений, Джордж!

— Не тревожься, — улыбнулся в ответ Джордж. — Все будет в полном порядке.

— Заткнитесь, вы, оба! — рявкнул Хабер. Он уже включил гипнозапись, но за грохотом разрывов и ревом лесного пожарища сам не услышал ни слова. — Закрыть глаза! — скомандовал доктор и, прижав ручищу к кадыку пациента, повернул регулятор звука на максимум. — РАССЛАБЛЯЕТЕСЬ, — произнес его собственный, чудовищно усиленный голос. — ЧУВСТВУЕТЕ ПРИЯТНОЕ ТЕПЛО И ТОМЛЕНИЕ… ЛЕГКОСТЬ… ПОГРУЖАЕТЕСЬ… — Здание подпрыгнуло, точно резвящийся барашек, и удивленно осело на место. Из грязновато-алого слепящего блеска за оконным проемом вынырнуло нечто — огромный обтекаемый объект, передвигающийся замысловатыми рывками. И, похоже, курсом прямо на них. — Вот дерьмо, придется смываться! — перекричал Хабер свой собственный усиленный голос и обнаружил, что Орр уже в трансе. Рванув шнур магнитофона, доктор склонился над ухом пациента. — Останови вторжение! — заорал он. — Мир, мир, пусть приснится, что мы со *всеми* в мире! А сейчас

— спать! Антверпен!

Времени, чтобы следить за экраном энцефалографа, уже не оставалось. Гигантское серебристое яйцо зависло прямо за окном, и его тупое рыло, подкрашенное заревом догорающего города, в упор уставилось на Хабера. Чувствуя ужасающую слабость и полную беззащитность, Хабер скорчился подле кушетки, инстинктивно пытаясь рукой, хрупкой человечьей плотью, прикрыть самое дорогое — любимый Аугментор. Оглянулся через плечо — ОНО приближалось. Маслянисто поблескивающее жуткое рыло сунулось в окно, раздался жуткий хруст и скрежет раздавленной металлической рамы, брызнула бетонная крошка; Хабер обреченно всхрапнул, но гибельный свой пост между пришельцами и Аугментором так и не оставил.

Замерев в размозженном окне, рыло выпустило тонкое щупальце, закачавшееся в воздухе как бы в поисках жертвы. Кончик щупальца, вздыбившись коброй, потыкался в разные стороны и потянулся к Хаберу. Футах в десяти замер, как бы принюхиваясь, и вдруг втянулся назад со свистом плотницкой рулетки. Инопланетный корабль оглушительно загудел и, кроша остатки проема и ошметки рамы, ввернулся вовнутрь. Плавно коснулся рылом пола. Из разверзшейся сбоку

дыры возникло НЕЧТО.

Гигантская черепаха, отметил Хабер остатками оцепеневшего рассудка. Но затем сообразил, что облик стоящей на задних лапах гигантской морской черепахи существу придает костюм — бронированный скафандр темно-зеленого цвета.

ОНО застыло возле письменного стола. Затем медленно, очень плавно воздело левую верхнюю конечность, направляя на доктора металлическое дуло.

В глаза Хаберу заглянула костлявая.

Плоский безжизненный голос донесся вдруг откуда-то из-под локтя существа, из-под сгиба той же левой конечности:

— Да не желать сотворить другим того чего не желать сотворить тебе самому.

У Хабера екнуло сердце.

Тяжелая металлическая десница зашевелилась снова.

— Мы прибыть к вам самые мирные исключительно намерения, — поведал локоть на той же единственной механической ноте. — Пожалуйста известить остальные мы не замыслить ничего дурное. Мы не есть вооружены. Необоснованный страх вызвать среди вас великое саморазрушение и самоистребление. Пожалуйста остановить

уничтожение себя и остальное. Мы не есть вооружены. Мы представлять дружественная мирная раса.

— Я не… Я не м-м-могу отдавать п-п-приказы воздушным силам… — От волнения Хабер начал заикаться.

— Индивидуальные лица в летающие суда постоянно вести переговоры, — откликнулся локтевой сгиб существа. — Есть это военные приготовления.

Порядок слов подсказал Хаберу, что к нему, возможно, обратились с вопросом.

— Нет, — ответил он, — что вы, ничего подобного…

— Пожалуйста тогда простить непреднамеренное вторжение. — Огромный бронированный силуэт мягко шевельнулся, как бы в сомнении. — Что есть это устройство? — поинтересовалось существо, указывая сгибом правого локтя на провода, ведущие от спящего Орра к приборам.

— Простой электроэнцефалограф, такой аппарат, записывает на пленку электрическую активность мозга…

— Достойный, — заметил пришелец, делая шаг к спящему и как бы приглядываясь. — Эта индивидуальная личность есть йах'хлу. Аппарат

записать это возможно. Может все личности ваша раса есть йах'хлу?

— Не понимаю… мне не знаком термин, не могли бы вы объяснить?..

Скафандр зажужжал, левый локоть поднялся к голове (она в точности как у черепахи едва выступала над покатыми плечами огромного панциря), и механический голос произнес:

— Пожалуйста опять простить. Непонятливость машина-коммуникатор есть причина весьма опрометчиво настроен. Очень пожалуйста простить. Необходимость продолжать обратиться крайне быстро к иные ответственные индивидуальные личности вовлекать в паника и разрушать себя и другое. Вас очень спасибо. — И существо снова скрылось на борту корабля.

Хабер проводил взглядом исчезающие последними в темном провале люка нижние конечности пришельца.

Нос корабля снова приподнялся и провернулся вдоль оси, в точности повторяя все прежние манипуляции, только в обратной последовательности — у Хабера возникло отчетливое ощущение, что он смотрит фрагмент кинофильма, запущенный от конца к началу. Вновь встряхнув здание и с пронзительным скрежетом увлекая за собой

останки фрамуги, инопланетный корабль ретировался и мгновенно растворился в мертвенном заоконном мраке.

Только теперь доктор осознал, что крещендо разрывов в городе неожиданно кончилось, заглохло. Над миром нависла мертвая тишина, если не считать легких содроганий почвы от остывающего гнева Маунт-Худа да очень далекого подвывания сирен.

Джордж Орр недвижно лежал на кушетке и прерывисто дышал, со спокойствием на его бледном лице чудовищно контрастировали кровоподтеки. Вместе с холодом ветер по-прежнему задувал в окно удушающие пепел и копоть. Ничего не изменилось. Орр ничего не сделал. Может быть, все еще впереди? Но глаза под веками подрагивали, он определенно видел сон — иначе и быть не могло в сочетании с Аугментором, подпитывающим сейчас пациента сигналами его собственного мозга. Почему же Орр не поменял континуум, почему не перенес их в безопасный мир, как велел Хабер? Похоже, гипнотическое внушение оказалось недостаточно чистым или устойчивым. Придется все повторить. Выключив Аугментор, Хабер трижды назвал имя Орра.

— Не поднимайся, не шевелись, все провода

еще на тебе. О чем был сон?

Орр заговорил сипло и медленно, постепенно приходя в себя:

— Э-э… Пришелец. Здесь был пришелец. Прямо здесь, в кабинете. Он появился из носовой части одного из этих прыгающих кораблей. В окне. И вы с ним общались.

— Но это вовсе не сон! Так оно и было! Черт возьми, придется начинать все заново. Всего несколько минут назад где-то неподалеку грохнул атомный взрыв, надо срочно сменить континуум, иначе все мы подохнем от радиации, а может, и уже…

— Ох, только, ради Бога, не сейчас! — простонал Орр и, усевшись, принялся сдирать с себя электроды, точно насосавшихся пиявок. — Разумеется, так оно и было, доктор, ведь эффективный сон это и есть реальность.

У Хабера отвисла челюсть.

— Похоже, ваш Аугментор действительно ускоряет наступление нужной фазы,

— объявил Орр с прежним хладнокровием и на мгновение задумался. — Послушайте, док, связаться с Вашингтоном отсюда можно?

— Зачем?

— Ну, полагаю, они хотя бы выслушают знаме-

нитого ученого, которого угораздило оказаться в самом эпицентре событий. Думаю, в Вашингтоне все сейчас с ума посходили в поисках объяснений случившемуся. Есть ли в Кабинете кто-то, кого вы хорошо знаете, кому могли бы позвонить запросто? Скажем, министр ЗОБ-контроля? Вы могли бы растолковать ему, что случившееся — чистейшей воды недоразумение, что визит инопланетян носит исключительно мирный характер и что они никого не собираются атаковать. Просто, пока не приземлились, и не подозревали, что люди целиком полагаются на *вербальные* способы обмена информацией. И уж никак не ожидали, что человечество полагает, будто находится в состоянии войны с ними… Вам бы потолковать с кем-то, у кого выход на президента. Чем раньше Вашингтон отзовет армию, тем больше народу здесь уцелеет. Практически все жертвы до сих пор из мирного населения, гражданские. Пришельцы не причиняли никому никакого вреда, не сбивали самолетов, не бомбили, они безоружны и, сдается к тому же, в своей броне просто неуязвимы для земного оружия. Но если не остановить воздушные силы, от города вскоре камня на камне не останется. Попытайтесь, доктор Хабер! Вас в Белом доме должны выслушать!

Хабер чувствовал, что Орр говорит дело. Правота его не имела под собой никаких оснований, строилась на шаткой логике безумия, но это действительно был их последний и единственный шанс. Орр не говорил, а буквально вещал — с той неоспоримой убежденностью, каковая могла зародиться лишь во сне, где нет места свободе выбора: сделай, велит тебе сон, и ты слушаешься, и веришь, что так и следует поступать.

Но почему, почему такой дар достался ничтожеству, безумцу, жалкому подобию человека? Почему этот Орр так уверен в себе и ведь прав же, а он, умный, сильный, энергичный и пробивной мужик, бессилен и вынужден подчиняться тупому орудию? Досада подобного рода возникала у Хабера далеко не впервые, но на сей раз, не успев вкусить ее горечь сполна, он уже садился за телефон. Набрав код прямой связи с офисом ЗОБ-контроля в Вашингтоне, Хабер принялся ждать, пока сигнал, пройдя через федеральный коммутатор в Юте, дальше уже напрямую соединит с министром здравоохранения, образования и благосостояния, с которым доктор издавна был накоротке.

— А почему вы, Джордж, просто не переместили нас в иной континуум, где всего этого дерьма

и в помине бы не было? Ведь это куда легче. И все остались бы целы и невредимы. Почему вы просто не *устранили* пришельцев?

— Я ведь не выбираю, — ответил Орр. — Вы еще не поняли этого? Я следую.

— Разумеется, вы следуете моему заданию, это понятно, но никогда полностью, без затей, никогда — прямо и просто…

— Я имею в виду совсем другое, — начал было Орр, но на линии уже прорезался голос личного секретаря, и, пока Хабер беседовал, Орр выскользнул из кабинета — без сомнения, за своей кралей. Ну и черт с ними обоими!

В ходе беседы сперва с секретарем, затем с самим Рентовом к Хаберу стала возвращаться привычная былая уверенность, чувство, что все идет на лад, что космические чужаки действительно прирожденные пацифисты и что он вполне способен убедить в том Рентова, а через него и президента вместе со всем Генеральным штабом. И Орр тут действительно ни к чему. Хабер уже *видел*, что следует сделать, он вполне мог вытащить свою страну из дерьма и сам, без помощи слизняков.

9

Кому снятся пиры, те проснутся в стенаниях.

«Чжуан-цзы», II

Шла третья неделя апреля. Еще на прошлой Джордж договорился с Хитер о свидании в нынешний четверг, в перерыве на ленч и снова у Дейва, но, уже покидая на перерыв свой офис, понял, что снова ничего путного из этого не получится.

В памяти Орра царила такая неразбериха, такая мешанина из множества клубков различных его жизней, что припомнить что-либо отчетливо и вовремя представлялось уже совсем невероятным. И, махнув на все рукой, Орр зажил единственно текущим мигом. Словно дитя малое, обретающееся в мире сиюминутных потребностей, лишь среди «здесь и сейчас», Орр дивился всему и ничему уже не удивлялся.

Нынешний его офис располагался на третьем этаже бюро гражданского проектирования, а пост, который он здесь занимал, был куда солиднее всех прежних должностей — руководитель

группы проектирования парков юго-восточного предместья в составе комиссии городского планирования. Но службу свою теперь он не любил, душа к ней отнюдь не лежала.

Во всех прежних воплощениях Орру удавалось сохранить работу, неотъемлемую от рейсшины с кульманом. Вплоть до сна в минувший понедельник, когда Хабер, затеяв настоящий государственный переворот, столь радикально перетряхнул общественную систему, что Орр против воли пополнил собой ряды муниципальной номенклатуры. Джордж никогда, ни в одном из прежних вариантов, не искал себе бюрократической синекуры, не его это стиль; все, что он умел и любил, — это дизайн, поиск совершенных очертаний вещей и скрытой в них формы, но пока еще этот его талант ни разу не нашел себе истинного применения. А нынешняя должность, которую он занял пять лет назад, вообще уже выходила за все и всяческие рамки. И Орра это весьма тревожило.

До прошлой недели в снотворческих перевоплощениях Орра хотя бы прослеживалась преемственность, некая связность, неразрывность основных жизненных линий. Всегда Орр стоял с карандашом за кульманом, всегда жил

на Корбетт-авеню. Даже в той жизни, что так печально завершилась на бетонных ступеньках догорающего дома, в мертвом городе посреди разрушенного агонизирующего мира, даже в той ужасающей реальности, прежде чем окончательно утратили свой смысл слова «работа» и «дом», преемственность соблюдалась. И после всех остальных снов, во всех жизнях, сохранялись неизменными и куда более важные вещи. Орр изменял микроклимат, но незначительно, парниковый эффект всегда сохранялся как неотъемлемое наследие середины прошлого века. Незыблемостью отличалась и география — все континенты всегда оставались на положенных местах. Это относилось и к границам государств, натуре человека и многому, многому другому. Если Хабер и пытался облагородить человеческую расу, то пока, видимо, потерпел фиаско.

Но доктор, похоже, чему-то с тех пор все-таки научился — последние два сеанса изменили мир куда радикальней, чем прежде. Орр по-прежнему проживал на Корбетт-авеню, в тех же трех комнатах, слабо припахивающих марихуаной «М.Аренса, управляющего», но стал уже чистой воды бюрократом, служа в высотном здании в самом центре города, который тоже переменился

до неузнаваемости. Выглядел он теперь столь же величественно, как в одном из прежних вариантов, в том, где человечество не изведало прелестей Великого Мора, но стал при этом куда основательнее и уютнее. Претерпела кардинальные изменения и политическая система.

Как это ни удивительно, Альберт М.Мердли по-прежнему, подобно незыблемым очертаниям материков, оставался президентом Соединенных Штатов. Но зато сами Штаты утратили свою прежнюю ведущую роль в мире. Впрочем, роль эта не перешла к какой-либо другой державе.

Портленд с населением в два миллиона стал ныне вотчиной Центра мирового планирования, главного органа наднациональной Федерации всех людей планеты. Надпись на любой сувенирной открытке гласила: «Портленд — столица мира». Всю центральную часть города заполонили циклопические сооружения Цемирплана, каждое построено не более двенадцати лет назад и тогда же любовно окружено ухоженными парками и тенистыми аллеями. Тысячи и тысячи людей, в большинстве своем сотрудники Федплана и Цемирплана, деловито сновали по этим аллеям; стайки зевак из Улан-Батора и Сантьяго-де-Чили, задрав голову, вытаращив

глаза и прислушиваясь к нацепленным на ухо автогидам, шатались по широким проспектам. Великолепие грандиозных построек, аккуратная зелень лужаек и нарядные толпы действительно впечатляли. Джорджу Орру все это представлялось как бы урбанистическим пейзажем из фантастической утопии.

Отыскать забегаловку Дейва, естественно, не удалось. Не обнаружилась даже Энкени-стрит. Орр столь отчетливо помнил ее по другим своим воплощениям, что, покуда не явился на место, где она прежде была, не соглашался принять уверений в этой огорчительной лакуне, упорно подсовываемых нынешней его памятью. Это место целиком занял возносящийся к облакам архитектурный комплекс Координационного центра мирового научного поиска со всеми положенными по рангу лужайками да клумбами. На поиски Пендлетон-билдинг Орр и вовсе махнул рукой — на Моррисон-стрит, обратившейся ныне в пешеходную зону, усаженную вплоть до центра города цитрусовыми деревьями, просто не могло находиться здание, оформленное в стиле неоинка. И никогда прежде не находилось.

Джордж даже не мог припомнить точное название фирмы, где служила Хитер: то ли «Форман,

Изербек и Ратти», то ли «Форман, Изербек, Гудхью и Ратти». Наткнувшись на телефонную будку, без особой надежды полистал справочник. Ничего похожего, самое близкое: «П.Изербек, присяжный поверенный». Орр позвонил и убедился, что ни о какой мисс Лелаш там не знают. Собравшись с духом, поискал на букву «Л». Ни единой Лелаш в книге не значилось.

Может быть. Хитер живет под другим именем? Может, ее мать после бегства супруга в Африку вернула себе девичью фамилию? Или же сама Хитер во вдовстве могла сохранить фамилию мужа. Но Орр не знал этих фамилий, это тоже заводило в тупик. К тому же вряд ли Хитер, выйдя замуж, стала бы менять фамилию — с некоторых пор, в знак протеста против многовекового женского порабощения, это вышло из моды. Но что пользы теряться в догадках? Может статься. Хитер и вовсе нет, не существует, не рождалась такая вообще — в этом времени.

Похолодев от новой мысли, Орр тут же осознал и другую горькую возможность. «Что, если Хитер проходит сейчас мимо, — думал он, — ищет меня, с ног сбилась — а я в упор ее не замечаю?»

Хитер ведь была темной. По-настоящему темной, как кусок балтийского янтаря, как стакан

цейлонского чая. Но мимо не шли люди с темным цветом кожи. Не было больше ни черных, ни белых, ни желтых, ни красных. Прохожие

— сотрудники Цемирплана или просто туристы, понаехавшие сюда со всех концов света, от Таиланда до Лихтенштейна, все одинаково пестро одетые, — под одеждой были все как один лишь одного оттенка кожи. Серого. Грязновато-молочного.

Когда случилась эта перемена — на сеансе в минувшую субботу, после почти недельного перерыва, — доктор Хабер был буквально не в себе, на седьмом небе от радости. Минут пять, невнятно кудахча и обмирая от восторга, разглядывал он себя в зеркале ванной; на Орра же глядел с умилением на грани обожания.

— Ну, угодили мне, Джордж! Главное, на сей раз быстро, без обычных проволочек. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, похоже, ваш мозг перестал упираться! А знаете, что я внушал вам увидеть во сне, а?

Теперь Хабер стал куда откровеннее с Орром, честно делился с пациентом всеми своими чаяниями и опасениями. Но навряд ли дела от этого пошли на лад.

Джордж перевел взгляд на свои бледно-серые пальцы с коротко остриженными серыми ног-

тями.

— Наверное, чтобы проблем с цветом кожи больше не было, — вяло откликнулся он. — Решение расового вопроса.

— Угадали! Но я, естественно, предполагал лишь политическое и этическое решения такой серьезной проблемы. А ваши первичные мыслительные процессы снова совершили неожиданный выверт. Обычно такое оборачивалось своего рода лавированием, увертками, отклонением в сторону, но сейчас вы, Джордж, превзошли самого себя, заглянули в самый что ни на есть корень. Изменить человека биологически! Человечество никогда не сталкивалось с расовой проблемой! Не было такой проблемы — и баста! Мы с вами, Джордж, единственные на Земле знаем, что на самом-то деле это не так! Вы способны прочувствовать это? Никаких каст в Индии, никаких линчеваний в Алабаме, никакой резни в Йоханнесбурге! С войнами мы покончили, а расовых проблем не было и вовсе! Никто во всей истории человеческой цивилизации не пострадал из-за цвета своей кожи! Вы прогрессируете, Джордж! Вопреки своей воле можете угодить в список величайших благодетелей рода людского. Сколько времени и сил отдали люди попыткам отыскать

религиозное решение проблемы человеческого страдания, а тут приходите вы, и все будды с иисусами выглядят отныне жалкими балаганными факирами, каковыми, впрочем, и являются. Они ведь просто старались оградить нас от зла — мы же с вами, Джордж, искореним его подчистую, ломтик за ломтиком, часть за частью!

Триумфальные песнопения Хабера действовали на Орра удручающе, и, перестав в них вслушиваться, он погрузился в себя. Покопавшись в памяти, Джордж обнаружил, что в ней нет более места битве при Геттисберге и никто в мире не знает теперь человека по имени Мартин Лютер Кинг. Но подобные пустяки показались тогда Орру столь ничтожной платой за полное искоренение всех расовых предрассудков из человеческой истории, что он счел за благо промолчать.

Теперь же мысль, что он никогда не встречал женщину с янтарной кожей и курчавыми черными волосами, мальчиковой стрижкой, подчеркивающей лепные формы изящного черепа, мало сказать не радовала. Это неправильно, невозможно. Миллиарды людей на планете, и все серые, точно эскадренные миноносцы на параде — нет, такое просто невыносимо!

Вот почему ему не удается отыскать Хитер здесь, в этом жутковато однообразном мире. Она не могла родиться серой. Цвет кожи, напоминающий о янтаре и чае — существенная ее часть, и не случайно. Стервозность и робость, дерзость и нежность — все это слагаемые ее бытия, противоречивой ее натуры, темной и прозрачной одновременно, как драгоценный балтийский янтарь. Хитер не могла существовать в мире серых людей. Она здесь попросту не рождалась.

А сам он — он-то ведь появился на свет. Он, Джордж Орр, мог родиться в любом, даже самом говенном из миров. Нет в нем стержня, нет в его характере твердости. Ком вязкой глины он, медуза дрожащая.

А доктор Хабер — вот уж тот уродился, разумеется! Такого, как он, ничто не остановит. Все только здоровеет и здоровеет, становясь еще нахрапистей с каждой очередной реинкарнацией.

Тогда, в день памятной поездки из заповедника в гибнущий под ударами авиации Портленд, когда они вдвоем тряслись в дребезжащем паровике Герца по разбитым проселкам, Хитер успела рассказать, что пыталась внушить ему сон, в котором, как они и договорились, Хабер станет лучше, честнее. С тех самых пор доктор искренне

делился с пациентом подробностями всех своих манипуляций. Хотя искренность здесь, пожалуй, не вполне уместное слово — столь сложно организованной личности, как Хабер, вряд ли ведомы полная прямота и бесхитростность. Ложь за ложью могли слоями сползать с него, как оболочки с луковицы, но и под ними не открылось бы что-то еще, кроме аре той же луковой горечи.

Этот отказ от наружной оболочки двоемыслия оказался в докторе единственной переменой, да и та могла быть вовсе не результатом эффективного сна, а лишь следствием изменившихся обстоятельств. Хабер теперь настолько был уверен в себе, что просто не видел нужды скрывать что-либо от Орра или морочить ему голову. Он просто использовал, насиловал своего пациента — грубо и неприкрыто. Шансов отделаться от Хабера в этом варианте действительности у Орра стало даже меньше, чем прежде. Место добровольной наркологической диспансеризации заступил здесь КЛБ, колибла, контроль личного благополучия, зубки которого оказались даже острее прежнего, и за дело «пациент против доктора Уильяма Хабера» не рискнул бы теперь взяться ни один адвокат в мире. Хабер был в нем важной персоной, важнее некуда — директор Центра

исследования вариантов эволюции человека, знаменитого ЦИВЭЧ, одного из главных подразделений Цемирплана, где принимались самые судьбоносные решения. Доктор всегда мечтал о настоящей, масштабной возможности творить добро. Сейчас он обладал ею как никто иной.

При всем при том нынешний Хабер оставался верен себе — тому деликатному, улыбчивому и общительному Хаберу, с каким Орр впервые столкнулся в жалком офисе восточного Вильяметта, под фреской с Маунт-Худом. Хабер не менялся, он просто рос.

Ведь именно достижение, жажда новых горизонтов власти, новых вершин могущества и есть для него рост. Достигнутый же результат зачеркивает самый процесс. Поэтому, чтобы существовать, жажда силы и энергии в нем должна возрастать с каждым новым этапом, каждым следующим переосуществлением, делая то просто очередной ступенью, новым витком бесконечной спирали. И чем больше в нем будет этой силы, тем неуемнее разрастутся его аппетиты. А с помощью сновидений Орра для Хабера нет никаких пределов, нет границ его неодолимой жажде совершенствовать человечество.

Проходящий мимо пришелец ненароком задел

Орра в толпе и тут же, слегка приподняв левый локоть, почтительно извинился. Сметливые инопланетяне быстро научились говорить, не направляя коммуникатор на людей, — некоторых землян это до сих пор изрядно обескураживало. Тем не менее Орр остолбенел, как турист из какого-нибудь Занзибара: со времени минувшего невеселого Дня смеха он успел напрочь позабыть о пришельцах.

Но тут же припомнил, что в действующем срезе реальности — или континууме, на этом термине настаивал Хабер — приземление инопланетян вызвало куда меньше хлопот и бедствий для Орегона, НАСА и военно-воздушных сил. Вместо опрометчивых попыток пустить в ход коммуникаторы под градом бомб и дождем напалма на сей раз пришельцы приземлились далеко не вдруг. Захватив с Луны свой главный аналитический киберкомп, они долго кружили по земной орбите, сообщая землянам о своих мирных намерениях, многословно извиняясь за конфликт в космосе и запрашивая посадочные инструкции. Тревога все же была объявлена, но, к счастью, на сей раз обошлось без паники. Достаточно было лишь тронуть приемник, чтобы услышать эти механические голоса — они заняли все диапазоны,

заглушили все земные телеканалы, повторяя вновь и вновь, что гибель лунного купола и русской орбитальной станции не более чем трагическое недоразумение, результат их собственного вопиющего невежества и фатальной неосторожности при попытке наладить контакт и что точно так же трактуют факт запуска с Земли ядерных ракет, что чрезвычайно сожалеют о случившемся и надеются, установив дружественные отношения, попытаться загладить вину перед человечеством или хотя бы возместить причиненный материальный ущерб.

Цемирплан, основанный в Портленде на исходе моровой эпохи, приняв руководство событиями на себя, сумел умиротворить население и остудить горячие пентагоновские головы. Все это случилось, как только теперь сообразил Орр, вовсе не две недели назад в День смеха, а в феврале прошлого года — целых четырнадцать месяцев назад. Инопланетянам разрешили посадку; после длительных переговоров позволили выйти и за пределы тщательно охраняемой зоны приземления — в орегонской пустыне неподалеку от Стеновых гор — и передвигаться свободно. Они быстро освоились среди людей. Несколько инопланетян принимали теперь участие в

восстановлении силами Федплана лунной базы, около двух тысяч остались на Земле. Этим числом будто бы и исчерпывалось общее их количество во Вселенной, а может, лишь состав экспедиции — очень немногие из подробностей такого рода доводились до сведения широкой общественности.

Уроженцы закутанной в метановую оболочку планеты, спутника далекой звезды Альдебаран, они и на Земле, и на Луне постоянно носили свои черепахообразные панцири, ничуть этим не тяготясь. Никто не знал в точности, как выглядят они без своих оболочек, а самим инопланетянам и на ум не приходило сделать по этому поводу какие-то разъяснения, хотя бы в виде рисунков. И вообще информационный обмен с ними, ограниченный косноязычными портативными коммуникаторами, выходил весьма однобоким — земляне до сих пор ведать не ведали, как те устроены биологически, могут ли, например, видеть, то есть обладают ли органом зрения в привычном понимании — действующим в диапазоне видимого спектра. В общении с ними оставались зияющие лакуны, где взаимопонимание вовсе не складывалось — как с дельфинами, только на порядок сложнее. Однако миролюбие пришельцев

было признано и официально провозглашено с высокой трибуны Цемирплана, а скромное их число позволило земному социуму принять гостей почти без недоразумений и неловкостей. Оказалось, что даже приятно остановить взгляд на ком-нибудь, отличном от однообразно серых соотечественников-землян.

Инопланетяне выразили намерение остаться, если будет дозволено; некоторые из них, проявив прыть, уже занялись мелким предпринимательством, и небезуспешно — пришельцы выказали врожденную деловую сметку и явное тяготение к мелочной торговле. Не меньшее, пожалуй, чем к межзвездным перелетам, подробными сведениями о которых они не преминули поделиться с земными учеными. Однако от инопланетян зачастую не удавалось добиться ответа даже на самый простой вопрос — например, чем сможет человечество рассчитаться с ними за помощь и бесценный вклад в земную науку. И на совсем уж элементарный — зачем они вообще прилетели? Казалось, им здесь просто очень нравится. А уж вели себя пришельцы столь смиренно и лояльно, оказались такими трудолюбивыми и благонамеренными, что слухи о «внеземной пятой колонне» и «вражеской инфильтрации» остались

уделом лишь самых бесноватых политиков, представляющих осколки национал-радикалистских группировок, да тех еще чудаков, которым довелось пообщаться с истинными инопланетянами из *подлинных* летающих тарелок.

Похоже, единственным признаком, роднившим настоящее с тем сумасшедшим первоапрельским денечком, оставался дым, постоянно курившийся теперь над пробудившимся Маунт-Худом. Но это отнюдь не результат шальной бомбардировки, ведь в этой реальности никто никаких бомб на Орегон не сбрасывал. Просто очнулся от векового сна сам по себе, случаются же такие совпадения. Мохнатый серо-багровый плюмаж тянулся от вершины вулкана далеко на север, а беззаботные общины «Зигзаг» и «Рододендрон» постигла печальная судьба Помпеи и Геркуланума. И когда уже совсем недавно по-соседству с крохотным древним кратером на территории парка Маунт-Табор вдруг вырвался мощный газовый гейзер, жителей одноименного поселения как ветром сдуло — они эвакуировались в самом спешном порядке в ближайшие развивающиеся предместья Вест-Истмонт, Имение Каштановые Холмы и Участки на Солнечных Склонах. Жить с видом на дымящийся на горизонте вулкан еще куда ни

шло, с этим они как-то свыклись, но когда прямо под ногами разверзается преисподняя и оттуда бьют раскаленные фонтаны — это уж чересчур.

В переполненной забегаловке Орр взял порцию жареной рыбы с чипсами под африканским арахисовым соусом и, механически пережевывая безвкусный ленч, грустно констатировал, что сегодня Хитер удалось сравнять счет, поквитаться за срыв прошлой встречи у Дейва.

Он не в силах был постичь свою беду до конца, признать утрату, воспринимая ее как бы сквозь флер своих снов. Можно ли потерять любовь, которая никогда и не рождалась? Разглядывая соседей по стойке, Джордж пытался обнаружить вкус хотя бы в еде, но напрасно — вкуса в еде не было и людей вокруг не было тоже, одни лишь бледно-серые маски.

Поток прохожих за стеклянными дверями забегаловки вдруг стал гуще — народ спешил по набережной во дворец спорта, настоящий портлендский колизей, на ежедневное послеполуденное представление. Теперь люди куда меньше времени проводили дома у телевизоров — Федплан ограничил работу всех телеканалов двумя часами в сутки, и новым стилем жизни общества стала соборность, людей объединил

дух коллективизма. Сегодня четверг, значит, рукопашные схватки — самый захватывающий вид зрелища после ежесубботнего футбола. В схватках прольется немало кровушки, но им все же не сравниться по драматизму с футбольным побоищем, когда опилки арены орошают алым сразу сто сорок четыре атлета. Искусство отдельных бойцов тоже порой достойно всяческого восхищения, однако впечатлениям от схваток никогда не превзойти подлинный катарсис массового взаимоистребления в ходе футбольного сражения.

«Наплевать, воевать», — сказал вдруг себе Джордж, подбирая на тарелке последние ломтики размякшего картофеля. «Наплевать, наплевать… та-та-та-та воевать», — повторил он, выходя в толпу. Вроде бы какая-то песня. Что-то очень древнее. Забытая старая песня. «Наплевать, наплевать…» Как же там дальше? Не ходите воевать? Как будто подходит. А дальше как? Вылетело начисто…

В глубокой задумчивости Орр наткнулся на спину вдруг остановившегося прохожего. Впереди что-то стряслось — Орр прислушался. Ничего необычного, заурядный гражданский арест. Верзила с мятым серым лицом, ухватив за грудки, не отпускал тунику невзрачного пухлого

коротышки. Толпа в основном обтекала парочку, некоторые останавливались поглазеть, но большинство спешили в колизей занять место поближе к арене.

— Это гражданский арест, прошу не проходить мимо! — сверлящим фальцетом возопил долговязый. — Этот человек, Харви Т.Гонно, неизлечимо болен — злокачественная опухоль брюшной полости, но скрывает свое местопребывание от властей и продолжает сожительствовать с женой, подвергая ее риску забеременеть. Мое имя Эрнест Ринго Марин, личный номер 2624287, Южный проезд Вест-Иствуда, Участки на Солнечных Склонах, Большой Портленд. Мне срочно нужны десять свидетелей!

Один из доброхотов уже помогал удерживать слабо отбивающегося уголовника, Эрнест Р.Марин тем временем пересчитывал очевидцев по головам. Орру, мигом нырнувшему в толпу, удалось избежать участия в малоприятной процедуре эйтаназии, которую при помощи личного инъекторного оружия мог провести любой, дослужившийся до вручения ему «сертификата личной гражданской ответственности». Орр и сам носил подобный пистолет не снимая

— так требовал закон, — правда, сейчас разря-

женный. Как пациента, проходящего психотерапевтические процедуры по линии колибла, его временно лишили права проводить эйтаназию самостоятельно, но пистолет оставили, дабы временное поражение в правах не бросалось в глаза окружающим и Орр не подвергался этим дополнительному незаслуженному унижению. Легкое помрачение рассудка, от которого он теперь лечится, как популярно разъяснили ему эскулапы, никак нельзя смешивать с уголовщиной вроде инфекционных или генетических заболеваний. Поэтому он не должен чувствовать себя ущербным и представляющим опасность для Рода или для граждан второго класса, а пистолет его доктор Хабер перезарядит, как только сочтет лечение благополучно завершенным.

Опухоли, опухоли… Разве не было Великого Мора, истребившего всех, предрасположенных к раку, включая новорожденных, и выработавшего иммунитет у уцелевших? Был, но, похоже, в каком-то другом сновидении. Не в этом. В этом рак прорывался снова, подобно гейзерам на Маунт-Таборе или Маунт-Худе.

Надоело. Вот оно, это позабытое слово. «Наплевать, наплевать, надоело воевать…»

Дошагав до линии фуникулера на углу Чет-

вертого июля и Элдер, Орр взмыл над зеленью и серостью города к башне ЦИВЭЧ, венчающей Западные холмы вместо старого дворца Питток, украшавшего Вашингтон-парк прежде.

Комплекс ЦИВЭЧ, доминирующий над городом, просматривался отовсюду — из центра, от реки, из туманных долин к западу, с далеких лесистых холмов северного Форест-парка. Надпись над внушительным дорическим портиком, строгий антаблемент которого мог облагородить даже самое бессмысленное изречение, гласила: «РАДИ ВСЕОБЩЕГО БЛАГА».

Огромное отделанное черным мрамором фойе, точная копия римского Пантеона, встречало еще одной сентенцией, бегущей золотыми литерами по фризу главного купола: «ЕДИНСТВЕННАЯ НАУКА. ДОСТОЙНАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, — САМ ЧЕЛОВЕК. А.ПОУП (1688-1744)».

Орр слыхал, что здание превосходит габаритами Британский музей, как в основании, так и по высоте. Ввиду близости действующего вулкана возводилось оно с солидным запасом сейсмостойкости. Против бомб, впрочем, вряд ли ему устоять, но ведь бомбить в этом мире некому, да и незачем. Собственно, и бомб-то на Земле уже не оставалось. После приснопамятных битв в *при-*

лунном пространстве остатки ядерных арсеналов перебазировали к поясу астероидов и взорвали в серии любопытных астрофизических экспериментов. Так что зданию не угрожало ничто, и ему суждено простоять здесь века, пока на Земле вообще останется хоть что-нибудь. Впрочем, если Маунт-Худ не возьмется за дело всерьез. Или Орру не привидится дурной сон.

Ступив на бегущую дорожку, Джордж оказался в западном крыле, где перебрался на спиральный эскалатор и вскоре уже вознесся на самый верх.

Доктор Хабер сохранил у себя в офисе кушетку — своего рода напоминание самому себе о временах, когда он имел дело лишь с отдельными пациентами и не вершил судьбами миллионов, эдакая показуха, смирение паче гордыни. Но чтобы добраться теперь до этой самой кушетки, шагать приходилось достаточно долго — апартаменты доктора о семи комнатах занимали минимум пол-акра [note 8]. Подойдя к киберсекретарю в дверях приемной, Орр назвался, затем поприветствовал неизменную мисс Крауч, подкармливающую в следующей комнате свой компьютер свеженькими данными, миновал

---

note notes: Note8
акр — единица площади, примерно 0,4047 га

помещение для официальных приемов — настоящий тронный зал без трона, где директор чествовал послов иностранных держав и нобелевских лауреатов, — и добрался наконец до скромного кабинета с кушеткой и окном во всю стену. Скромного по размерам, не по антуражу — противоположная стена кабинета, забранная подвижными панелями из уникальных древесных пород, скрывала современнейшую и не менее уникальную исследовательскую аппаратуру. Сейчас, впрочем, не скрывала, Хабер наполовину погрузился в чрево Аугментора, своего излюбленного детища.

— Хелло, Джордж, — приветливо прогудел доктор, не оглядываясь. — Одну секунду. Вот только вставлю нашему бэби в ротик новую пустышку, и все… Думаю, сегодня мы сможем обойтись без гипноза. Присаживайтесь, я сейчас, осталось разок-другой тронуть паяльником… А пока слушайте. Вы не запамятовали еще всю ту пачку тестов, что заполняли, когда впервые явились в медхран? Личностные наклонности, «ай-кью», Роршах и так далее, и тому подобное. Затем я подбросил вам «Раскрути торнадо» и несколько искусно смоделированных конфликтных ситуаций, где-то в районе третьего сеанса.

Припоминаете? Еще сомневались, как со всем этим управитесь. — Серое, обрамленное со всех сторон черными курчавыми волосами лицо доктора вынырнуло на миг из-под полуоткинутого кожуха, глаза тускло блеснули в свете окна.

— Как будто да, — ответил Орр, хотя на самом деле давно выкинул все это из головы.

— Пришла пора вам узнать, что в рамках применимости стандартных тестов

— а я, невзирая на повсеместную распространенность и доступность, считаю их чрезвычайно тонким и весьма, подчеркиваю, весьма точным инструментом психоанализа, — так вот, пора вам знать, что согласно всем этим тестам вы здоровы до неприличия, просто аномально нормальны. Естественно, я пользуюсь словами «здоровы» и «нормальны», которые лишены объективного смысла, с некоторой натяжкой. Если же перейти к терминам количественным, то вы, Джордж — воплощенная медиана, серединка на половинку. По шкале «экстравертность-интровертность», например, у вас 49,1. То есть всего девять десятых балла в сторону интровертности. Само по себе это бы еще куда ни шло, но ведь точно та же картина и со всеми прочими параметрами. А это уже явный перебор.

Если все ваши результаты совместить в один, мысленно перевести на один график, общая точка угодит аккурат в полтинник. К примеру, результат теста на лидерские качества, точно не помню, но готов биться об заклад, где-то возле сорока восьми и восьми десятых. Ни пастырь, ни овца. «Зависимость-независимость» — то же самое. Созидательно-разрушительные тенденции по шкале Рамиреса — тот же результат. Ни то ни се, короче говоря. Там, где анализ идет по паре полярных признаков, вы в точности между, где по одной координате — в самой что ни на есть средней точке. Решительно все результаты тестов вы, грубо говоря, сводите на нет, так что и измерять, собственно, нечего.

Доктор Вальтерс из медхрана, трактующий ваши результаты несколько иначе, чем я, считает, что дефицит показателей по социальным шкалам можно объяснить вашей феноменальной социоадаптивностью, а то, что я скорее назвал бы самопогашением, именует специальной точкой баланса, или точкой внутренней гармонизации. Но, как вы сами, пожалуй, заметили, старина Вальтерс — фанатичный фрейдист, так и не вырос из коротких штанишек мистицизма семидесятых, но мыслит, правда, порой весьма толково…

Так или иначе, вы то, что вы есть — человек из абсолютной серединки… Ага, сейчас уже перейдем к делу, осталось всего ничего — присобачить одну маленькую куздру к другой бокре побольше, и можно начинать… А, черт! — Подпрыгнув, Хабер стукнулся головой о крышку Аугментора и, оставив кожух нараспашку, отодвинулся от аппарата. — Вы эксцентричная личность, Джордж, и самое в вас эксцентрическое, что вы буквально центр во плоти. — Вновь нырнув за кожух, он грохнул над собственной шуткой. — Поэтому сегодня мы сменим тактику. Не будет никакого гипноза и никаких снов. Вам предстоит пообщаться с Аугментором в бодрствующем состоянии.

У Орра отчего-то защемило сердце.

— Зачем? — поинтересовался он.

— В принципе, чтобы получить запись нормальных дневных ритмов вашего мозга в процессе аугментирования. Мы уже проделывали нечто подобное на одном из самых первых наших сеансов, но возможности Аугментора тогда были куда как скромнее, а сегодня с его помощью я надеюсь получить более определенные характеристики отдельных участков вашего мозга. В особенности интересует меня неуловимо-кумулятивный эф-

фект гиппокампа. Затем я сравню результаты с узорами сон-фазы, вашей и других испытуемых, из контрольной группы. Я хочу разобраться, Джордж, что там у вас внутри тикает, где пружинка, заставляющая ваши сны *действовать*.

— Зачем? — настырно повторил Орр.

— Зачем? — удивился Хабер. — Затем же, для чего вы здесь, собственно, и оказались.

— Меня прислали сюда, чтобы вылечить. Научить спать нормально.

— Ну, если бы это было так же просто, как дважды два, вас ведь не направили бы ко мне в ЦИВЭЧ, не так ли?

Орр спрятал лицо в ладони и промолчал.

— Я ведь не смогу помочь вам, Джордж, пока сам не разберусь, что к чему.

— А когда разберетесь, *поможете*?

Прищелкнув каблуками, Хабер выпрямился.

— Почему вы так страшитесь самого себя, Джордж?

— Не себя, — ответил Орр. Ладони у него покрылись испариной. — Я боюсь… — Он не осмеливался выдавить вертевшееся на языке местоимение.

— Изменя-ять поря-ядок веще-ей, — подсобил Хабер, на учительский манер растягивая ударные гласные. — Да, знаю, мы с вами уже проходи-

ли это. И не раз. Но почему, Джордж? Почему? Спросите-ка сами себя! Что такого страшного в изменении порядка вещей? Уж не ваше ли самопогашение, не ваша ли *концентричность* заставляют вас относиться к делу с подобной опаской, желал бы я знать. Я же, наоборот, стремлюсь извлечь вас из собственной раковины и дать возможность взглянуть на себя со стороны, беспристрастно. Тогда вы убедитесь, что это всего лишь страх *потерять равновесие*. Но метаморфозам вовсе нет нужды выводить вас из равновесия, жизнь изменчива сама по себе, она ведь не статичный объект. Процесс! Ничего застывшего. Рассудком вы понимаете это, а на уровне эмоций принять отказываетесь. Ничто не остается без перемен от мгновения к мгновению, все течет, и нельзя войти в одну реку дважды. Жизнь, эволюция, Вселенная с ее пространственно-временными континуумами, материя плюс энергия, само Бытие

— все постоянно обновляется.

— Это лишь один аспект, — возразил Орр. — Другой же — неизменность.

— Если вещи перестанут меняться, наступит победа энтропии, тепловая смерть Вселенной. Чем больше движения, пересечений, столкно-

вений, трансформаций, чем меньше статики — тем больше жизни. Я обеими руками за жизнь, Джордж. Жизнь — это гигантская рулетка, рискованная азартная игра, игра против Хаоса, против любой энтропии. Вы просто не можете обезопасить себя от этой игры, не существует такого понятия, как безопасность от жизни. Высуньте же голову из-под панциря, Джордж, живите *полной*, настоящей жизнью! Не знаю, как и когда, но вы неизбежно и сами пришли бы к тем же выводам. Пуще всего сейчас вы боитесь осознать, боитесь признать и принять, что мы вместе с вами, Джордж, вы и я, вовлечены в грандиозный, космический эксперимент. Что мы буквально на грани открытия и подчинения — ради блага всего человечества — неведомой новой энергии, совершенно новой области борьбы с безжалостной энтропией, подлинной жизненной силы, могучей воли действовать, вершить, творить!

— Все это так, доктор. Однако есть еще и…

— Что есть еще, Джордж? — Голос доктора снова исполнился бесконечного отеческого участия и терпения. Чтобы продолжать, Орру пришлось совершить над собой усилие — он понял уже, что разговоры ни к чему не приведут.

— Мы же находимся в мире, доктор, а не где-то

еще, через дорогу напротив. И не выйдет отстраниться от него, чтобы управлять откуда-то извне. Ни черта не получится, это идет вразрез с самой жизнью. Существует *Путь*, и ему приходится следовать. Существует мир, и он не зависит от наших о нем представлений. И вы обязаны быть в нем. И вы обязаны позволить быть также и ему.

Хабер зашагал по комнате кругами, приостанавливаясь всякий раз подле обрамленного оконной фрамугой пейзажа с видом на конус Святой Елены, необезображенный в отличие от Маунт-Худа дымовой гримасой извержения. Затем, не замедляя шага, задумчиво покивал.

— Понимаю, — сказал он на очередном витке. — Полностью вас понимаю. Но позвольте, Джордж, привести только один умозрительный пример — возможно, тогда станет яснее и моя позиция. Представьте себя в девственных джунглях, где-нибудь на Мато Гроссо, например. Вы бредете в одиночестве звериной тропой и вдруг натыкаетесь на очаровательную туземку, умирающую от укуса гремучей змеи. А в ранце у вас сыворотка, много сыворотки, хватит, чтобы исцелить хоть тысячу ужаленных. Скажите, Джордж, честно — разве вы пройдете мимо, чтобы все шло своим чередом? Позволите туземке, выражаясь

по-вашему, «быть», то есть оставите на съедение муравьям?

— Ну, это в зависимости… — нерешительно протянул Орр.

— В зависимости от *чего*?

— Ну… даже не знаю. Если верить в реинкарнацию в исконном ее смысле, то такая помощь, сохранив жертве жизнь посреди окружающей мерзости, может лишить ее лучшей доли в ином воплощении и на поверку обернется медвежьей услугой. А возможно, исцелившись, наша красотка пойдет да запросто вдруг зарежет шесть безобидных старушек из своего же племени. Знаю-знаю, вы обязательно вкололи бы ей сыворотку, уже из одного сострадания. И все же никому не дано предугадать, добрый ли совершает он поступок или злой, либо добрый и злой одновременно…

— Браво! Бурные аплодисменты! Мы понимаем, как действует сыворотка, но не ведаем, что творим с нею сами — продано! Покупается именно такая формулировка. Ну и что же проистекает отсюда, какая, к чертям собачьим, разница? Охотно допускаю, что в девяти случаях из десяти я даже представления не имею, как именно действует эта ваша причуда, что там вытворяет этот ваш

таракан в голове, разбираюсь, если честно, не больше вашего, то есть точно как свинья в апельсинах, но ведь все же мы *делаем* что-то, только так, методом тыка, и продвигаемся. Или, может, тоже нельзя, не одобрямс? — Переполнявшее Хабера веселье вылилось в приступ хохота, такого задорного и заразительного, что Орр поймал себя на невольной слабой улыбке.

Однако, пока доктор прилаживал и подгонял электроды, Орр сделал последнюю попытку до него достучаться:

— По пути сюда мне довелось стать очевидцем гражданского ареста с последующей эйтаназией.

— За что? — сразу посерьезнел Хабер.

— Как обычно, евгеника. Наследственный рак.

Хабер хмуро кивнул:

— Неудивительно теперь, Джордж, что вы так приуныли. Вы все еще не осознали до конца необходимость контролируемого разумными законами социального насилия во имя общественного же блага. Не лежит у вас душа к грубым методам, и это вполне понятно. Но мир, окружающий нас с вами, — это грубый мир. Реальный мир, Джордж! Жизнь, как я уже имел честь докладывать, абсолютно безопасной быть просто не может. Из года в год она становится все жестче, все грубей. Но

будущее за все нас оправдает. Здоровый генофонд куда важнее страданий отдельной личности. Не место в обществе неизлечимым вырожденцам, неспособным к нормальному воспроизводству и плодящим генетических уродцев, у социума на бесполезное сострадание попросту нет ни сил, ни времени.

Защищая окружающую действительность, Хабер в своем пафосе поднялся до такого накала, что Орр невольно засомневался, уж не достиг ли доктор в *миротворчестве* желанной конечной цели.

— А сейчас я хочу, чтобы вы уселись прямо и не расслаблялись, Джордж, — сменил пластинку доктор, — иначе заснете просто в силу привычки. Вот так, отлично! Придется чуток поскучать. Глаза не закрывайте, думайте, о чем заблагорассудится, а я тем временем соберу разбросанные игрушки и подотру нашему бэби попочку. Начинаем, поехали. — Хабер утопил пусковую клавишу на пульте Аугментора, в изголовье кушетки.

Инопланетянин, проходящий по бульвару, в толчее вновь легонько пихнул Орра в бок и немедленно поднял в извинительном жесте свой левый локоть, Джордж в ответ пробормотал на

ходу извинение. Но существо заступило путь. Орр застыл, изумленный — бесстрастие зеленоватой бронированной громады, возникшей перед ним, впечатляло. И даже гротескное сходство пришельца с гигантской морской черепахой забавным отнюдь не казалось — как и извечный обитатель Галапагосов, существо обладало некоей экзотической магией, странноватой красотой, своеобразным причудливым совершенством, никому более в подлунном мире не присущими.

Из-под левого локтя прошелестел безжизненный механический голос:

— Йор Йор…

Далеко не сразу, лишь с трудом разобрав в этих звуках чудовищную фонетику собственного имени, Джордж откликнулся:

— Да, меня зовут Орр, это именно я.

— Пожалуйста простить предумышленное вмешательство вы есть личность способный *йах'хлу* замечаться раньше. Источник все эти неприятности есть твоя самость.

— Я не… Вы думаете, что я…

— Мы также быть очень встревоженный. Концепции нарушаться в туман. Различение затруднять. Вулканы огнедышать. Предложение помощь отвергаться. Змеиный сыворотка не

хватать для каждый. Прежде следовать ведущие неверное направление указания дополнительные силы должны быть сложенные следующий образ — *вэй'р'перенну*!

— Вэй'р'перенну, — машинально повторил Орр, мучительно пытаясь сообразить, о чем же толкует пришелец.

— Если желательно. Слово есть серебро, молчание есть золото. Самость есть космос. Пожалуйста опять простить предумышленное вмешательство пересекаться в туман. — Пришелец, лишенный даже какого-то подобия шеи или талии, сумел, однако, создать впечатление вежливого поклона и стал удаляться, возвышаясь над сероликой толпой безучастных прохожих.

Орр таращился вслед, пока не услышал оклик Хабера:

— Джордж! Джо-о-ордж!

— А? Что? — Хлопая ресницами, Орр удивленно озирался по сторонам.

— Что за чертовщина с вами творится? Что вы такое там делали?

— Ничего, — ответил Орр. Он по-прежнему сидел на кушетке с головой, утыканной электродами.

Выключив Аугментор, Хабер обошел кушетку и

заглянул Орру в глаза. Затем снова покосился на экран. Распахнул кожух и проверил самописцы.

— Решил было, что неверно истолковал картинку на экране, — прокомментировал Хабер свои действия и нервно хохотнул. — Какая-то чертовщина у вас в коре, Джордж, а я коры сегодня даже не касался, настроил Аугментор на легкую стимуляцию варолиева моста… Что за черт! Тут добрых полтораста милливольт! — Он резко обернулся. — Ну-ка, живо вспоминайте, о чем думали!

Странное нежелание отвечать, смешанное с ощущением близящейся опасности, посетило вдруг Орра.

— Я подумал… мне вспоминались пришельцы.

— Альдебаранцы? Ну и?..

— Просто вспомнил одного, с которым столкнулся по пути сюда.

— И это восстановило, сознательно или бессознательно, ту печальную уличную сценку с эйтаназией? Верно? Пожалуй, только так можно объяснить весь этот необычный концерт, который ваши эмоциональные центры закатили, а Аугментор выделил и усилил. Но вы же должны были почувствовать… А что-нибудь совсем необычное в голову разве не пришло?

— Нет, — совершенно искренне ответил Орр. Ведь существо не вызвало в нем никаких необычных *ощущений*.

— Ладно. На тот случай, если вас всполошила такая моя реакция, поясняю

— несколько сот раз я испытывал Аугментор на самом себе и еще на сорока пяти добровольцах. И абсолютно уверен, что он не причинит вам ни малейшего вреда. Просто последняя запись для взрослого весьма необычна, и захотелось проверить, не ощутили ли вы и сами в этот момент что-либо необычное.

Доктор скорее успокаивал самого себя, а не Орра. Впрочем, особой роли это не играло — пациент в увещеваниях на сей раз не нуждался.

— Ну что ж, продолжим с места, где прервались, — объявил Хабер, снова запуская энцефалограф вкупе с Аугментором.

Стиснув зубы, Орр приготовился встретить лицом к лицу Хаос и Мглу.

Но ничего такого не случилось, никаких переносов во времени и пространстве, даже беседа с черепахоподобным гигантом и та не возобновилась. Орр по-прежнему сидел себе посиживал на кушетке, любуясь далеким дымчато-голубым конусом Святой Елены за окном. Украдкой, аки тать

в нощи, душу посетило, постепенно заполонив всю ее, странное чувство — порядка, единения с окружающим миром, уверенности, что все идет как и положено, а сам он словно в некоем центре и чуть ли не пуп Вселенной.

«Самость есть космос», — всплыло в памяти недавно услышанное. Страх одиночества, боязнь безвозвратно кануть как рукой сняло. Орр возвращался к живительным истокам. Он испытывал покой и уверенность — как за себя, так и за все прочее в мире. Не тот восторженный мистический покой, что посещает блаженных, а нормальное, здоровое хладнокровие. Это был тот самый путь, следовать которому он обычно и стремился в жизни, сбиваясь с него лишь в самые кризисные моменты. Это были безмятежность детства, упоение сокровенных мгновений отрочества и юности — самые естественные из способов бытия. За последние годы Орр подрастерял все это, незаметно и почти бесследно, лишь изредка осознавая с горечью, что именно он теряет. Что-то такое стряслось с ним четыре года назад, и тоже в апреле, что-то лишило его равновесия, напрочь выбило из седла. Груды проглоченных Орром наркотических снадобий, эти сны — источник вечного страха, беспросветная каша в памяти,

блуждание в различных ее вариантах и неизменное ухудшение текстуры бытия после любой попытки Хабера его усовершенствовать — все это вынуждало прокладывать для себя новый курс сквозь туман. А сейчас, вдруг, ни с того ни с сего, он вернулся к самым своим истокам.

Но Джордж твердо знал, что собственных его заслуг в этом нет.

— Неужто Аугментор? — удивился он вслух.

— Что именно, Джордж? — отозвался Хабер, наклоняясь над машинным чревом, чтобы смерить взглядом экран.

— Э-э… даже и не знаю.

— Повторяю, Аугментор ничего такого с вашим мозгом не вытворяет, — ревниво заметил доктор. Когда он с головой погружался в анализ научных гитик, пытаясь вычленить из экранного мельтешения некий тайный смысл, маска вечной улыбчивости спадала, он начинал раздражаться. — Просто чуток усиливает то, что мозг делает сам, выборочно подпитывает активность отдельных участков, а мозг ваш сей момент ничего такого и не делал… Вот так!

Быстро что-то пометив для памяти в настольном календаре, Хабер тут же вернулся к Аугментору и снова вперился в крохотный экран. Одна

из линий потолще показалась подозрительной, при помощи винтов тонкой настройки доктор сумел расчленить ее на три отдельные. Орр не вылезал более с репликами, не мешал.

— Теперь зажмурьтесь покрепче! — скомандовал Хабер. — Не открывая глаз, переведите взгляд вверх. Хорошо! Постарайтесь внутренним взором увидеть что-нибудь яркое — сияющий оранжевый кубик, к примеру. Отлично!..

Когда Хабер выключил наконец аппаратуру и стал снимать электроды, хрустальная ясность и приподнятость Орра не оставили, как обычно бывает после алкогольного или наркотического кайфа. Без всяких колебаний и робости он вдруг спокойно и отчетливо объявил:

— Доктор Хабер, я больше не могу позволить вам использовать мои эффективные сны.

— Э-э?.. — Внимание доктора по-прежнему было приковано к мозгу Орра, а не к обладателю оного.

— Я больше не могу позволить использовать мои сны.

— Использовать?

— Использовать. Сновидения.

— Ага, вот, стало быть, как вы называете это, — ответил Хабер. Он уже выпрямился во весь свой

башенный рост и тяжко нависал над Орром, по-прежнему сидящим на кушетке. Серый, огромный, широченный, пышнобородый ревнивый идол. — Сожалею, Джордж, но вынужден констатировать: вы не в том положении, чтобы выступать с подобными заявлениями.

Незримые безымянные боги Орра столь же завистливы не были и не требовали более от него ни поклонения, ни послушания.

— Тем не менее я говорю вам это, — мягко сказал Орр.

Хабер смерил пациента взглядом с головы до ног и обратно, всмотрелся и, похоже, наконец что-то такое узрел. Он походил на человека, который, отдернув невесомый воздушный тюль, обнаруживает вдруг грубую монолитную стену. Доктор пересек комнату, уселся за стол. В свою очередь Орр поднялся и томно потянулся.

Хабер нервно почесывал бороду серыми пальцами-сардельками.

— Я нахожусь сейчас буквально на пороге грандиозного научного открытия, подлинного прорыва в неведомое, — пророкотал он. — Используя в качестве образца ритмы, вырабатываемые вашим мозгом в ходе рутинных процедур аугментирования, я программирую свой прибор

на воспроизводство энцефалограмм эффективного сновидения. Собираюсь окрестить такое состояние сдвиг-фазой. Когда получу удовлетворительный результат, начну накладывать выработанную запись на ритмы быстрых снов другого мозга в надежде после соответствующей подгонки вызвать тот же эффект. Вы способны понять, Джордж, что означает это? Я смогу погружать в сдвиг-фазу любой должным образом подготовленный мозг так же легко, как нейропсихолог, использующий метод мозговой стимуляции, ввергает в ярость кота или утихомиривает разбушевавшегося психопата, даже легче, куда легче — ведь при обычной стимуляции приходится вживлять электроды или применять долгоиграющие химические препараты. От желанной цели меня сейчас отделяют считанные дни, возможно, даже часы.

Как только я получу желанный результат, вы свободны. Вы тогда ни к чему мне, Джордж. Ненавижу работать, подавляя чью-либо волю, да и успеха куда легче добиться, имея дело с подобающим образом подготовленным и дисциплинированным субъектом. Но пока мне без вас не обойтись. Исследование должно быть завершено. Оно, возможно, самое важное за всю историю

человеческого познания. Я вынужден удерживать вас, Джордж, если же вашего чувства долга передо мной, перед познанием, перед благом цивилизации окажется недостаточно, прибегну и к определенному насилию — ради высшей цели и высшего блага. Если понадобится, я даже затребую в медхране ордер на принудительное наркологическое лече… на принуждение к личному благополучию. Коли понадобится, применю и подавляющие волю наркотики, как в случае с заурядным психом. Ведь ваш отказ сотрудничать в деле подобной важности иначе, нежели психопатию, просто не истолкуешь. Однако нет нужды говорить, что мне неизмеримо легче иметь дело с вашей добровольной помощью, с вашей свободной волей и не прибегать к помощи закона или химиотерапии. Вот и вся разница, Джордж.

— Так уж и вся. Неужели? — съехидничал Орр без всякого нажима или вызова.

— Почему вы так взъерепенились вдруг, Джордж? Почему именно теперь, черт побери, когда внесли такую большую лепту и мы практически у самой цели?

Идол на поверку оказывался весьма бранчливым божком. Но путь осознания вины и мук совести, путь упоения страданием пролегал

мимо, не задевая Орра за живое, — будь он человеком, неспособным пережить чувство вины, он не дотянул бы и до своих скромных лет.

— Потому что чем дальше вы продвигаетесь, тем мир становится все хуже и хуже. А сейчас, вместо того чтобы избавить меня от эффективных снов, вы уже готовитесь вызывать их у себя самого. Мне не нравится мысль заставлять остатки мироздания жить моим сном, но возможность оказаться персонажем вашего я не приемлю просто органически.

— Что значит «становится все хуже»? Давайте рассмотрим это, Джордж, рассмотрим всерьез. — «Как мужчина с мужчиной, — мелькнуло у Орра. — Без бабьих штучек. Присядем, мол, и все обсудим…» — Давайте подведем предварительные итоги тех считанных недель, что мы вместе. С вавилонским столпотворением покончено. Качество городской жизни и экобаланс планеты восстановлены. Рак как главная причина смертности устранен. — Хабер загибал одну за другой свои серые сардельки. — Ликвидирована проблема цвета кожи, вечный источник межрасовых конфликтов. Разобрались до конца и с войнами. Сведен на нет риск биологического вырождения человека путем наследования гибельных мута-

ций. У нас и во всем мире покончено — впрочем, еще не вполне, но вскоре будет решительно и бесповоротно покончено — с нищетой, с материальным неравенством, с классовой борьбой. Что еще? Душевные болезни как отклик на вывихи окружающей действительности — это еще займет какое-то время, но первые успешные шаги в этом направлении уже делаются. Под руководством ЦИВЭЧ мир ждет невиданный всплеск человеческого здоровья, как физического, так и психического, настоящий расцвет, а постоянный подъем свободы здорового самовыражения личности станет делом поистине повседневным. И вот это будет уже подлинный прогресс! Прогресс, Джордж. Мы с вами за шесть недель продвинули человечество по пути прогресса больше, чем оно само прошагало за шесть сотен тысячелетий!

Орр чувствовал, что аргументы эти шатки, что не в пример пифагоровым штанам изобилуют прорехами, что их можно и нужно парировать. И попытался принять бой:

— Но куда же тогда подевалось демократическое устройство общества? Люди утратили право выбирать и решать что-либо за самих себя. Почему все вокруг так омерзительно, почему на улице не увидишь улыбки? С человеком невозможно

поговорить приватно, я не говорю уже по душам, до души просто не достучишься, и чем собеседник моложе, тем глуше в нем переборки и больше эгоизма. Это все результат одной из затей вашего всемирного правительства — отнимать детей у родителей, ссылая их в педцентры…

— Чья бы корова мычала, Джордж! — рассвирепел Хабер. — Педцентры — это ваша личная выдумка, отнюдь не моя! Как обычно, я лишь наметил desiderata своим внушением, так как, попытайся я подсказать вам способ реализации, схему действия, ваше чертово подсознание обязательно извратило бы результат до неузнаваемости. Вам незачем признаваться, что вы негодуете и противитесь всем моим замыслам принести пользу человечеству — это и так было очевидно с первого же сеанса. При любом изменении, к которому я понуждал вас, при каждом совместном шаге вы отыскивали глухие окольные тропы, калеча мои идеи в зародыше. В ответ на каждый мой шаг вы делали свой — невесть куда, но чаще всего назад. А собственные ваши затеи — вообще сплошной негатив! Без жесткого гипнотического контроля над вами мир давно уже обратился бы в прах и подернулся пеплом. Вспомните, что натворили однажды вы сами,

когда слиняли с этой вашей истеричкой…

— Она мертва, — тихо вставил Орр.

— Тем лучше. Эта дамочка оказывала на вас дурное влияние. Лишала чувства ответственности. А вы и так не слишком можете им похвастать. Вам недостает социальной сознательности, Джордж, простого альтруизма, в конце концов. В нравственном смысле вы медуза. При каждом внушении мне приходится восполнять в вас дефицит этих качеств. И всякий раз вы упираетесь, отходите в сторону. Так и в случае с этими педцентрами. Я лишь намекнул, что корень зла, причина всех невротических заболеваний кроется в детстве индивида, в его семейном окружении, и что в совершенном обществе такое положение может и должно быть выправлено. Ваш сон попросту подхватил незрелую идею и, сдобрив ее безумными утопическим концепциями, а возможно, и циничными антиутопическими, выдал на-гора эти дурацкие педцентры как собственную интертрепацию — именно интертрепацию! И все же даже они лучше того, что было прежде, чье место заняли! Известно ли вам, что в мире почти не осталось шизофрении, что она стала заболеванием редчайшим? — Глаза Хабера полыхали темным светом, губы судорожно подергивались.

— Может, в чем-то и стало лучше, чем раньше, — скрепя сердце согласился Орр, уже утративший всякую надежду взять верх в дискуссии. — Только после каждой вашей новой затеи все становится хуже и хуже. И я вовсе не пытаюсь вам перечить, ставить палки в колеса, это именно вы своими попытками совершить невозможное порождаете противление в моем подсознании. Мой дар, он все-таки мой, принадлежит лишь мне, и я знаю, что говорю, ясно осознаю свою ответственность. И вот в чем она — пользоваться им, лишь когда *должно*, когда нет иного выхода, нет альтернативы. А теперь она *есть*. И я вынужден остановиться.

— Но мы не можем прекратить, мы ведь едва начали! Только-только нащупываем контроль над этой вашей энергией. Я способен сделать это, и я это сделаю. Никакие личные переживания и страхи не остановят меня на пути к общечеловеческому благу, которое может принести новое свойство сознания.

Да он одержимый! Орр смотрел Хаберу прямо в глаза, но не находил в них никакого отклика. Хабер в упор ничего не видел и замечать ничего не желал. На него опять накатило.

— Что я замыслил, Джордж, так это сделать

новую способность *воспроизводимой*, ни более ни менее! Тиражировать на манер печатного слова, как и подобает поступать со всеми достижениями науки и техники. Если в другой лаборатории эксперимент или аппаратура невоспроизводимы, в них нет никакого толка, ни на грош. Точно так же, пока сдвиг-фаза заперта в сознании отдельного индивида, пользы в ней, что в ключе за замкнутой дверью, не больше. Отдельная бесплодная мутация, бесполезная игра прихотливых генов. Но я раздобуду ключ. И это станет величайшей вехой в человеческой эволюции, сопоставимой разве что с зарождением собственно разумного сознания. Любой, заслуживающий того, сможет воспользоваться присущей покамест только вам способностью. Когда подходящий и должным образом подготовленный субъект под воздействием Аугментора войдет в сдвиг-фазу, контроль окажется полным, абсолютным. Ничто не будет доверено игре случая, случайному импульсу подсознания, прихоти иррационального нарциссизма. Тогда уж не останется места для разности потенциалов между вашим нигилизмом и моим стремлением к прогрессу, вашей подсознательной нирваной и моим сознательным и педантичным переустрой-

ством мира ради всеобщего блага. Как только я уверюсь в своей технике, я пошлю вас куда подальше, Джордж. Дам вам желанную свободу. Абсолютную свободу. Вы постоянно стенали, что не желаете нести бремя ответственности, что хотите избавиться от проклятого дара. Клянусь, что самым первым моим эффективным сном исцелю вас совершенно — вы никогда больше не увидите подобных снов.

Орр поднялся, глядя на Хабера в упор, он был по-прежнему спокойно сосредоточен.

— Вы вознамерились контролировать свои сны самостоятельно? — спросил он, не скрывая тревожной ноты. — Без посторонней помощи, без чьего-либо присмотра?

— А что вы всполошились? Я приобрел немалый опыт, занимаясь вами. В моем собственном случае, а первый опыт я, разумеется, проведу на самом себе — это ведь абсолютно этично, — контроль окажется полным и совершенным и уж куда лучше, чем с вами.

— Но ведь я уже пытался испробовать самовнушение, еще до наркотиков…

— Да, вы упоминали об этом; естественно, у вас ничего не вышло. Сам по себе вопрос преодоления сопротивления самовнушению некоторый

научный интерес представляет, но ваш случай абсолютно ничего не доказывает. Вы не профессионал, не психиатр, не гипнотизер, вы были взбудоражены всем этим — естественно, результат нулевой. Я же профессионал и знаю, на что иду. Знаю в точности. Я могу внушить себе полноценный сон и увидеть его в мельчайших продуманных заранее подробностях. Для тренировки я проделываю это уже битую неделю, каждую ночь. Когда Аугментор сможет синхронизировать сгенерированное лекало сдвиг-фазы с моими быстрыми снами, они станут явью. А тогда… тогда… — На губах Хабера расцвела странная жутковато-мечтательная улыбка, вынудившая Орра отвести взгляд как от чего-то непристойного. — Тогда мир станет подобен раю, а люди в нем — подобны богам!

— Но мы есть, мы уже есть! — воскликнул Орр, но Хабер словно бы не расслышал.

— Бояться теперь нечего. Опасным было время — нам ли это не знать! — когда один вы обладали способностью сдвиг-эффекта, не имея ни малейшего представления, что вам с этим делать. И кто знает, что случилось бы, не попади вы сюда, в умелые и заботливые руки. Но вас прислали, а здесь был я; гениальность, как говорится, состоит

в том, чтобы оказаться в нужном месте и в нужное время… — Гулкий раскатистый хохот. — Так что теперь опасаться уже нечего, из ваших рук все уплыло. Я знаю, прекрасно понимаю — и с научных позиций, и с точки зрения морали, — что именно собираюсь предпринять. И как осуществить задуманное, знаю тоже.

— Вулканы огнедышать, — вслух припомнилось Орру.

— Что вы сказали?

— Я уже могу быть свободен?

— Только до завтра. А завтра в пять!

— Буду, — ответил Орр и ушел.

10

Только три часа пополудни — в принципе, Орр успевал еще на службу в департаменте паркового хозяйства, да и следовало бы вернуться, чтобы завершить наконец эту тягомотину с планами спортплощадок юго-восточных предместий. Но он не стал возвращаться. Мысль о постылой конторе, угодливых лицах подчиненных, промелькнув, тут же угасла. Невзирая на заверения памяти, что он вот уже пять лет занимается именно подобным делом и именно в этой должности, всем своим нутром Джордж отказывался принять такое положение вещей за чистую монету — нынешняя работа доподлинного отношения к реальной действительности не имела. Это не то дело, каким следовало бы ему заниматься. Не его это работа.

Джордж понимал, что в подобного рода небрежении доброй долей окружающей его реальности, в таком сюрреалистическом отторжении, с каким столкнулся он теперь в самом себе, кроется опасность настоящего безумия, риск окончательно утратить свободу воли. Понимал, что

природа не терпит пустоты и фантазия может заполнить образовавшийся вакуум чем угодно, любыми кошмарами. А вакуум был, существовал *объективно*. Как дуплистому дереву здоровой сердцевины, окружающей Орра действительности катастрофически недоставало достоверности. Сновидение, творя там, где нужды в этом не было никакой, явно поскупилось на декорации. И даже физический вакуум, как альтернатива подобному существованию, возможно, был бы лучше. Орр теперь готов принять за реальность самый невероятный вывих подсознания, готов без удивления встретить на улице любых монстров со всеми их мифологическими атрибутами. Возможно, разумнее отправиться прямиком домой и, позабыв о наркотиках, лечь спать в предвкушении снов лучших, чем этот.

Покинув в центре вагончик фуникулера, Джордж решил не дожидаться трамвая, а размять ноги, прогулявшись через парк. Пешую прогулку он всегда предпочитал дребезжащей механике.

Посреди того, что некогда гордо называлось Лавджой-парком, высились нетленные останки эстакады старого фривея — колоссальная бетонная конструкция, возможно, плод гигантомании семидесятых, последнего ее конвульсивного

всплеска. Когда-то эстакада вела к Маркизову мосту, теперь же обрывалась в воздухе высоко над Франт-авеню. Лишь дивиться оставалось, как удалось уцелеть этому реликту в ходе всеобщей реконструкции после моровой эпохи. Возможно, лишь потому, что столь бесполезное и чудовищное сооружение примелькалось, стало в глазах беспечных американцев как бы невидимкой — именно по причине полной своей неуместности. Сверху эстакада поросла редкими кустиками, пустившими корни в растрескавшийся асфальт, снизу ее бетонные опоры были облеплены убогими лавчонками, как прибрежные скалы ласточкиными гнездами. На этом позабытом городском пятачке, как бы выпавшем из общего потока жизни, они еще сохранились, здесь еще держались на плаву последние независимые торговцы, еще воскурялись малоаппетитные ароматы крохотных экзотических ресторанов — вопреки всему на свете, вопреки тотальной строгости всемирного рационирования пищевых продуктов, вопреки безжалостной конкуренции с торговыми палатами Цемирплана, через которые проходило нынче девяносто процентов мирового товарооборота.

Над входом в магазинчик подержанных ве-

щей гордо сияла облезлой позолотой вычурная вывеска «Антиквариат», ниже клочок бумаги, небрежно прилепленный к дверному стеклу, с корявой надписью от руки: «Принимать всякий утиль». В одной витрине красовался весьма случайный набор аляповатой керамики, в другой — ветхое кресло-качалка, прикрытое траченным молью шотландским пледом. Вокруг этих двух, очевидно, главных экспонатов россыпью иные мелкие образчики материальной культуры человечества: тронутая ржой несбитая подкова, ходики с кукушкой, некое устройство загадочного предназначения, возможно, доильный агрегат, фотография Эйзенхауэра в паспарту, чуть надколотая стеклянная призма с залитыми внутри тремя эквадорскими монетами, пластиковое сиденье от стульчака, затейливо разрисованное крохотными крабами и ламинариями, изрядно замусоленная антология и стопка старых пластинок-сорокапяток хай-фай-класса, помеченных ярлычком «В отл. сост.», но явно запиленных до последнего. В подобном магазине, грустно отметил про себя Орр, и могла бы подрабатывать мать Хитер. Подчинившись внезапному импульсу, он толкнул дверь.

Внутри царили прохлада и полумрак. Лавоч-

ка располагалась впритык к гигантской опоре, экономя на этом одну из стен. Мрачный, изборожденный временем голый бетон придавал интерьеру некоторое сходство с морской пещерой. Бесконечные стеллажи, заставленные литографическими изображениями батальных сцен давно минувших эпох, сувенирными прялками — писк моды середины двадцатого, а ныне и впрямь антиквариат, хотя по-прежнему хлам, — а также всеми прочими неживыми материями, утопали в кладбищенском полумраке, из которого тут же возник неясный огромный силуэт и бесшумно, по-рептильи, надвинулся — хозяином лавочки оказался пришелец.

Он воздел свой левый шарнир на уровень чудовищных плеч:

— Добрый день. Желание приобретать какой-то предмет?

— Благодарю, я заглянул посмотреть.

— Пожалуйста продолжать подобная активность, — прошелестел инопланетянин и, проделав обратный путь в тень, застыл в безмолвии.

Скользнув взглядом по выцветшим переливам копны облезлых павлиньих перьев в горшке, Орр осмотрел домашний кинопроектор выпуска 1950-го, затем полюбовался нарядно выкрашенным

в белое и голубое самогонным аппаратом для сакэ и не спеша порылся в груде замусоленных подшивок журнала «Совриголова», оцененных, впрочем, весьма недешево. Выковырнув из кучи инструментального хлама стальной молоток, он восхитился точностью балансировки — классная вещь, умели же когда-то! Клеймо американское.

— Вы сами это выбирали? — поинтересовался Орр, дивясь тому, как пришельцам порой удается так ловко сориентироваться во всем многообразии хлама, унаследованного от давно минувшей Эпохи Американского Изобилия.

— Что приходить есть приемлемо, — подал голос хозяин.

«Вполне уместный ответ, а также любопытная точка зрения», — отметил про себя Орр.

— Можно спросить у вас кое-что? Не подскажете, что на вашем языке означает словечко *йах'хлу*!

Инопланетянин снова выдвинулся вперед, бережно пронеся свою бронированную тушу посреди хрупких нетленок.

— Непередаваемый. Язык пользоваться для сообщения между индивидуальные личности нет форма для другое отношение. Йор Йор. — Правая конечность существа, клацающая зеленоватая

клешня, выдвинулась вперед медленным и, видимо, учтивым жестом. — Тьюа'к Эннби Эннби.

Орр неловко пожал протянутую клешню. Существо застыло, как бы изучая собеседника, хотя никаких глаз у пришельца под щитком как бы заполненного туманом шлема не наблюдалось. «А есть ли вообще у него голова? Есть ли там под панцирем, под зелеными его доспехами вообще хоть что-либо, хоть какая-то оформленная субстанция?» — невольно подумалось Орру. Неизвестно. Однако непонятно отчего ему вдруг стало легко и просто с этим Тьюа'к Эннби Эннби.

— Я не очень-то на это рассчитываю, — произнес он под воздействием душевного порыва, — но не знали ли вы кого-нибудь по имени Лелаш?

— Лелаш. Жалеть но нет. Ты искать Лелаш?

— Я потерять Лелаш.

— Разминуться в туман.

— Нечто вроде, — печально кивнул Орр. Затем извлек из груды на столе крохотный бюстик Франца Шуберта — два дюйма, типичный учительский приз для старательных учеников музшкол. На обороте шатким детским почерком накарябано: «А мне по барабану». Отрешенно-сосредоточенным лицом композитор напоминал Будду, для чего-то нацепившего пенсне. — Сколь-

ко это стоит?

— Пять в новые центы, — отозвался хозяин.

Орр выудил из кармана федплановский никель.

— Существует ли способ контролировать *йах'хлу*, заставить идти по пути… по должному пути?

Пришелец, приняв монетку, величественным жестом отправил ее в кассу — аппарат столь древний, что ранее Орр принял его за одно из выставленных на продажу свидетельств давно минувшей эпохи. Звякнув его рукояткой, хозяин застыл снова.

— Одна ласточка еще не делать весна, — проронил он наконец. — Взяться дружно, не быть грузно. — И снова смолк, похоже, не вполне удовлетворенный своей попыткой перебросить мостик через пропасть непонимания. Постояв так с полминуты, хозяин шевельнулся, подошел к витрине и, выудив из стопки выставленных в ней пластинок одну-единственную, вручил Орру. Это оказался диск «Битлз» — «А друзья мне чуток пособят».

— Дарение, — сказал пришелец. — Есть приемлемо?

— Да, — ответил Орр, вертя в руках маленькую

пластинку с крупным центровым отверстием. — Спасибо, огромное спасибо! Это весьма любезно с вашей стороны. Я крайне признателен.

— Приятно, — прошелестел коммуникатор хозяина. В безжизненном механическом голосе Орру и впрямь вдруг почудилась нотка удовлетворения, по крайней мере пришелец снова шевельнулся.

— Я смогу послушать пластинку на аппарате своего консьержа, у него как раз есть старый патефон в приличном состоянии, — добавил Орр. — Еще раз большое спасибо.

Они снова обменялись рукопожатием, и Орр откланялся.

«В конце концов, — рассуждал он по пути к своей Корбетт-авеню, — нет ничего удивительного в том, что пришельцы так ко мне добры. Они на моей стороне. Ведь по сути дела я их и придумал. Правда, непросто разобраться, в чем именно эта суть, каков скрытый смысл их появления. И все же пришельцев не было прежде вокруг, а может, и вообще нигде не было, — пока я не увидел тот сон и не позволил им *быть*. Следовательно, между нами существует связь, и всегда имелась, с самого начала.

Но ведь если дело обстоит именно так, — про-

должал рассуждать Орр в такт неспешному своему шагу, — тогда весь мир, какой он сейчас, должен быть на моей стороне. Ведь и его я создал своими снами. Конечно же, он за меня. Именно так, а сам я малая его часть, неотъемлемый атом. Доля неделимая. Как я иду по земле, так и она по мне. Я дышу воздухом, и он уже другой. Я связан с миром нерасторжимо.

Только с Хабером у меня все иначе. И с каждым сном разница ощутимей, контраст все разительней. Он против меня, и наши с ним взаимоотношения добрыми не назовешь. Все те аспекты бытия, за которые ответствен именно он, на сотворение которых он вынудил меня под гипнозом, я и ощущаю как чуждые и вконец лишающие сил…

Но ведь Хабер все же не дьявол. Во многом он прав, человек должен помогать другим, должен сострадать. Только эта его аналогия со змеиной сывороткой насквозь лжива. Речь в ней идет о том, как некто встречает кого-либо попавшего в беду, а это ведь совсем, совсем иное. Возможно, то, что я сделал, что натворил в ту давнюю апрельскую ночь… Возможно ли, что оно было чем-то оправдано? — Как обычно, мысли Орра, избегая бередить живую рану, сами собой пе-

рескочили на другое. — Ты должен помогать людям. Но манипулировать массами, разыгрывая из себя Творца, непозволительно никому. Чтобы стать им, надо понимать, что творишь. А творить добро наобум, только веруя, что ты прав, раз действуешь из благих побуждений… Никуда не годится, этого явно недостаточно. Следует быть… в контакте, что ли. А Хабер как раз не в контакте. Для него не существует никого и ничего — мир он рассматривает лишь как приложение к себе, как довесок к собственным мыслям, к своим безумным затеям, как средство для достижения личной цели. И уже не важно, какова она, эта его цель, пусть даже всеобщее благо, ведь единственное, что есть у нас, — это всего лишь средства… Хабер же никак не может с этим смириться, не может позволить миру *быть* таким, каков он есть… Хабер безумец. И если научится видеть сны, как я, то может всех нас потянуть за собой, вырвать из контакта, из единения с миром… Что же делать мне, что делать?»

С извечным этим вопросом, как всегда безответным, Орр добрался наконец до своих обветшалых хором на Корбетт-авеню.

Прежде чем подняться к себе, он заглянул в полуподвал к М.Аренсу, управляющему, чтобы

одолжить проигрыватель. Пришлось согласиться заодно и на чашку особого чая, который Мэнни всегда заваривал специально для Орра, так как тот не курил и даже дыма не мог переносить без кашля. Потрепались малость о событиях в мире, спортивные шоу в колизее Мэнни не посещал, зато, оставаясь дома, каждый день упивался цемирплановскими детскими телепрограммами для приготовишек. «Этот кукольный крокодил, Дуби-Ду, это, скажу я тебе, нечто особое, что-то с чем-то!» — поделился он своими восторгами. Случались, увы, в беседе и досадные провалы — отражение прорех в сознании Мэнни, результата многолетнего воздействия на его мозг самых невероятных химических соединений. И все равно в этом грязном подвале царили мир и подлинное спокойствие, и под слабым воздействием конопляного чая Орр смог здесь по-настоящему расслабиться.

В конце концов он все же утащил проигрыватель к себе наверх и в пустынной запущенной гостиной воткнул штепсель в розетку. Поставив пластинку на диск, Орр не сразу опустил иглу звукоснимателя. Для чего все это? Чего, собственно, он хочет?

Неизвестно. Может быть, помощи. Ладно уж,

что приходит, то и должно быть принято, как сказал Тьюа'к Эннби Эннби.

Позволив игле аккуратно коснуться первой дорожки, Орр устроился на пыльном полу рядом с проигрывателем.

Ответь, тебе нужен хоть кто-нибудь?

Да, ведь я должен кого-то любить.

Старый аппарат отличался потрясной механикой — когда пластинка кончалась, замирал на мгновение, тихо шурша, затем с негромким клацаньем сам возвращал иглу на начало.

Все у меня будет в полном ажуре, Если друзья мне чуток пособят.

На одиннадцатом повторе Джордж незаметно для самого себя уснул.

Пробудившись в большой сумеречной гостиной. Хитер сперва растерялась — где это она на Земле? И на Земле ли?

Снова задремала, отключилась, сидя на полу спиной к пианино. Это все действие дешевой марихуаны, всегда от нее Хитер тупеет и становится сонливой. Но иначе ведь обидишь отказом Мэнни, этого старого доброго недоумка. Развалившись на полу точно ободранный кот, Джордж дрыхнул у самого проигрывателя, игла которого продолжала медленно пропиливать битловскую

«А друзья мне чуток пособят» как бы в надежде разведать, не записано ли что еще интересного на обороте. Хитер выдернула штепсель, оборвав мелодию на самом начале припева. Джордж даже не шелохнулся — он крепко спал, приоткрыв рот. Забавно, что оба они вырубились, слушая музыку. Хитер размяла затекшие ноги и отправилась на кухню проверить, чем предстоит питаться сегодня.

Ох, ради всего святого, снова свиная печень! Но ведь это единственное приличное по калориям и весу из того, чем можно разжиться на три мясных талона — ей же самой посчастливилось раздобыть эту гадость вчера в продцентре. Ну что ж, если нарезать потоньше, поперчить, посолить покруче да пожарить с лучком — эх-ма! А, к чертям свинячьим, она так голодна сейчас, что готова жрать эту свиную требуху даже сырой, а Джордж и вовсе в еде непривередлив. Одинаково нахваливает и приличную жратву, и поганую свиную печенку. Хвала Всевышнему, сотворившему на земле все благое, включая и покладистых мужиков!

Приводя в порядок кухонный стол, выкладывая затем на него пару картофелин и полкабачка — будущий скромный гарнир, — Хитер время от

времени замирала, похоже, ей все-таки нездоровилось. Что-то непонятное творилось с котелком, какая-то непонятная дезориентация во времени и пространстве. Все, видать, от вчерашней дозы да долгого сна в неудобной позе.

Вошел Джордж — взъерошенный и в замызганной рубахе. Уставился на нее.

— Ну, с добрым утром, что ли! — чуть ворчливо бросила Хитер.

А он все молчал и бессмысленно лыбился, излучая столь чистую и неподдельную радость, что у Хитер вдруг зашлось сердце. И отошло. В жизни ей не делали лучшего комплимента — такой кайф, причиной которому она сама, повергал в замешательство, бросил в краску.

— Женушка моя обожаемая, — выдохнул Джордж и взял Хитер за руки. Взглянув на них с обеих сторон, он прижал ладони любимой к своим щекам. — Тебе следовало быть темнее.

К своему ужасу Хитер заметила слезы на ресницах мужа. В этот миг — и только на миг — она поняла, что имеет в виду Джордж, вспомнила все до последней мелочи: и настоящий цвет своей кожи, и ночную тишину в лесном бунгало, и заполошный ручей по соседству, и остальное — все как фотоблицем озарилось. Но сейчас ее внима-

ние и забота целиком принадлежали мужу, да и так были нужны ему. И Хитер крепко обняла Джорджа. И *все* забыла.

— Ты устал, — нежно шептала она, — ты не в себе, ты уснул прямо на полу. А все этот ублюдок Хабер, будь он неладен! Не ходи больше к нему, что угодно, только не это! И неважно, что он там предпримет, мы вытащим его на публичный процесс, подадим кучу апелляций, оповестим прессу. Пусть Хабер получает свой ордер на принудиловку, на чертову Полиблу, пусть даже добьется отправки в Линнтон — вытащу тебя и оттуда. Нельзя больше ходить к нему, ты просто убьешь себя этим.

— Ничто мне не угрожает, успокойся, — сказал Орр со сдавленным горловым смешком, едва ли не всхлипом. — Хаберу со мной не справиться, во всяком случае пока друзья могут мне хоть чуток пособить. Я вернусь, и все это вскоре закончится. Навсегда. Беспокоиться не о чем, видишь, я ничуть не тревожусь — не переживай же и ты…

Они приникли друг к другу всем телом и замерли в полном и абсолютном единении — под брюзгливое шкворчанье лука и ливера на сковороде.

— Я тоже отключилась на полу, — призналась

Хитер куда-то в шею мужу. — От перепечатывания всех этих тупых бумажек старика Ратти у меня вроде как крыша слегка поехала. А ты молодчина, купил потрясную пластинку, обожаю «Битлз», тащусь с самого детства, но теперь по государственному радио их больше не передают.

— Мне подарили… — начал было Джордж, но в сковороде ахнуло, и Хитер бросилась на спасение их запоздалого завтрака.

За трапезой Джордж как-то странно посматривал на нее, она отвечала спокойным ласковым взглядом. Женаты они были уже полных семь месяцев, но по-прежнему, пренебрегая внешним миром, трепались лишь о милых пустячках, понятных только им двоим. Вымыв посуду, они отправились в спальню и занялись любовью. Любовь ведь не есть нечто незыблемое, вроде краеугольной окаменелости, любовь как хлеб — ее следует возобновлять, выпекать каждый день свеженькую. Когда это свершилось, они уснули в объятиях друг друга, как бы удерживая новую порцию своей любви. И в этом кратком забытьи Хитер вновь услыхала пение лесного ручья, исполненное призрачным контрапунктом голосов неродившихся детей.

А Джордж во сне вновь погрузился в морскую

пучину.

Хитер служила секретарем под началом двух престарелых и никчемных компаньонов, Пондера и Ратти. Отпросившись с работы на следующий день, в пятницу, чуть раньше, в полпятого, она миновала монорельс и трамвай, довозящие до дому, и забралась в вагончик фуникулера, направлявшийся в Вашингтон-парк. Хитер предупредила Джорджа, что постарается подкараулить его на крылечке ЦИВЭЧ, если успеет к пяти, до начала сеанса, а после они смогут вместе вернуться в центр и поужинать в одном из новых цемирплановских ресторанов на аллее Всех Наций. «Все будет в порядке», — сказал тогда Джордж, понимая движущие ею мотивы и имея в виду исход сеанса. «Я знаю, — ответила Хитер. — Тем более приятно будет встряхнуться, к тому же я специально приберегла несколько мясных талонов. И мы с тобой еще ни разу не были в Каза Боливиана».

Она добралась до дворца ЦИВЭЧ как раз вовремя — рассиживаться на мраморной ступеньке не пришлось, Джордж приехал следующим же вагончиком. Хитер сразу углядела его в толпе остальных пассажиров, для нее как бы вовсе незримых. Невысокий, изящно сложенный, с

одухотворенным лицом, он и шагал красиво, хотя чуточку сутулясь, как большинство конторского люда. Когда Джордж поймал взгляд жены, его чистые и светлые глаза просияли такой радостью, а губы разъехались в улыбке столь неподдельной, что у нее вновь перехватило дыхание и дрогнуло сердце. Она любила Джорджа безумно. Если Хабер посмеет причинить ему хоть какой-то вред, мелькнула злая мысль, она прорвется сквозь любую охрану и раздерет доктора на мельчайшие клочья. Насилие чуждо ей, но только не тогда, когда под угрозой судьба любимого. И вообще Хитер чувствовала себя сегодня не вполне в своей тарелке, какой-то другой, переменившейся — покруче что ли, пожестче? В конторе дважды ляпнула вслух «Дерьмо!», заставив едва не подпрыгнуть старикашку Ратти. Прежде она никогда не употребляла подобных словечек, разве что изредка про себя, не собиралась и впредь — а вот на тебе, сорвалось же с языка, словно нечто привычное и само собой разумеющееся…

— Привет, Джордж! — сказала Хитер.

— Привет! — откликнулся он, принимая ее ладони в свои. — Ты прекрасна, прекрасна…

Как только способен кто-то считать Джорджа больным? Что с того, если он и видит свои дурац-

кие сны? Это куда лучше, чем обладать ясным и трезвым рассудком, исполненным одной только злобы да ненависти, как у доброй четверти тех, с кем Хитер доводилось сталкиваться.

— Уже пять, — сообщила она. — Подожду прямо здесь, на ступеньках. Если дождь, спрячусь в холле. Этот его черный мрамор напоминает гробницу Наполеона и такую тоску наводит, бр-р-р. А здесь, снаружи, чудесно. Даже львов из зоопарка внизу слыхать.

— Давай лучше поднимемся вместе, — сказал Орр. — Кстати, похоже, уже моросит.

И действительно, накрапывало, начинался один из бесконечных весенних дождиков — арктические льды проливались на головы детей и внуков тех, кто был виновен в их таянии.

— Приемная у Хабера просто чудо, — добавил Джордж. — Возможно, тебе там придется поскучать вместе с какой-нибудь важной шишкой из Федплана, а то и с губернатором. Все отплясывают джигу вокруг директора ЦИВЭЧ. А я, как самый главный экспонат, всякий раз прохожу без очереди. Ручная мартышка самого доктора Хабера. Главная его гордость. Одна лишь видимость, что пациент…

Он провел Хитер по всему огромному вестибю-

лю, под центральным пантеоном, по стремительно бегущим лентам дорожек и, наконец, вверх по воистину бесконечной спирали эскалатора.

— Если разобраться, то именно ЦИВЭЧ заправляет всей планетой, — заметил Джордж. — Не врубаюсь, отчего Хаберу все еще недостает могущества? На что ему какие-то иные формы? Видит Бог, силы и власти ему теперь не занимать. Почему бы не остановиться? Так нет же, ему еще подавай! Он напоминает Александра Македонского, у того тоже вечно в заднице заноза сидела. Никогда этого не понимал. Но разве в наше время возможно подобное?

Джордж немного нервничал, вот почему говорил необычно много для себя, но ничуть не был подавлен и не казался изнеможенным, как все предыдущие недели. Что-то возвратило ему природную невозмутимость и цельность. Хитер никогда не сомневалась в Джордже, не верила, что решение его проблемы затянется надолго, что он собьется с пути, утратит контакт — даже когда ему случалось оказаться в весьма скверной форме. А сейчас он в порядке, и перемена просто разительна. Хитер терялась в догадках, с чего бы это вдруг. Неужто причина в затянувшихся вчера посиделках в неуютной гостиной под нежную ме-

лодию «Битлз» с немудрящей текстухой? Неужто такая перемена — и лишь из-за этого?

В просторной, вылизанной до блеска приемной почему-то не оказалось ни души. Джордж представился забавному ящику возле двери, киберсекретарю, как пояснил он. Хитер едва успела выжать из себя незатейливую нервную шуточку насчет того, не заменили ли здесь и любовь киберсексом, как дверь распахнулась и на пороге перед ними предстал директор Хабер собственной персоной, целиком заполнив дверной проем.

Хитер видела его лишь однажды, мельком, когда доктор впервые знакомился со своим пациентом, и успела забыть, как он огромен, импозантен и величествен, какой патриаршей обзавелся бородой.

— Проходите, Джордж! — громыхнул великан доктор.

Хитер была просто ошеломлена видом хозяина, трусила отчаянно. И тут он ее заметил.

— О-о, миссис Орр, как я рад! Добро пожаловать! Заходите, заходите тоже.

— О нет. Лучше я…

— О да! Я настаиваю! Известно ли вам, миссис Орр, что сегодня, возможно, наша с Джорджем

последняя встреча? Он не говорил вам? Верно, готовил сюрприз. Последнее дуновение торнадо, завершающий мазок. Так что проходите смело, ваше присутствие никак не помешает. Я сегодня пораньше распустил по домам весь свой персонал. Возможно, вы даже обратили внимание на легкое столпотворение внизу, пока поднимались по главному эскалатору. Будем чувствовать себя полными хозяевами этих хором. Вот сюда, занимайте это кресло, здесь вам будет удобно.

Хабер прошел дальше — очевидно, ни в каких ее ответах на свои словоизвержения он не нуждался. Но Хитер пленилась манерами доктора, своеобразной его экзальтированностью, это при медвежьей-то стати — за всем этим как-то забывалось, с какой мировой величиной, знаменитостью приходится иметь дело. И все же ей казалось совершенно невероятным, что такой великий ученый, один из лидеров человечества, долгие недели возится с ее Джорджем, который по сравнению с доктором просто пустое место. Хотя случай Джорджа, по всей видимости, для науки имеет все же немаловажное значение.

— Последний сеанс, — пробасил Хабер, подкручивая что-то на компьютероподобной панели в стене над изголовьем кушетки. — Один заверша-

ющий контролируемый сон, и тогда, полагаю, нашу с вами проблему как корова языком слизнет. Вы в игре, Джордж?

Он частенько обращался к мужу по имени. Хитер вспомнила, как неделю-другую назад Джордж поделился с ней: «Хабер так часто повторяет мое имя, что невольно складывается впечатление, будто этим он хочет уверить в чем-то самого себя. Возможно, в том, что еще не остался один-одинешенек».

— Да, к вашим услугам, — отозвался Джордж и, улыбнувшись жене, откинулся на спинку кушетки.

Хабер тут же возложил ему на голову нечто вроде короны, соединенной невероятной путаницей проводов с аппаратурой, и поправил какие-то винты. Это напомнило Хитер процедуру выпечатывания энцефалограмм, которую вкупе с целым ворохом прочих тестов ей самой пришлось проходить при получении федплановского гражданства. Ассоциация не из самых приятных. Как будто крохотные пиявки в волосах Джорджа, высасывая его мысли, смогут обратить их на бумажной ленте в бессмысленные и безумные каракули — неопровержимую улику слабоумия. На лице мужа застыла печать глубокой сосредо-

точенности. О чем это он так крепко задумался?

Хабер едва уловимым жестом ухватил Джорджа за горло, как бы собираясь придушить, другой же рукой включил магнитофон. Из динамиков потекла обычная гипнотическая канитель, записанная его же голосом: «Вы расслабляетесь, вы погружаетесь в транс...» Очень скоро доктор остановил ленту и проверил действие внушения — Джордж уже витал в гипнотических эмпиреях.

— Отлично, — негромко заметил Хабер и о чем-то задумался. Огромный, как поднявшийся на дыбы гризли, он переминался на носках между Хитер и расслабленным телом Орра на кушетке. — Теперь слушай меня внимательно, Джордж, и запоминай все дословно. Ты в глубоком трансе и будешь досконально следовать всем моим инструкциям. Когда я скомандую, ты уснешь и увидишь сон, эффективный сон. Тебе приснится, что ты совершенно нормален, совершенно такой же, как все люди вокруг. А также приснится, что когда-то ты обладал — или просто думал, что обладаешь, — способностью к эффективным сновидениям, но теперь это *уже не так*, у тебя больше нет подобного таланта. Начиная с этого момента твои сны ничем не

отличаются от чьих-либо еще, значение имеют лишь для тебя одного и не оказывают никакого влияния на окружающую действительность. Все это должно присниться тебе, а какими там красками и метафорами ты изукрасишь свой сон, особой роли не играет, — его эффективное содержание в том, что ты никогда более не увидишь эффективных снов, этот — последний. Пусть он окажется приятным, чтобы, когда я трижды окликну тебя по имени, ты проснулся свежим и бодрым. После этого сна ты напрочь утратишь способность видеть эффективные сны. А теперь — ложись-ка на спину. Располагайся поудобнее, как тебе нравится. Отлично. Сейчас ты уснешь, ты уже засыпаешь. Антверпен!

С этой последней командой губы Джорджа слабо шевельнулись, и он глухо, как лунатик, что-то пробормотал. Хитер не расслышала, что именно, но в памяти тут же всплыл эпизод из вечера накануне — она тогда сама уже почти забылась следом за Джорджем, как вдруг он отчетливо произнес: «Ветер per annum» note 10 или что-то вроде того; она сразу же переспросила, но Джордж уже спал беспробудно — точно как и сейчас.

---

note notes: Note10
из года в год, навсегда (лат.)

При виде мужа, лежащего на кушетке с безвольно раскинутыми руками, такого бесконечно уязвимого, у Хитер сжалось сердце.

Завершив увертюру, Хабер нажал белую клавишу на пульте агрегата в изголовье кушетки. Часть проводов от головы Джорджа вела к нему, часть, как сообразила Хитер, — к обычному энцефалографу. Стало быть, вот он, этот хваленый Аугментор, вокруг которого весь сыр-бор и разгорелся.

Доктор приблизился к ней, сидящей в глубоком кресле яловой кожи. Хитер давно уже успела позабыть, какова натуральная кожа на ощупь. В принципе почти как винил, только пальцам почему-то приятнее. Хитер испуганно напряглась, она не могла угадать, чего ждать ей теперь от Хабера. Он возвышался над нею, монументальный, точно некий триединый шаман-медведь-кумир.

— Наступает кульминационный момент, миссис Орр, — заговорил доктор, приглушив свой бас. — Кульминация долгой серии тщательно продуманных экспериментов. Именно к сегодняшнему финалу, я бы сказал, финалу-апофеозу, мы приближались столь медленным шагом все прошедшие недели. И я весьма рад, что вы здесь, хотя, признаться, приглашать вас не собирал-

ся. Тем не менее присутствие ваше наверняка прибавило пациенту уверенности, укрепило ощущение подлинной безопасности. Он знает, что откалывать на ваших глазах какие-либо номера я не стану, не так ли? И я абсолютно уверен в успехе, тут уж действительно никаких фортелей. У нас не цирк, здесь все без фокусов. Как только страхи перед сновидениями, обуявшие пациента, рассеются, напрочь исчезнет и наркотическая зависимость. Элементарная причинно-следственная связь… Но пора взглянуть на энцефалограф, пациент, должно быть, уже видит сон, прошу прощения.

Доктор стремительно, вопреки всей своей массе, пересек комнату. Хитер осталась в кресле, издали вглядываясь в отрешенное лицо Джорджа, отрешенное совершенно и безвозвратно — точно таким же мог бы выглядеть он и на смертном одре.

Хабер неотрывно хлопотал над своей машинерией, не обращая больше на Орра никакого внимания.

— Вот, — проронил доктор негромко. «Это он сам с собой говорит, — решила Хитер и не ошиблась. — Вот оно. Сейчас. Вот небольшой разрыв, крохотная пауза второго уровня между

сновидениями. — Доктор подкрутил что-то на стенном пульте. — Пожалуй, предпримем еще одну маленькую проверочку… — Он возвращался к Хитер, и снова ей захотелось раствориться, слиться с обивкой кресла, стать невидимкой. Казалось, доктор вообще не находит в молчании никакого смысла. — Ваш супруг, миссис Орр, сослужил неоценимую службу науке, да и всему человечеству. Совершенно уникальный пациент. То, что мы с его помощью узнали о природе сновидений, об их влиянии, как положительном, так и отрицательном, на терапию, буквально бесценно для жизни во всех ее проявлениях. Вы ведь знаете, с какой целью основан ЦИВЭЧ, помните, наверное: Центр исследования вариантов эволюции человека? Случай с вашим мужем открывает воистину невероятные, буквально беспредельные возможности эволюции человечества, бесконечный путь его совершенствования. Удивительно, чем только может завершиться, казалось бы, заурядное обследование по поводу злоупотребления препаратами! Просто в голове не укладывается. А самое удивительное, что докам из медхрана хватило ума подарить этот случай мне, буквально на блюдечке поднести. Не часто встретишь подобную проницательность у

академиков от психиатрии. — Хабер ни на миг не отрывал взгляда от наручных часов. — Ладно, пора обратно к нашему бэби. — Похлопотав возле Аугментора, доктор громко объявил: — Джордж! Ты спишь по-прежнему, но теперь можешь меня слышать. Можешь слышать и поймешь все, что я сейчас скажу. Кивни, если слышишь.

Голова Джорджа, все с той же миной безучастности на лице, слегка дернулась — как у марионетки на ниточке.

— Хорошо. Теперь слушай внимательно. Сейчас ты увидишь еще один отчетливый сон. Ты увидишь… большую фотофреску на стене — здесь, в моем кабинете. Огромную фотографию Маунт-Худа, сплошь покрытого снегом. Тебе приснится, что эта фреска висит прямо над столом. Приснится ярко и отчетливо. И это все. Сейчас ты уснешь и увидишь сон… Антверпен! — Доктор снова прильнул к аппаратуре. — Ага… — выдохнул он, — вот оно… О'кей… Отлично!

Едва слышно шелестело оборудование. Джордж лежал по-прежнему безмолвный. Даже Хабер, замерев, перестал бормотать себе под нос. Мертвая тишина повисла в большой мягко освещенной комнате со стеклянными стенами, исполосованными дождем. Доктор стоял возле энцефалографа,

не сводя глаз со стены над письменным столом.

Ничего не происходило.

Хитер описала пальцем кружок по упруго-волокнистой обивке подлокотника, по нежной материи, некогда облегавшей живое существо тонкой защитной пленкой между чувствующей плотью и безучастным космосом. В памяти всплыла мелодия вчерашней старинной записи, всплыла и зазвучала уже неотвязно.

Что ты увидишь, когда погаснет свет?

Может, меня среди звезд и планет?

Казалось просто невероятным, что Хабер в состоянии безмолвствовать столь долго, стоять так неподвижно. Лишь однажды его пальцы шевельнулись, поправляя что-то на пульте, — и снова он застыл, вперившись в глухую отделанную деревянными панелями стену.

Джордж вздохнул, вяло поднял руку, уронил снова — и проснулся. Мигая, уселся. И сразу же обратил взгляд на Хитер — как бы желая удостовериться, что она все еще здесь, никуда не подевалась.

Изумленно вздев брови, Хабер молниеносно утопил клавишу на пульте Аугментора.

— Что за дьявольщина? — громыхнул он, всматриваясь в экран энцефалографа, все еще выпи-

сывающего замысловатые зигзаги. — Аугментор продолжает поддерживать стадию быстрого сна. Какого черта вы проснулись?

— Не зна-а-аю, — зевнул Джордж. — Проснулся. А вы разве не велели?

— Как обычно — по парольному сигналу. Но как, черт побери, как удалось вам превозмочь подпитку шаблона Аугментором?.. Похоже, придется прибавить напряжение, для подобных затей его, оказывается, малова-ато… — протянул Хабер, снова погружаясь в беседу с самим собой или, в лучшем случае, со своим электронным детищем. Получив от него, видимо, какой-то удовлетворительный ответ, снова обернулся к Джорджу: — Порядок! Что вам приснилось?

— Что здесь на стене висит фотография Маунт-Худа, прямо над моей женой.

Взгляд Хабера метнулся к стене и вновь вернулся к Джорджу.

— Еще что-нибудь? Предыдущий сон, его запомнили?

— Кажется, да. Погодите, одну минутку… Похоже, снилось, что я сплю и вижу сон, нечто вроде того. Весьма запутанно. В этом двойном сне я находился в магазине… Точно, выбирал себе новый костюм у Майера и Франка, искал голубой, пона-

ряднее — для нового места службы или чего-то в том же роде. Точнее не припомню. Так или иначе, там мне вручили проспект, где в форме таблицы значилось, какой идеальный вес соответствует определенному росту и наоборот. И я оказался точно посередине всех этих шкал для мужчин среднего роста.

— Иначе говоря, угодили в самую что ни на есть норму, — заметил Хабер и внезапно расхохотался. Грянул просто громовым раскатом — Хитер едва не сделалось дурно после томительного напряжения бесконечно тянувшейся ранее паузы. — Великолепно, Джордж, просто великолепно! — Похлопав пациента по плечу, доктор стал снимать с его головы электроды. — Мы сделали это! Приехали! Вы свободны, Джордж, свободны как ветер. Вы понимаете, что это значит?

— Надеюсь, что да, — ответил Джордж без особого энтузиазма.

— Камень с ваших плеч, не так ли?

— И на ваши?

— Именно! На мои! Опять в самое яблочко, Джордж! — Очередной приступ хохота, причем несколько затянувшийся, едва не свалил Хабера с ног.

Хитер подивилась, всегда ли доктор такой или

это свидетельство крайнего возбуждения.

— Доктор Хабер, — сказал ее муж спокойно, дождавшись тишины, — вам не приходилось когда-либо беседовать о снах с пришельцами?

— С альдебаранцами, хотите сказать? Пока не довелось. Правда, Форди из Вашингтона воткнул несколько наших онейрологических тестов в большую серию прочих психологических, но результат оказался нулевым, явная бессмыслица. В этой области у нас с ними абсолютный провал во взаимопонимании. Пришельцы обладают разумом, но, как считает наш ведущий ксенобиолог Ирчевски, природа их разума иррациональна, а то, что мы принимаем за их нормальную социальную абсорбцию, суть разновидность инстинктивно-адаптивной мимикрии. Спору нет, все это еще под большим вопросом. На них ведь не нацепишь датчики энцефалографа. Фактически мы даже не знаем, спят ли они вообще, а о сновидениях уж и говорить не приходится.

— Знаком ли вам термин *йах'хлу*?

Хабер на мгновение замялся.

— Слыхал, слыхал, как же. Непереводимое словцо. А вы решили, что оно означает нечто, связанное со сновидением?

Джордж отрицательно помотал головой:

— Понятия не имею, что оно означает. Я не пытаюсь разыгрывать из себя всезнайку, не утверждаю, что постиг больше других, но мне определенно сдается, что, прежде чем двинуться дальше, прежде чем применять вашу новую технологию, до того, как вы, доктор Хабер, заснете и увидите сон — вам следует побеседовать с одним из инопланетян.

— С кем именно? — В тоне Хабера сквозил ядовитый сарказм.

— Все равно, с любым. Это не играет особой роли.

— О чем же мне следует с ним поговорить, Джордж? — хохотнув, полюбопытствовал Хабер.

Хитер заметила, как озарился, буквально полыхнул взгляд мужа, устремленный на верзилу доктора снизу вверх.

— Обо мне. О сновидениях. О *йах'хлу*. Неважно о чем. Неважно — пока будете слушать. Пришелец сам поймет, что от него требуется. По сравнению с нами у них куда больший опыт во всех этих материях.

— В каких еще материях, Джордж?

— В ваших любимых сновидениях, вернее, в том, одним из аспектов или же граней чего они на самом деле являются. Пришельцы занимаются

этим с незапамятной поры, а может, и вообще с начала времен. Они, собственно, сами как бы выходцы из времени сна, из каких-то иных внепространственных координат. Это непросто понять, а уж выразить словами и подавно не удастся… Понимаете, доктор, не только люди и животные — все сущее видит сны. Затейливая игра форм мироздания суть сновидение материи. Скалам снятся их неспешные сны, плавно изменяющие облик Земли… Но вот когда обретают разум сознательные существа, когда темп эволюции возрастает на порядок, тогда и следует соблюдать особенную осторожность. Беречь и лелеять мир. Изучать пути. Осваивать мастерство, искусство, познавать пределы. Разумное сознание должно стать неотъемлемой частью мироздания, бережно, шаг за шагом вписаться в него, подобно тем же скалам, которым это дано от природы. Вы понимаете, о чем я? Хоть что-нибудь вам это говорит?

— Все, о чем вы толкуете, Джордж, давно уже не новость. Все это было и быльем поросло. Мировая душа и прочее в том же духе. Донаучное знание. Согласен, мистическое учение — один из возможных путей приближения к разгадке природы сновидений или, как мы с вами условились,

реальности, но подобное направление попросту неприемлемо для того, кто привык мыслить четкими научными категориями и оперировать строгими причинно-следственными связями.

— Не знаю уж, насколько это окажется правильным, — сказал Джордж устало, без тени негодования, — но попробуйте — хотя бы из простого научного любопытства, — попытайтесь все же напоследок, прежде чем испытаете Аугментор на себе, прежде чем приступите к самовнушению, когда ваш палец уже коснется клавиш на пульте — попробуйте произнести: *«Вэй'р'перенну»*. Вслух или про себя. Всего один раз. Отчетливо. Попытайтесь, док.

— Для чего же?

— Это должно сработать.

— Сработать? Каким образом?

— Вы получите чуток помощи от своих друзей, — сказал Джордж, поднимаясь с кушетки.

Хитер ужаснулась — то, что нес теперь Джордж, отдавало явным делирием, должно быть, лечение довело, проклятый Хабер, она ведь знала, что все этим и кончится. Но почему же Хабер не реагирует на безумные речи, как положено психиатру?

— *Йах'хлу* слишком велико, чтобы с ним мог совладать кто-либо в одиночку, — продолжал

Джордж. — Оно выскальзывает из слабых человеческих рук. Пришельцы знают, как управляться с ним. Вернее, не управляться, это неточное слово, но держать от себя подальше и следовать верному пути… До конца я так и не понял. Может быть, вам удастся больше. Попросите помощи, док, не стесняйтесь. Произнесите «*вэй'р'перенну*», прежде чем… прежде чем нажмете на клавишу.

— Пожалуй, во всем этом что-то есть, — пробурчал Хабер неожиданно для оцепеневшей Хитер. — Вполне может представлять некий научный интерес. Я прислушаюсь к вашим словам, Джордж, и приглашу сюда одного из служащих альдебаранского культурцентра, тогда и посмотрим, удастся ли нам хоть что-то из него выудить… Что, миссис Орр, для вас это сплошная абракадабра? Ваш супруг, рискну предположить, уже заразился от меня страстью к психиатрическим исследованиям — и боюсь, кончился как конструктор. — «Почему доктор назвал Джорджа конструктором, — подивилась Хитер, — он ведь художник-дизайнер по проектированию парков отдыха?» — А чутье и от природы у него ого-го какое! Никогда бы не додумался подключить к своему проекту альдебаранцев, теперь же сам вижу, что здесь, может статься, и зарыта собака.

Но вы, должно быть, довольны, что ваш Джордж не психиатр и не станет им, не так ли? Непросто иметь супруга, анализирующего ваши подсознательные желания прямо за обеденным столом. Как вы считаете?..

— Хабер гудел и громогласно похохатывал без конца, провожая гостей к выходу, и едва не довел Хитер до истерики.

— Ненавижу, ненавижу его! — восклицала она в ярости уже на спиральном спуске. — Ужасный человек! Лживый насквозь. Здоровенная такая груда фальши.

Джордж прижал жену к себе, приласкал. И не ответил ни слова.

— Но это закончилось, Джордж? Действительно, закончилось? Ты и в самом деле не станешь больше глотать таблетки и посещать эти мерзопакостные сеансы?

— Думаю, да. Хабер подошьет результаты исследований в мою папку, и уже через шесть недель мне выдадут справку об освобождении. Если хорошо буду себя вести. — Джордж устало улыбнулся. — Смотрю, ангелочек мой, эти процедуры подействовали сегодня сильнее на тебя, чем на меня. Хотя я тоже устал и зверски проголодался. Куда пойдем ужинать? Ты хотела в Каза

Боливиана?

— Давай лучше махнем в Чайнатаун, — предложила Хитер и осеклась. И глупо хихикнула. Старый китайский проспект вместе с прочими замшелыми останками центра был снесен подчистую добрый десяток лет тому назад. Как только это могло вылететь у нее из головы? — Я имела в виду заведение Руби Лу, — смущенно поправилась она.

Джордж нежно пожал ей кончики пальцев:

— Договорились.

Добраться туда было проще простого — первая же остановка фуникулера за рекой как раз и находилась в старом Ллойд-центре, до Катастрофы одном из средоточий мировой торговли. Ныне многочисленные монстры его автопарковок отправились следом за динозаврами, а большинство магазинчиков двухэтажного пассажа слепо таращились выбитыми и наспех заколоченными витринами. Закрытый каток не заливался уже лет двадцать и позабыл, что такое лед. Давно не журчала вода и в авангардистски причудливых конструкциях бронзовых фонтанов. Буйно разрослись запущенные декоративные деревца, вздыбив своими корнями асфальт далеко за пределами аккуратных цилиндрических бордюров.

Голоса и шаги немногочисленных прохожих гулким эхом отдавались под заброшенными ветхими сводами пустынных галерей.

Заведение Лу располагалось в самом верхнем ярусе, и снизу его стеклянный фасад за развесистой кроной каштана почти не просматривался. Небо высоко над головой нежно отливало салатовым — тем редким цветом раннего весеннего вечера, какой выдается, когда сразу после дождя выглянет заходящее солнце. Хитер подняла взгляд к бесконечно далеким нефритово-прозрачным небесам, сердце ее вдруг дрогнуло, охваченное неясным и странным томлением, как бы желанием покинуть старую свою оболочку, словно змеиную кожу, но блажь эта оказалась мимолетной. А взамен Хитер тут же ощутила явственный внешний толчок, сдвиг, некое сгущение воздуха — она даже оглянулась, чтобы проверить, уж не зацепилась ли за что-нибудь блузкой. Весьма странное место.

— Как-то мрачновато здесь. Призраки вокруг, что ли? — посетовала она.

Джордж пожал плечами, но лицо его приняло напряженно-озабоченное выражение.

Налетел ветер, слишком жаркий для апрельского вечерка, дохнул в лицо влажным теплом,

зашелестел бесчисленными свечами каштанов и рассеялся в забытых людьми проулках пассажа. Красная неоновая вывеска заведения Лу за могучими ветвями стала вдруг терять свои очертания, корчиться и расплываться, не призывая более отведать кулинарных изысков старины Лу, она вообще не звала больше никого и никуда. И все остальное вокруг внезапно стало терять значение, утрачивать всяческий смысл. Ветер, словно продув некое дупло в пространстве и как бы вплеснув пустоты, усугубил окружающее запустение. Хитер, с глазами на мокром месте, инстинктивно дернулась к ближайшей стене, чтобы спрятаться от неведомой, непонятно откуда исходящей угрозы.

— Что с тобой, любовь моя?.. Все в норме, держись меня и ничего не бойся.

«Это я схожу с ума, не Джордж, — мелькнула мысль, — и прежде он был вовсе ни при чем, все я сама».

— Все будет хорошо, успокойся, — шепнул он еще раз, привлекая жену к себе, но в голосе его уже не звучала былая уверенность, не ощущалось ее более и в объятиях.

— Что-то не так! — отчаянно вскрикнула Хитер. — Джордж, что стряслось?

— Еще не знаю, — ответил он едва ли не рассеянно, задрав куда-то вверх голову и машинально продолжая успокаивать Хитер.

Казалось, Орр вглядывается в невидимое и вслушивается в беззвучное. Хитер всей кожей ощущала гулкие и размеренные удары сердца в неширокой его груди.

— Послушай, Хитер. Мне придется вернуться, — проронил он наконец.

— Куда вернуться-то? Что, собственно, происходит? — Голос ее срывался чуть ли не на визг.

— К Хаберу. Я вынужден. Теперь же. Подожди меня — в ресторане. Дождись меня. Хитер. Не ходи следом.

Джордж удалялся. Она должна быть с ним. Он уходил не оглядываясь, сбегал по бесконечной лестнице под гулкими пролетами арок, мимо иссохших фонтанов — к остановке фуникулера. Вагончик поджидал, это была конечная, он заскочил внутрь с ходу. А когда вагон уже отходил от платформы, Хитер с разрывающимся сердцем и жаром в легких успела запрыгнуть ровно чудом.

— Какого дьявола, Джордж?

— Прости, любимая. — Он тоже отчаянно запыхался. — Я просто обязан вернуться. И не хотел впутывать тебя во все это.

— Во что впутывать? — Ее вдруг охватила неистовая злость. Они сидели лицом друг к другу, пыхтя и отдуваясь. — Что за идиотский спектакль ты устроил, что это за цирк на дроте! И для чего тебе туда возвращаться?

— Понимаешь, Хабер, он сейчас… — Голос Джорджа пресекся. — Он видит сон.

Где-то в самой глубине души Хитер шевельнулся дремучий ужас — но она подавила его.

— Хабер видит сон. Ну и что с того?

— Выгляни в окно.

До сих пор Хитер не отрывала глаз от мужа — и во время безумной гонки за ним, и здесь, в вагоне. Фуникулер болтался теперь над рекой, над ее водной гладью — но… не было более никакой водной глади, река внезапно иссякла, распахнула чрево, выпятила в свете фонарей на мостах и набережных всю свою донную грязь, мерзкий вонючий ил, ошметки жизнедеятельности, ржавые железяки и дохлую рыбу. Гигантские корабли задрали кили возле резко выросших осклизлых стен доков.

Сооружения центральной части Портленда, неформальной столицы мира, все эти грандиозные кубы из стекла и бетона, нарядно перемежаемые зелеными насаждениями, твердыни

мировой власти, оплоты науки, связи, индустрии, экономического планирования, общественного контроля — все прямо на глазах оседало и таяло. Стены зданий, зыбкие и влажные, как позабытая на солнце медуза, складывались и опадали, оставляя после себя в воздухе жирные кремовые мазки.

Вагончик фуникулера мчался теперь невиданно быстро, проскакивая все положенные остановки — что-то, видимо, стряслось и с тросом, безучастно отметила про себя Хитер. Пассажиров бешено мотало над растворяющимся городом, впрочем, достаточно низко, чтобы расслышать скрежет вселенского распада и вопли ужаса.

Когда вагон поднялся выше, в поле зрения Хитер, прямо над плечом сидящего лицом к ней супруга, всплыл Маунт-Худ. Джордж, должно быть, заметил грозовые сполохи на ее помертвелом лице или в широко раскрытых глазах и обернулся на миг, чтобы окинуть взглядом колоссальный опрокинутый конус смертоносного пламени.

Вагон мотался в бездне между теряющим очертания городом и бесформенным небом.

— Все как-то не так идет сегодня, совершенно не так, — донеслось из дальнего конца вагона

брюзгливое пронзительное контральто.

Вспышка извержения была чудовищна и прекрасна. Колоссальная геологическая энергия вулкана, копившаяся тысячелетиями, как бы подчеркнула призрачность конечной цели их маршрута — пустоту пространства вокруг дворца цивэч.

Недобрые предчувствия, посетившие Хитер в пассаже Ллойд-центра, вернулись, нахлынули с новой силой. Это было здесь, оно присутствовало повсюду вокруг, высасывало душу леденящим вакуумом — неизмеримая сущность без признаков и свойств, куда проваливалось все и вся без возврата. Это было ужасно, это было само Ничто. Это был Неправильный Путь.

Именно туда и отправился Джордж, выскочив из вагона на конечной остановке. Обернувшись на ходу, он махнул рукой и прокричал:

— Не смей ходить за мной дальше. Хитер! Жди здесь, никуда не отходи!

И хотя женщина на сей раз подчинилась, *это* добралось до нее, оно разрасталось слишком быстро. Чувствуя, как ускользает предметный мир, Хитер дернулась в приступе панического страха и сама истаяла в нем, отчаянно выкрикивая имя мужа, последнюю свою надежду, изошла

безголосым, беззвучным криком — пока не взвихрилось мутным шаром собственное ее бытие и не кануло в мрачную безводную пучину на веки вечные.

Усилием воли, колоссальным напряжением сил Джордж Орр прокладывал себе правильный путь сквозь всеобщий распад. Уже ничего не видя, он стопами нащупывал мраморные ступени парадной лестницы ЦИВЭЧ. Вместо ступеней взору представали лишь грязь, туман, истлевшие трупы да бесчисленные мелкие и крупные гады, Орр шагал прямо по ним. Дохнуло космическим хладом, смешанным с доменным жаром и смрадом паленой плоти. Орр пересекал вестибюль, буквы афоризма, бегущего по фризу, оплывали на глазах: ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ЧЕЛОВЕ-Е-Е…, буква «Е» упорно цеплялась за выступ хилыми своими грабельками. Орр ступил на совершенно уже невидимую бегущую ленту спирального эскалатора, ведущую в ничто и поддерживаемую лишь силой его собственного воображения. И даже не зажмурился, взлетая ввысь.

Полы верхнего этажа покрывала неровная ледяная корка толщиной с палец, абсолютно прозрачная — сквозь нее уныло перемигивались созвездия Южного полушария. Орр смело

наступил на них, и звезды звякнули дружно, но фальшиво, как надтреснутые бубенцы. Смрад тления сгустился, у Орра перехватило дыхание, он шагал вслепую, широко расставив руки. Дверь в офис Хабера где-то совсем рядом, даже не видя, он сумеет нащупать ее. Вдали завыли голодные волки, и жаркая лава подхлынула к городу.

Он добрался до последней двери и одним рывком сумел ее распахнуть. За порогом взору предстало клубящееся Ничто.

— Помогите! — вскрикнул Орр, чувствуя, как накатывает бессилие и нет больше мочи устоять перед пастью ненасытной пустоты. А ведь еще надо добраться до противоположной стены.

Словно золотистая пыль заклубилась в сознании — перед мысленным взором цепочкой предстали Тьюа'к Эннби Эннби, крохотный бюстик Шуберта, гримаска Хитер — «Какого дьявола, Джордж!». И это последнее помогло, Орр сумел пересечь пустоту. Уже вступив в нее, знал, что утратит все и вся.

Он заглянул в самое око кошмара.

И это оказался мглистый холод, мертвая зыбь, мутная пульсация тьмы, сотканной из материй страха, эпицентр смертельного ужаса, раздирающего душу в мелкие клочья. Орр знал, где искать

Аугментор, он простер мертвеющую свою десницу, он дотянулся. Нащупав нижнюю клавишу, резко нажал.

И осел на пол, смежив веки, и съежился в комок — уступая невыносимому натиску страха. Когда сумел открыть глаза и оглядеться, мир вновь стал проявляться, точно фотопластинка. Он был удручающе жалок, этот мир, и все же он *был*.

Нарядные стенные панели ЦИВЭЧ исчезли бесследно, уступив место замызганным стенам заурядного офиса, в котором Орр прежде никогда не бывал. Хабер лежал пластом на кушетке, бородой в потолок, бородой вновь рыжевато-каштановой. Кожа его, утратив серый оттенок, вернула себе прежний молочно-розовый цвет. И отсутствующий, неосмысленный взгляд приоткрытых глаз тоже упирался в потолок.

Орр содрал с головы доктора шлем вместе с клубком змеящихся к Аугментору проводов. Он взглянул на аппарат — все дверцы кожуха нараспашку. «Надо бы Аугментор сломать», — вяло подумал Орр, но не нашел в себе на то ни сил, ни желания. Разрушение не по его части, к тому же машина виновна в случившемся меньше, чем любая бессловесная тварь. Она лишь исполняла недобрую человеческую волю.

— Доктор Хабер! — Орр подергал доктора за массивное плечо. — Доктор! Проснитесь! Эй!

Здоровенное тело слабо шевельнулось, доктор медленно приподнялся и сел. Но это был уже не прежний Хабер — некогда гордая его голова вяло тонула теперь в массивных плечах, нижняя челюсть отвисла, роняя слюну, глаза тупо вперились в вакуум, в небытие, угнездившееся в душе бывшего Уильяма Хабера, они утратили живой агатовый блеск, они были стеклянно пусты.

Орр отшатнулся, ему стало дурно, он бросился прочь…

«Хаберу нужна помощь, — дятлом стучало в виске, — его нельзя оставлять одного, срочно нужно кого-то позвать, вызвать неотложку…» Проскочив незнакомую приемную, Орр сбежал по ступенькам. Он прежде никогда не бывал в этом здании и даже представления не имел, где находится. Когда оказался на улице, догадался, что вокруг вроде бы Портленд, но и все тут. Где-то по соседству, прикинул Орр, должен находиться Вашингтон-парк или Западные холмы. Но улица квартал за кварталом оставалась совершенно неузнаваемой.

Пустота души Хабера, вырвавшись из дремлющего сознания наружу в виде эффективного

кошмара, разрушила связи. Преемственность между мирами, всегда более или менее соблюдавшаяся в сновидениях Орра, прервалась теперь окончательно. И в действие вступил всемогущий Хаос. У Орра не оставалось почти никаких связных воспоминаний о жизни в этом новом континууме. Почти все его знания об окружающем мире складывались теперь как наследие иных его воплощений, иных снов.

Прочим людям, менее зрячим, чем он, возможно, легче будет приспособиться к подобному сдвигу существования, но, не получив никаких разъяснений и увещеваний, они окажутся также легче подвержены и панике. Они обнаружат свой мир изменившимся катастрофически, внезапно и необъяснимо — без всяких на то видимых причин. Да, сновидение доктора Хабера принесет людям немало злых бед и горького горя.

И потерь. Утрат.

Орр знал, что снова потерял свою Хитер, знал уже с того момента, когда с ее мысленной помощью преодолел страх перед *пустотой*, окружающей спящего доктора. Жена исчезла, растворилась вместе с миром серых людей и гигантской иллюзией здания, к которому он так стремился, бросив ее совсем одну посреди ги-

бельных кошмарных турбуленций. Хитер более не было.

Орр уже не пытался позвать кого-то на помощь Хаберу. Доктору ничем не поможешь. Как, впрочем, и ему самому. Орр и так уже сделал все, что только мог. Он шагал теперь по причудливо искривленным улочкам, лишь по угловым табличкам определяя, что находится где-то в северо-восточных кварталах. Орр и прежде здесь не очень-то ориентировался. Его окружали убогие приземистые строения, а на перекрестках открывался вид на Маунт-Худ. Извержение уже закончилось, вернее, оно вообще здесь не начиналось. Сумеречно-фиолетовый конус, спокойно дремлющий, вздымался к вечереющему апрельскому небу. Вулкан беспробудно спал.

Сны, сны, сны — сновидения.

Орр петлял без всякой видимой цели, шагая то по одной улочке, то по другой. Он бесконечно устал и порой даже хотел присесть, а то и прилечь прямо на тротуаре, чтобы перевести дух, и держался из последних сил. Похоже, он все-таки приблизился к деловым кварталам, и скоро набережная. Город, отчасти разрушенный, отчасти трансформированный, куча мала из осколков грандиозных прожектов и незавершенных вос-

поминаний, кишел и роился, как бедлам, новый Вавилон, пожары и безумие блохами перескакивали от дома к дому. И все же многие прохожие с отрешенными лицами спешили, очевидно, по своим обычным житейским делам. Двое громил сосредоточенно потрошили витрину ювелирной лавки, а мимо них с орущим краснощеким младенцем на руках безучастно проходила дамочка, определенно торопясь к себе домой.

Где бы ни был теперь этот дом.

11

Свет (звезды) вопросил Небытие: «Ты есть, или нет тебя вовсе?» И не дождался ответа…

«Чжуан-цзы», XXII

Пытаясь в эту безумную ночь держаться верного пути сквозь предместья Хаоса к родимой Корбетт-авеню, Джордж утратил всякое представление о времени. Он был уже сам не свой, на самой грани отчаяния, когда дорогу внезапно заступил пришелец с Альдебарана. И предложению идти следом, выраженному весьма непреклонно, Орр покорился безропотно, почти бессознательно. Лишь спустя какое-то время, совершенно изнеможенный, Орр вдруг сообразил поинтересоваться, не зовут ли спутника Тьюа'к Эннби Эннби

— вопрос был чисто риторическим, продиктованным остатками присущей ему вежливости, — но выслушать и понять старательно составленный ответ: «Личность называющийся Йор Йор есть приглашаемый гоститься к личность называющийся Э'нимемен Асфах»,

оказался уже совершенно не в силах. Джордж целиком сосредоточился на одном — удержаться бы на ногах.

Пьяно ковыляющего Орра привели в квартиру где-то на набережной, машинально он еще отметил скромную вывеску велосипедной мастерской по соседству и за ней другую, понаряднее — «Миссия Неизменной Надежды на Благую Весть», сегодня там, похоже, яблоку негде упасть. Должно быть, в этот вечер здесь, в Портленде, как и во всем остальном свете, извлекали из бабушкиных сундуков траченных молью богов и идолов всех сортов и мастей, протирали от пыли и умащали, чтобы подвергнуть затем самому пристрастному допросу. И всем им с той или иной степенью деликатности предлагался один и тот же вопрос: что стряслось с миром в промежутке между 6:25 и 7:08 пополудни по стандартному тихоокеанскому времени?

Пока Орр с пришельцем взбирались (а Орр скорее карабкался) по крутой темной лестнице на второй этаж, звук их шагов елейным диссонансом заглушал доносящийся снизу псалом «Столпы веков». В квартире хозяин сразу же витиевато предложил валящемуся с ног гостю занять единственную кровать.

— Сон есть возможность заштопывать где прохудиться рукав от ткань подопечность, — деликатно, но весьма туманно пояснил он.

— Во сне случается видеть сны — вот ведь где собака зарыта, — едва шевеля непослушными губами, ответил Орр. Что-то в манере речи хозяина показалось не вполне обычным, но понять, что именно, сил уже недостало. — А вы-то сами где уляжетесь? — спросил он еще, тяжело оседая на кровать.

— Ни где, — отозвался пришелец, четко разделив своим безжизненным голосом слово «нигде» на две равно значимые половинки.

Орр скорчился в три погибели, пытаясь избавиться от опостылевшей обуви, мелькнувшая было мысль раскинуться на чистом нарядном покрывале как есть показалась ему недопустимой, верхом неприличия — и тут же испытал дичайший приступ головокружения.

— Господи, как же все-таки я устал, — посетовал он. — А ведь немало потрудился сегодня. Вернее, кое-что сделал. Если же до конца быть честным, то всего лишь одно. Нажал на кнопку. И каких же адских усилий, какого жуткого напряжения воли потребовала эта единственная кнопка, проклятый выключатель.

— Ты прожить достойно, — заметил хозяин.

Пришелец по-прежнему высился в углу статуей командора, собираясь, очевидно, простоять так до конца времен.

Его там вовсе нет, вдруг подумалось Орру, точно с тем же успехом он мог бы сидеть или лежать, ведь для персонажа сновидения это все едино. Пришелец здесь лишь в том совершенно абстрактном смысле, что каждый где-то все-таки есть.

И Орр улегся. Он явственно, как некую защитную волну, ощущал жалость и милосердие, исходящие от фигуры в темном дальнем углу. Существо определенно видело его, но не глазами, как лишенные панцирей и потому недолговечные существа из плоти и крови, как видит нечто беспредельно уязвимое, брошенное на волю стихий в бездну всемогущего вероятия, нечто совершенно беспомощное. Орр не тревожился. Он нуждался в поддержке. Изнеможение брало свое, захлестывало с головой, он медленно утопал в нем, как в морской пучине.

— *Вэй'р'перенну*, — шепнул он непослушными губами, уступая неодолимому сну.

— *Вэй'р'перенну*, — беззвучным эхом откликнулась из угла темнота.

Орр спал. И видел сны. Сны без каких-либо преткновений, без скелета в шкафу. Волны снов, точно мягкие волны открытого моря вдали от любых берегов, омывали проникновенной мудростью и абсолютно ничего не меняли. Они исполняли неспешный свой танец среди иных волн в безбрежном океане бытия. И еще сквозь сон Орра с очаровательно-неуклюжей грацией неутомимо скользили гигантские галапагосские черепахи, погружаясь в родные стихии.

Пришло лето. Деревья нарядились в необычно пышную листву, и воздух был напоен ароматом роз. По всему городу, как в незапамятные времена, поднялся на колючих своих стеблях и буйно зацвел неистребимый сорняк, исстари именуемый портлендской розой. Положение выправлялось. Восстанавливалась экономика, люди вновь взялись за газонокосилки. Каждый возделывал свой сад.

Орр находился в федеральном приюте для душевнобольных в Линнтоне, чуть к северу от Портленда. Здания приюта стояли на высоком обрывистом берегу, откуда открывалась восхитительная панорама на Вильяметту, украшенную элегантной готической диадемой моста св.Джонса. В конце апреля — начале мая здесь произошло

чудовищное столпотворение, приют оказался не в силах вместить всех нуждающихся в исцелении после известных событий, окрещенных с легкой руки безвестного журналиста Великим Разломом. Но сейчас все уже вернулось в рутинное русло и привычно неприятную — койки в коридорах — норму.

Высокий санитар с удивительно тихим для такого здоровяка голосом сопровождал Орра к одноместной комнате в западном крыле. Металлическая дверь в корпус, как и двери всех комнат, была оборудована наблюдательным окошком на уровне глаз и не имела ручки.

— Не то чтобы от него так уж много хлопот, — сообщил санитар, отворяя дверь в коридор, — он сам отнюдь не буйный. Беда лишь в том, что в его присутствии в неистовство впадают все остальные. Мы пробовали различные способы лечения, и безуспешно. Все по-прежнему его боятся, никогда еще с подобным я не сталкивался. Пациенты частенько причиняют друг другу беспокойство, ночные истерики и прочее в том же роде, но это — это совсем уж из ряда вон. От *него* просто шарахаются. Лбом вышибить дверь готовы, лишь бы избавиться от такого соседства. А все, что он делает — просто тихо лежит себе пластом. Скоро

и сами все увидите. Думаю, больной даже не осознает, где находится. Вот мы и пришли. — Верзила отпер дверь и заглянул в комнату. — Доктор Хабер, к вам посетитель!

Хабер исхудал страшно, бело-голубая полосатая пижама висела мешком. Лишенный пышной гривы и значительной части бороды, доктор, впрочем, выглядел вполне опрятно. Он сидел на кровати и таращился в пустоту.

— Доктор Хабер! — воззвал к нему Орр дрогнувшим голосом, ощущая мучительную жалость вперемешку со страхом. Он-то знал, куда направлен взгляд пациента, он видел это все своими глазами, в том мире — после апреля 98-го. И понимал, что все, окружающее ныне доктора, — лишь скверный сон, для него и для всех.

Вдруг припомнилась птичка из поэмы Томаса Элиота, уверявшая, что людям не под силу бремя реальности — птаха явно заблуждалась, человек до восьмидесяти лет может тащить на закорках вес целой Вселенной. А вот отсутствие этого бремени явно ему не по плечу.

Хабер потерян, он уже окончательно вне контакта.

Орр снова открыл рот, но слов не нашел. Помявшись с минуту, вышел. Санитар тщательно

запер за ним дверь.

— Просто не могу, — пожаловался ему Орр. — Путей к нему нет.

— Нет путей, — тихим эхом подтвердил служивый. И уже дальше по коридору участливо заметил: — Доктор Вальтерс уверяет, что прежде пациент подавал большие надежды как исследователь.

В Портленд Орр решил возвратиться по реке. Транспортное сообщение все еще сильно хромало, никак пока не склеивалось — былая единая система распалась на беспорядочные осколки. Колледж «Буколическая свирель», например, сохранил под собой сабвей-станцию, но не саму подземку. Фуникулер, прежде курсировавший до Вашингтон-парка, обрывался теперь на полдороге, у входа в туннель, который нырял под Вильяметту и завершался там глухим тупиком. Предприимчивые лодочники тут же наладили регулярное сообщение вдоль и поперек Вильяметты с Колумбией, и добираться до Портленда из таких мест как Линнтон, Ванкувер и Орегон-Сити, стало теперь удобнее всего по воде. К тому же это оказалось куда приятнее, чем прежде подземкой.

Чтобы смотаться в федеральный приют, Орр воспользовался перерывом на ленч, прихватив

часок-полтора лишку. Нынешнего его работодателя, Э'нимемена Асфаха, трудовая дисциплина заботила мало, он тревожился лишь за результаты, конечный продукт. А когда ты выполнишь норму, личное твое дело. С большей частью своей Орр справлялся в уме, лежа по утрам часок-другой в блаженной дреме.

Было три, самое начало четвертого, когда Орр вернулся в «Кухонную раковину» и вновь устроился за кульманом. Асфах в торговом зале, как обычно, подкарауливал клиентуру. Штат из трех работавших на него дизайнеров обеспечивал постоянными заказами целый ряд мастерских, производящих по их эскизам кастрюли, чашки, вилки — любую кухонную утварь, кроме сложных устройств типа холодильников. Промышленность и торговля пришли в момент Разлома в полное расстройство, и при попустительстве вконец отчаявшихся правительств точно грибы стали возникать новые мелкие производства, да и прежние развернулись вовсю. Значительное число их в Орегоне возглавили пришельцы, весьма склонные к изготовлению различных необходимых мелочей, они оказались прекрасными менеджерами и непревзойденными дилерами, землян же нанимали лишь на подсобные работы

— те, что непременно требовали приложения искусных человеческих рук. Правительство, разобравшись, что в отличие от соотечественников пришельцы не умеют уклоняться от налогов, протежировало им вовсю, и экономика оживала буквально на глазах. Уже вновь заходила речь о Великом Американском Товаре, а президент Мердли, неизменный как наваждение, публично клялся к Рождеству побить все былые рекорды.

Асфах нос держал строго по ветру, и «Кухонная раковина» вскоре прославилась на всю округу своей прочной посудой и бросовыми ценами. С самого дня Разлома домохозяйки, обнаружив самих себя в новых стенах, среди непривычной обстановки, не переставая рыскали по магазинам в поисках подходящей утвари, и, случалось, торговый зал просто ломился, не вмещая всех желающих.

Орр как раз сравнивал деревянные шаблоны будущих разделочных досок, когда из зала донесся чуть скрипучий голосок одной из них:

— Пожалуй, я возьму одну из этих веселок.

Тембр ее голоса напомнил о безвозвратно утраченной Орром жене, и он не удержался, выглянул в зал. Асфах демонстрировал что-то невысокой негритянке лет тридцати с короткой курчавой

стрижкой и затылком изящной лепки.

— Хитер! — воскликнул Орр, делая шаг вперед и все еще не веря своим глазам.

Женщина обернулась. Хитер, а это была и впрямь она, долго всматривалась в него, чересчур долго.

— Орр? — сказала она наконец. — Джордж Орр, кажется? Боюсь, мне не припомнить, откуда я вас знаю…

— Мы познакомились… — Орр замешкался. — А вы часом не адвокат?

Э'нимемен Асфах застыл в своей зеленой броне с веселкой в клешне.

— Нет, не адвокат. Юридический секретарь. Работаю у Ратти и Гудхью в Пендлетон-билдинг.

— Значит, именно там. Я был там у вас однажды. А вам… вам это понравилось? Сделано по моему эскизу. — Орр вынул из коробки и повертел в руках еще одну веселку. — Видите, как сбалансирована? И действует отлично. Обычно их изготавливают или слишком упругими, или слишком увесистыми. Французы, правда, тоже неплохо умеют.

— Выглядит очень мило, — ответила Хитер. — У меня есть старый электромиксер, но такую вещь я тоже не прочь повесить себе на стенку. А вы,

стало быть, трудитесь здесь? Раньше как-то не замечала. Вспомнила теперь! Вы заходили в наш офис на Старк-стрит в поисках доктора по добровольной терапии.

Орр терялся в догадках, что именно она вспомнила и как соотносится это с его собственным слоеным пирогом воспоминаний.

Он ведь был женат на серокожей Хитер. Поговаривают, что в мире изредка еще встречаются люди такого цвета кожи, особенно на Среднем Западе и в Германии, подавляющее же большинство снова расцветились как прежде. Пусть его жена и была серой, но куда нежнее, деликатнее, чем эта женщина, вдруг подумал он. Эта Хитер, вооруженная тяжелым портфелем с латунными углами и, похоже, полупинтой бренди внутри, колючая противоположность той, прежней. Его жена отнюдь не была агрессивной, мужественной — да, пожалуй, но, главное, нежной и застенчивой. Эта, прямая и резкая, должно быть, куда стервознее…

— Да, верно, — ответил он. — Еще до Разлома. Мы даже… Вспомните, мисс Лелаш, ведь мы с вами даже свидание как-то назначили. В перерыве на ленч, в забегаловке Дейва, на Энкени. Так потом и не встретились.

— Я не Лелаш, то моя девичья фамилия, сейчас я миссис Эндрюс. — Она разглядывала Орра с нескрываемым любопытством.

А он стоял, медленно постигая новые черты реальности.

— Правда, муж погиб на Ближнем Востоке, — добавила Хитер.

— Да, — сказал Орр.

— А вы, значит, дизайнер всех этих милых вещиц?

— Значительной части. Инструменты — все мои. Кастрюли, иная мелкая утварь. Вот, взгляните, как вам это покажется? — Он извлек чайник с медным дном, массивный, но вполне элегантный, пропорциями схожий с корпусом парусника.

— Кому такое не понравится? — подивилась Хитер, принимая его в руки. Повертев, восхитилась еще раз: — Обожаю подобные вещицы!

Орр удовлетворенно кивнул.

— Вы настоящий художник! Это просто чудо!

— Мистер Йор Йор есть наш главный эксперт по предметность, — подал свой механический голос хозяин заведения.

— Послушайте, я вспомнила, я все вспомнила! — просияла вдруг Хитер. — Ну конечно же, это случилось еще до Разлома, вот почему у меня в

голове такая каша. Вы ясновидец, то есть, я имею в виду, вы утверждали, что события ваших снов становятся правдой. Правильно? А доктор заставлял вас видеть их все чаще и чаще, и вы стали искать такой способ уклониться от «добровольки», чтоб не попасть взамен на «принудиловку». Видите, я все, все вспомнила! Так вам удалось получить направление к другому психиатру?

— Не-а. Но я все же легко отделался, — ответил Орр и весело засмеялся.

Хитер его поддержала.

— А как же все-таки с вашими загадочными сновидениями?

— А-а… Просто пошел себе и заснул!

— Я думала, что вы можете изменить весь мир. Эта каша вокруг — случайно не ваших рук дело, вернее, ваших снов?

— Увы, это было неизбежно, — ответил Орр.

Если честно, Джордж мог бы уменьшить путаницу в мире, но теперь это его ничуть не занимало. В конце концов, он ведь обрел свою Хитер. Он искал ее долго и мог искать еще, так же безуспешно, как и в прежних снах, но он вернулся и нашел утешение в труде, что оказалось непросто, но это была работа по призванию, а сам он — человек терпеливый. Теперь же его ти-

хому невыплаканному горю настал конец. Хитер снова с ним — порывистая, угловатая, непокорная и хрупкая незнакомка, и ее снова предстоит завоевать.

Но он ведь знает ее, давно знает свою незнакомку, знает, как разговорить ее, как зажечь на ее лице улыбку.

И Орр нашелся — без проволочек.

— А не выпить ли нам с вами по чашечке приличного кофе? — предложил он отважно. — Здесь совсем рядом есть весьма уютное местечко. И у меня как раз время перерыва.

— Ну да, врете, небось! — Хитер глянула на часы: без четверти пять. — Я, конечно, не прочь, но ведь… — Она смущенно кивнула на хозяина.

— Мистер Асфах, я отойду на четверть часа с вашего разрешения. — Орр стянул плащ с вешалки.

— Пожалуйста брать весь вечер, — отозвался пришелец. — Есть время. Есть возвратность. Уйти есть вернуться.

— Спасибо, большое спасибо, шеф! — сказал Орр и пожал хозяину руку. Большая зеленая клешня обожгла холодком хрупкую человеческую ладонь.

Джордж выскочил вслед за Хитер в теплый

летний дождь. Пришелец в витрине, напоминая большую черепаху в аквариуме, провожал *взглядом* теряющуюся за сеткой дождя парочку.